

# ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

№ 4/2020

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ  
ИЗДАЕТСЯ С 2007 ГОДА  
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ  
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки  
Институт экономики Российской академии наук



ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР  
Козлова С.В., доктор экономических наук



РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ  
Ахапкин Н.Ю., канд. экон. наук  
(заместитель главного редактора)  
Дерябина М.А., канд. экон. наук  
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук  
Братченко С.А., канд. экон. наук  
Грибанова О.М.



СЕКРЕТАРИАТ ЖУРНАЛА  
Касьяненко Т.М.  
Нефёдова Н.П.

---

МОСКВА

---

---

## РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**Гринберг Р.С.** председатель, член-корреспондент РАН,  
научный руководитель Института экономики РАН

**Ленчук Е.Б.**

доктор экономических наук, директор Института экономики РАН

**Абрамова М.А.**

доктор экономических наук, профессор, зам. руководителя  
департамента финансовых рынков и банков Финансового  
университета при Правительстве РФ

**Александрова О.А.**

доктор экономических наук, заместитель директора Института  
социально-экономических проблем народонаселения РАН

**Аносова Л.А.**

доктор экономических наук, профессор,  
начальник отдела Отделения общественных наук РАН

**Архипов А.И.**

доктор экономических наук, профессор,  
главный научный сотрудник Института экономики РАН

**Бахтизин А.Р.**

член-корреспондент РАН, директор Центрального экономико-  
математического института РАН

**Буторина О.В.**

доктор экономических наук, профессор,  
заместитель директора Института Европы РАН

**Валентей С.Д.**

доктор экономических наук, профессор, научный руководитель  
Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова

**Головнин М.Ю.**

член-корреспондент РАН, первый заместитель  
директора по науке Института экономики РАН

**Городецкий А.Е.**

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного  
направления Института экономики РАН

**Дорошенко М.Е.**

доктор экономических наук, профессор, зам. зав. кафедрой прикладной  
институциональной экономики экономического факультета  
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

**Иващенко Н.П.**

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой  
экономики инноваций экономического факультета Московского  
государственного университета имени М.В. Ломоносова

---

---

---

---

**Калабихина И.Е.**

доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой  
народонаселения экономического факультета Московского  
государственного университета имени М.В. Ломоносова

**Караваева И.В.**

доктор экономических наук, профессор, зав. сектором,  
зав. кафедрой экономической теории Института экономики РАН

**Кузнецов А.В.**

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,  
ВРИО директора Института научной информации по общественным  
науками (ИНИОН) РАН, профессор МГИМО МИД России

**Лаврикова Ю.Г.**

доктор экономических наук, профессор,  
директор Института экономики УрО РАН

**Музычук В.Ю.**

доктор экономических наук, заместитель директора по научной  
работе Института экономики РАН

**Некипелов А.Д.**

академик РАН, директор Московской школы экономики  
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

**Прокапало О.М.**

доктор экономических наук, директор Института экономических  
исследований ДВО РАН

**Рубинштейн А.Я.**

доктор философских наук, профессор,  
руководитель научного направления Института экономики РАН

**Сорокин Д.Е.**

член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового  
университета при Правительстве РФ

**Цветков В.А.**

член-корреспондент РАН, директор Института проблем  
рынка РАН

**Черных С.И.**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник  
Института экономики РАН

**Шабунова А.А.**

доктор экономических наук, доцент, директор Вологодского  
научного центра РАН

---

---

ВЕСТНИК  
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ  
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК  
Научный журнал

№ 4/2020

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»  
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением  
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.  
Свидетельство о регистрации средства массовой информации  
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.  
ISSN 2073-6487

Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»  
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,  
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций  
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора  
наук, по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:  
08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки),  
08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам  
деятельности) (экономические науки),  
08.00.10 – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки),  
08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование

Высказанные в статьях мнения и суждения  
могут не совпадать с точкой зрения редакции.  
Ответственность за подбор и изложение материалов  
несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32  
Тел.: 8-499-724-13-91, e-mail: [vestnik-ieran@inbox.ru](mailto:vestnik-ieran@inbox.ru)  
[www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html](http://www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdennye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html)

© НП  
Редакция журнала  
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2020

Компьютерная верстка: Хацко Н.А.

Подписано в печать 25.08.2020.  
Формат 70×100/16. Усл.-печ. л. 10. Тираж 300 экз.  
Печать офсетная. Заказ № 2002-20

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит»,  
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88  
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33  
E-mail: [zakaz@amirit.ru](mailto:zakaz@amirit.ru)  
Сайт: [amirit.ru](http://amirit.ru)

---

---

# СОДЕРЖАНИЕ

---

---

## ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Ленчук Е.Б., Филатов В.И.**  
Совершенствование методологических подходов к формированию системы стратегического планирования в России . . . . . 9
- Одинцова А.В., Кольчугина А.В., Валентик О.Н.**  
Моногорода России: новый вектор государственной поддержки . . . 27
- Виленский А.В.**  
Российское малое и среднее предпринимательство в начале коронавирусного кризиса: федеральный и региональный аспекты. . . . . 46
- Доржиева В.В., Ильина С.А.**  
Институты развития как инструменты поддержки малого и среднего предпринимательства . . . . . 58
- Белоусова А.В.**  
Уровень бедности в РФ: пространственный анализ . . . . . 73
- Букина И.С., Одинцова А.В., Ореховский П.А.**  
Богатство российских регионов и эффективность государственного управления. . . . . 89
- Батов Г.Х.**  
Цифровая платформа как инструмент трансфера технологий в экономику макрорегиона (на примере Северо-Кавказского федерального округа) . . . . . 113
- Грибанова О.М.**  
Институт казны и роль государства в новых геополитических и экономических реалиях. . . . . 127

## ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

- Ковалёв А.В.**  
К вопросу о теории происхождения денег К. Менгера . . . . . 137

## ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

- Кирилюк И.Л.**  
Методы интеллектуального анализа данных и регулирование цифровой трансформации финансового сектора в России и в мире . . 152

## МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

**Квашнина И.А.**

Влияние пандемии COVID-19 на мировую экономику и потоки  
прямых иностранных инвестиций . . . . . 166

**Тошматов М.Н., Мирзорахимов Н.Т.**

Формирование инновационного климата – основа инновационного  
развития национальной экономики . . . . . 176

## ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

**Медведев И.В.**

Роль российских компаний в экономических интеграционных  
проектах «Один пояс – один путь»: теоретические  
и методологические основания. . . . . 185

**Загоруйко Д.Л.**

Успешный опыт государственной поддержки малого  
предпринимательства на примере Республики Корея . . . . . 202

---

---

# CONTENTS

---

---

## ECONOMICS AND MANAGEMENT

- Lenchuk E.B., Filatov V.I.**  
Improvement of Methodological Approaches for Formation of Strategic Planning System in Russia . . . . . 9
- Odintsova A.V., Kolchugina A.V., Valentik O.N.**  
Single-Industry Towns in Russia: a New Vector of State Support . . . . . 27
- Vilenskiy A.V.**  
Russian Small and Medium-Sized Businesses at the Beginning of the Coronavirus Crisis: Federal and Regional Aspects . . . . . 46
- Dorzhieva V.V., Ilyina S.A.**  
Development Institutions as a Tool for Supporting Small and Medium-Sized Businesses . . . . . 58
- Belousova A.V.**  
Level of Poverty in Russian Federation: a Spatial Analysis . . . . . 73
- Bukina I.S., Odintsova A.V., Orekhovsky P.A.**  
Prosperity of Russian Regions and Efficiency of State Governance . . . . . 89
- Batov G.Kh.**  
Digital Platform as a Technology Transfer Tool into Macroregion Economy (on the Example of the North Caucasus Federal District) . . . . . 113
- Gribanova O.M.**  
Treasury Institute and the Role of the State in the New Geopolitical and Economic Realities . . . . . 127

## ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Kavaliou A.V.**  
To the Issue of the Carl Menger's Theory of the Origin of Money . . . . . 137

## FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

- Kirilyuk I.L.**  
Methods of Data Mining and Regulation of the Digital Transformation of the Financial Industry in Russia and in the World . . . . . 152

## WORLD ECONOMY AND INTERNATIONAL RELATIONS

**Kvashnina I.A.**

The Impact of the COVID-19 Pandemic on the Global Economy  
and Foreign Direct Investment Flows . . . . . 166

**Toshmatov M.N., Mirzorakhimov N.T.**

Formation of an Innovative Climate is the Basis of Innovative  
Development of the National Economy . . . . . 176

## PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

**Medvedev I.V.**

The Role of Russian Companies in Economic Integration Projects  
“One Belt, One Road”: Theoretical and Methodological Ground. . . . . 185

**Zagoruiko D.L.**

Successful Experience of State Support for Small Businesses  
on the Example of the Republic of Korea . . . . . 202

## ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

---

---

**Е.Б. ЛЕНЧУК**

доктор экономических наук, директор ФГБУН Институт экономики РАН

**В.И. ФИЛАТОВ**

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН  
Институт экономики РАН

### СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ФОРМИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В РОССИИ

В статье обосновывается объективная необходимость использования стратегического планирования как важнейшего инструмента государственного управления, позволяющего эффективно отвечать на глобальные вызовы и решать долгосрочные стратегические проблемы национального развития. В данном исследовании внимание акцентируется на проблемах совершенствования методологических подходов к выстраиванию системы стратегического планирования, начиная от формирования долгосрочных целей, задач и приоритетов социально-экономического развития до их эффективной реализации. Раскрывается роль государственной политики в сфере стратегического планирования, которая рассматривается авторами в теоретико-методологическом, содержательном и организационном аспектах.

**Ключевые слова:** стратегическое планирование, прогнозирование, целеполагание, национальные проекты, стратегия социально-экономического развития.

JEL: O20, O29.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10039

#### Введение

Возникшие весной 2020 г. экономические шоки, вызванные эпидемией COVID-19 и ситуацией на мировых рынках энергоносителей, практически не оказали заметного влияния на приоритеты политики российского правительства. Подписанный 21 июля 2020 г. Президентом РФ Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», по сути, является пролонгацией действия национальных проектов на период до 2030 г. и их интеграцией с наци-

ональным планом преодоления последствий COVID-19 и выходом экономики на устойчивый экономический рост. В качестве национальных целей определены пять направлений: сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация [1].

Реализуемые национальные проекты и аккумулируемые в них госпрограммы становятся основным инструментом достижения стратегических целей национального развития. Вместе с тем складывающаяся в 2020 г. экономическая ситуация серьезно осложняет условия формирования ресурсной базы для принятых нацпроектов и государственных программ. Падение мировых цен на энергоресурсы имеет в своей основе не только пандемию COVID-19. Весьма вероятно, что в среднесрочном периоде сформируется траектория «низких цен» на нефть, когда мировые цены будут варьироваться в диапазоне 30–40 долл. США за баррель. Это сужает ресурсную базу как российской экономики в целом, так и бюджетной системы страны.

На долгосрочном временном тренде (на период до 2050 г.) ситуация на европейском энергетическом рынке будет формироваться в условиях реализации так называемой «Европейской зеленой сделки» (European Green Deal (EGD), принятой на декабрьском саммите глав Евросоюза в 2019 г. В соответствии с заявленным «зеленым» курсом к 2050 г. Европа должна стать первым в мире «углеродно-нейтральным континентом». То есть любые промышленные выбросы в атмосферу вредоносного для экологии и ведущего к глобальному потеплению CO<sub>2</sub> должны быть прекращены. На «зеленые», не вредящие природе рельсы должны быть переведены промышленность, энергетика, транспорт, городская инфраструктура. Выработка самой электроэнергии должна осуществляться преимущественно «чистыми» способами, за счет возобновляемых источников, таких как солнце, ветряки и энергия приливных волн<sup>1</sup>.

Для России такой структурный разворот европейской экономики означает сужение европейского рынка для экспорта российских энергоносителей и обострение конкурентной борьбы за него между различными поставщиками. Следовательно, еще более возрастает актуальность задачи снижения зависимости российской экономики от экспорта энергоносителей и перехода на новую модель экономического роста, драйверами которого должны стать существенное повышение инвестиционной и инновационной активности. Накопленная «поду-

<sup>1</sup> [topcor.ru/14863-realnye-problemy-rossii-iz-za-koronavirusa-esche-vpered.html?utm\\_source=finobzor.ru](https://topcor.ru/14863-realnye-problemy-rossii-iz-za-koronavirusa-esche-vpered.html?utm_source=finobzor.ru).

шка безопасности» в 13 трлн руб. создает условия для такого перехода за два-три года в достаточно мягких условиях для бюджетной системы и для выполнения социальных обязательств перед населением.

Подробное рассмотрение механизмов формирования новой модели экономического роста не является предметом настоящей статьи. Отметим лишь, что в условиях перехода к такой модели существенно возрастет роль стратегического планирования, как процесса формирования долгосрочных целей, задач и приоритетов социально-экономического развития, направлений структурной модернизации экономики и ресурсного обеспечения их реализации.

К настоящему времени интерес к возможностям и перспективам использования инструментов стратегического планирования в практике государственного управления достаточно высок. Это нашло отражение в целом ряде исследований и публикаций, авторы которых затрагивают широкий блок проблем – от объективной необходимости использования механизмов стратегического планирования для решения важнейших проблем [2; 3; 4], анализа накопленного российского и зарубежного опыта в данной сфере, в том числе в области имплементации Федерального закона № 172-ФЗ [5; 6; 7; 8], до рассмотрения особенностей формирования отдельных документов стратегического планирования [9; 10; 11]. Вместе с тем ряд концептуальных (методологических) подходов к выстраиванию эффективной системы стратегического планирования требует дальнейшего развития. Прежде всего это касается обеспечения внутренней сопряженности разрабатываемых документов стратегического планирования как по основным этапам процесса формирования долгосрочных целей, задач и приоритетов (прогнозирование, целеполагание, планирование и программирование), так и по уровням стратегического планирования (федеральный, отраслевой и региональный, включая муниципальный) [5], а также обеспечения взаимодействия различных органов государственной власти во временном аспекте разработки документов стратегического планирования. Таким образом, вопросы выработки государственной политики в сфере стратегического планирования, реализующие эти методологические подходы, остаются весьма актуальными. На некоторых из них мы остановимся ниже.

## **1. Разработка государственной политики в области стратегического планирования**

Осознание необходимости использования инструментов стратегического планирования для решения долгосрочных стратегических проблем национального развития сложилось в середине второго десятилетия формирования рыночной экономики в России, что

нашло отражение в принятии в 2014 г. Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Однако до настоящего времени этот закон так до конца и не имплементирован в практику государственного управления. Провозглашенные в ФЗ-172 принципы стратегического планирования пока еще далеки от эффективной реализации. На фоне значительного количества принимаемых документов стратегического планирования их единая архитектура не выстроена. Отсутствуют базовые документы стратегического планирования, прежде всего стратегия социально-экономического развития на долгосрочную перспективу, которая формирует каркас всей системы стратегического планирования [5]. В связи с этим разработанные и уже принятые документы стратегического планирования различных уровней характеризуются изолированностью, отсутствием содержательной сопряженности по целям и задачам, размытостью ориентиров для бизнеса и регионов, практически не используются в процессе выработки и принятия решений среднесрочного и краткосрочного характера. Кроме того, существующие документы стратегического планирования в сфере социально-экономического развития практически не увязаны с вопросами национальной безопасности или рассматриваются формально.

Эффективность стратегического планирования снижается из-за фрагментарности научных исследований в области государственного управления и слабой методологической проработки инструментария стратегического планирования. Целый ряд вопросов методического характера, таких как сопряжение параметров развития проектов и программ, как между собой, так и с имеющейся ресурсной базой экономики, включая параметры планируемой финансовой и бюджетной политики, во многом еще требуют своего решения. В условиях сложившейся на сегодняшний день ситуации с фактическим состоянием системы стратегического планирования возрастает необходимость активизации государственной политики в сфере стратегического планирования. Такая политика может быть определена как деятельность государства по организации и обеспечению эффективного функционирования системы стратегического планирования и рассматриваться как процесс формирования долгосрочных целей, задач и приоритетов национального развития в контексте обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития, а также выработки мер по их эффективной реализации.

Государственная политика в сфере стратегического планирования может рассматриваться в различных аспектах – в теоретико-методологическом, содержательном, организационном.

*Теоретико-методологический аспект государственной политики* в области стратегического планирования формирует комплекс взглядов,

позволяющих выработать целостное представление о содержании, месте и взаимосвязях, принципах организации и построения, формах и способах функционирования стратегического планирования в общей системе управления процессами национального развития, включая его различные аспекты – геополитический (внешнеполитический и оборонный), социально-экономический (включая демографический, экологический, культурологический), научно-технологический. Разработка теоретико-методологических положений государственной политики в сфере стратегического планирования имеет целью обоснование и содержательное наполнение принципов (основных правил) стратегического планирования, которые должны реализовываться в практической деятельности участников стратегического планирования на разных этапах такого планирования и на разных уровнях государственного и муниципального управления<sup>2</sup>.

*Содержательный аспект государственной политики* определяет содержательное наполнение процесса стратегического планирования как деятельности, направленной на определение целей, задач и приоритетов национального развития Российской Федерации на долгосрочный временной период, с учетом вызовов и угроз национальной безопасности, а также на выработку мер по эффективной реализации целей и задач по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, ее устойчивого социально-экономического развития, в том числе и ее отдельных субъектов и муниципальных образований.

Ключевой проблемой содержательного аспекта такой политики является выстраивание основных, взаимосвязанных между собой элементов системы стратегического планирования, исходя из необходимости формирования эффективного процесса выявления рисков и угроз национальному развитию, прогнозирования возможных сценариев развития, целеполагания и стратегирования, планирования и программирования процесса социально-экономического развития Российской Федерации и ее субъектов, с учетом решения задач по обеспечению национальной безопасности нашей страны.

*Организационный аспект государственной политики* в области стратегического планирования определяет порядок функционирования

---

<sup>2</sup> В соответствии со Ст. 7 Федерального закона №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», «организация и функционирование системы стратегического планирования основываются на принципах единства и целостности, разграничения полномочий, преемственности и непрерывности, сбалансированности системы стратегического планирования, результативности и эффективности стратегического планирования, ответственности участников стратегического планирования, прозрачности (открытости) стратегического планирования, реалистичности, ресурсной обеспеченности, измеряемости целей, соответствия показателей целям и программно-целевом принципе».

системы стратегического планирования социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности как процесса управления взаимодействием участников стратегического планирования, осуществляющих работы по стратегическому анализу, прогнозированию, целеполаганию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, ее субъектов, отраслей экономики и сфер государственного и регионального управления.

Представляется, что основная задача государственной политики в области стратегического планирования должна состоять в усилении *системности стратегического планирования* как процесса определения долгосрочных целей и задач национального развития, а также направлений и инструментов их достижения. Такая системность стратегического планирования должна рассматриваться в более широком контексте, чем согласованность действий различных участников стратегического планирования – федеральных, региональных и муниципальных органов управления, включенных в процесс стратегического планирования. Во-первых, она предполагает обеспечение содержательного сопряжения (функциональной взаимосвязи) разрабатываемых документов (инструментов) стратегического планирования для разных стадий планирования – прогнозов, стратегий, программ и планов, для разных аспектов национального развития (геополитического и оборонного, социально-экономического, научно-технологического, регионального, внешнеэкономического), для разных сфер и секторов национального хозяйства и государственного управления, наконец, для разных уровней управления (федерального, отраслевого, регионального, муниципального).

В свою очередь такая сопряженность может обеспечиваться в том случае, если документы стратегического планирования каждого этапа и уровня формируют исходные условия и обоснования для содержания документов последующих этапов и уровней на всей траектории формирования системы документов стратегического планирования – от прогнозов к целеполаганию и стратегиям, от стратегий – к программам и планам.

Во-вторых, системность предполагает определенную логику (последовательность) этапов стратегического планирования (анализ и прогнозирование, целеполагание и стратегирование, планирование и программирование), обеспечивающую превращение разработки документов в единый технологический процесс.

Наконец, в-третьих, системность предполагает согласованность действий всех участников процесса разработки документов стратегического планирования в контексте реализуемого временного цикла разработки таких документов. В конечном итоге такая организация

работ должна обеспечивать высокий уровень обоснованности принимаемых решений в области оборонной, социально-экономической, бюджетной и финансовой политики на ряд последовательных среднесрочных (трехлетних) периодов. Это касается как выбора программ развития приоритетных сфер деятельности, отраслей и регионов, так и ресурсного обеспечения их реализации, включая вопросы финансового обеспечения.

Реализация такого системного подхода должна найти отражение как на методическом уровне, в соответствующих нормативных документах, регламентирующих содержание и порядок разработки основных документов стратегического планирования, так и в организации процесса их разработки как последовательной декомпозиции долгосрочных и среднесрочных целей социально-экономического развития в контексте преодоления вызовов и угроз национальной безопасности страны.

## **2. Основные этапы процесса стратегического планирования**

Совершенствование системы стратегического планирования в российской практике требует уточнения целого ряда методологических подходов к использованию данного инструмента в практике государственного управления. Прежде всего необходимо уточнить логику стратегического планирования, как процесса определения долгосрочных целей, задач и приоритетов национального развития с учетом задач обеспечения национальной безопасности. Такой процесс может быть разделен на несколько этапов, каждый из которых характеризуется определенным функциональным назначением и соответствующим блоком документов. Так, в ст. 11 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» выделяются следующие блоки документов стратегического планирования, разрабатываемых на федеральном уровне [12]:

- документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания (ежегодное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации; стратегия социально-экономического развития Российской Федерации; стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а также основы государственной политики, доктрины и другие документы в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации; стратегия научно-технологического развития Российской Федерации);
- документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках целеполагания по отраслевому и территориальному

- принципу (отраслевые документы стратегического планирования Российской Федерации; стратегия пространственного развития Российской Федерации; стратегии социально-экономического развития макрорегионов);
- документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках прогнозирования (стратегический прогноз Российской Федерации; прогноз научно-технологического развития Российской Федерации; прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочный период; бюджетный прогноз Российской Федерации на долгосрочный период; прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период);
  - документы стратегического планирования, разрабатываемые в рамках планирования и программирования (основные направления деятельности Правительства Российской Федерации; государственные программы Российской Федерации; государственная программа вооружения; схемы территориального планирования Российской Федерации; планы деятельности федеральных органов исполнительной власти).

Вместе с тем важно не только выделить основные блоки документов стратегического планирования, но и определить временную последовательность их разработки. Представляется, что в логике процесса стратегического планирования целеполагание (и представленный в нем блок документов) не может рассматриваться в качестве исходного этапа процесса стратегического планирования. Выбор стратегических целей национального развития должен основываться на анализе возможных сценариев развития внешних (геополитических и геоэкономических) и внутренних условий, на оценке сложившихся трендов развития, возникших рисков и угроз для различных аспектов национального развития и ресурсных возможностей для их преодоления.

Эти задачи должны решаться на этапе прогнозирования, когда в ходе соответствующего стратегического анализа и прогнозных оценок выявляются и оцениваются доминирующие тренды и сценарии геополитического, социально-экономического и научно-технологического развития, которые при определенных условиях могут перерасти в угрозы и риски национальной безопасности Российской Федерации.

В долгосрочном прогнозе научно-технологического развития должны быть оценены формирующиеся в мире тренды научно-технологического развития, готовность и возможности российского научно-технологического потенциала реагировать на новые технологические вызовы, а также рассмотрены сценарии такого эффективного реагирования, нацеленные на обеспечение высокого уровня научной и технологической конкурентоспособности национального хозяйства.

Долгосрочный прогноз социально-экономического развития страны должен включать анализ и оценку возможных долгосрочных трендов (сценариев) социально-экономического развития страны, условий реализации различных сценариев социально-экономического развития с учетом вызовов национальной безопасности страны. Как правило, это два основных сценария - инерционный и целевой. Целевой сценарий ориентирован на достижение некоторого желаемого состояния национальной экономики к концу рассматриваемого перспективного периода, учитывающего парирование выявленных рисков и угроз социально-экономическому развитию страны. Формирование такого сценария, как в отношении целевых установок социально-экономического развития, так и условий и факторов его реализации, с учетом ресурсных ограничений, должно стать необходимым требованием к содержанию долгосрочного прогноза социально-экономического развития страны.

Наконец, долгосрочный прогноз развития бюджетной системы (Бюджетный прогноз), разработка которого предусмотрена ст. 25 Федерального закона № 172-ФЗ, по сути, является производной от перспектив развития национальной экономики, поэтому он должен разрабатываться в содержательной увязке с общим прогнозом социально-экономического развития, выступая его органической частью.

Основным требованием при разработке и принятии документов стратегического прогнозирования является соблюдение принципа единого горизонта прогнозирования, а также пакетная (скоординированная во времени) разработка и принятие прогнозов [6].

Перечисленные выше прогнозы должны сформировать информационно-аналитическую основу для разработки базовых документов стратегического целеполагания – стратегий долгосрочного развития страны, конкретизирующих цели, задачи и приоритеты национального развития в различных сферах жизнедеятельности общества и государства и формирующих целевые ориентиры для государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности, социально-экономического и технологического развития, с учетом выявленных на этапе прогнозирования возможных рисков и угроз национальному развитию. К базовым документам, прежде всего, следует отнести стратегию национальной безопасности; стратегию социально-экономического развития на долгосрочную перспективу; стратегию научно-технологического развития; стратегию пространственного развития [4].

Остановимся на рассмотрении содержательного наполнения этих документов более подробно.

*Стратегия национальной безопасности Российской Федерации* должна сформировать основные задачи по преодолению выявленных

рисков и угроз национальному развитию в различных сферах государственного управления, включая социально-экономическую и научно-технологическую, определяя национальные интересы и стратегические приоритеты развития. Она выступает основой для разработки целого блока документов стратегического планирования, как в области обеспечения национальной безопасности России в сфере обороны, так и в области социально-экономического развития.

*Стратегия социально-экономического развития* Российской Федерации (далее Стратегия) разрабатывается с целью конкретизации основных долгосрочных целей, задач и приоритетов социально-экономического развития, а также направлений государственной политики в сфере социально-экономического развития, ориентированных на их достижение. В общем виде требования к содержательному наполнению стратегии социально-экономического развития определены в ст. 16 Федерального закона №172-ФЗ, которые включают оценку текущей социально-экономической ситуации в РФ, определение целей социально-экономического развития РФ и целевых показателей, основных приоритетов и задач социально-экономической политики на долгосрочный период, а также основные направления, мероприятия и механизмы ее реализации [12].

Вместе с тем представляется необходимым некоторое уточнение содержательного наполнения документа такого уровня. На наш взгляд, следует выделить три важных блока задач, на решение которых должна быть нацелена такая стратегия.

Первый блок задач стратегии долгосрочного социально-экономического развития состоит в уточнении структурных приоритетов национального развития в разрезе отраслей и секторов национальной экономики, которые должны получить опережающее (приоритетное) развитие для реализации целевого сценария развития в формате национальных проектов и государственных программ.

Второй блок задач связан с конкретизацией оценок ресурсных возможностей и ограничений для реализации целевого сценария долгосрочного прогноза социально-экономического развития, его целевых показателей (индикаторов) развития как экономики в целом, так и основных институциональных секторов национального хозяйства. Оценка таких ресурсных возможностей должна осуществляться как на макроуровне, в разрезе основных экономических факторов (трудовые ресурсы, производственные мощности, инвестиции), так и в разрезе важнейших институциональных секторов и приоритетных отраслей национальной экономики.

Наконец, еще одна функциональная задача долгосрочной стратегии социально-экономического развития состоит в концептуальном обосновании экономической политики, ориентированной на обеспе-

чение реализации долгосрочных целей и задач социально-экономического развития. На основе такой концепции должна выстраиваться конкретная деятельность правительства, направленная на совершенствование функционирования институтов управления социально-экономическим развитием страны на среднесрочный период в привязке к существующему шестилетнему политическому циклу.

*Стратегия пространственного развития*, которая в соответствии со ст. 20 Федерального закона №172-ФЗ, по сути, должна стать региональным срезом общей стратегии социально-экономического развития РФ [12], т.е. ориентироваться на общие целевые параметры развития национальной экономики и учитывать перспективы развития важнейших секторов национального хозяйства с учетом изменения территориальных пропорций их размещения. Такая стратегия должна разрабатываться в организационном и методическом единстве с общей стратегией социально-экономического развития страны и служить обоснованием для разработки программ развития субъектов Федерации и макрорегионов [9].

В свою очередь Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу должна служить основой для разработки блока программных документов развития приоритетных отраслей и сфер деятельности, субъектов РФ и макрорегионов, а также мер государственной политики в области социально-экономического развития, направленных на достижение установленных целевых ориентиров на заданный период.

В логике системы стратегического планирования программно-плановые документы выполняют роль инструментов реализации стратегических целей, задач и приоритетов национального развития и обеспечения национальной безопасности страны, определенных на этапе стратегирования и отраженных в стратегиях национальной безопасности, стратегии социально-экономического развития, стратегии научно-технологического развития [6]. Такие документы уточняют и систематизируют цели и задачи национального развития в отношении приоритетных видов деятельности, отраслей и регионов, конкретизируют количественно-качественные целевые индикаторы развития, определяют потребность в необходимых ресурсах, а также ответственные структуры за реализацию и достижение заданных на стадии стратегирования целевых ориентиров. Кроме того, программно-плановые документы стратегического планирования являются основой для бюджетного планирования и финансирования приоритетных направлений социально-экономического развития. В этой связи их разработка должна быть совмещена с бюджетным процессом – разработкой среднесрочного прогноза социально-экономического развития и формированием параметров бюджетной системы на среднесрочную перспективу.

### 3. Национальные проекты в системе целеполагания

В управленческой практике главная предпосылка решения стратегических задач социально-экономического развития – это выстраивание процесса стратегического целеполагания [5]. В российской практике такую задачу сегодня решают Стратегия национальной безопасности РФ, Стратегия экономической безопасности РФ, а также Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», заменивший Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 г. Принятые указы свидетельствуют о том, что стратегический уровень управления социально-экономическим развитием Российской Федерации переместился на президентский уровень.

Однако следует отметить, что ни сами эти Указы, ни принятые в соответствии с их решениями национальные проекты до сих пор не вписаны в систему стратегического планирования и, по сути, не являются результатом ее функционирования. Разработка национальных проектов и заложенные в них целевые ориентиры не опирались ни на долгосрочный прогноз социально-экономического развития, ни на долгосрочную стратегию развития. Последняя, несмотря на законодательно установленные сроки разработки в ФЗ-210<sup>3</sup>, до сих пор представлена так и не была. В связи с этим можно констатировать, что взаимоувязанный пакет документов, определяющих перспективы развития страны на долгосрочную перспективу до 2030 г., так и не был сформирован.

Вместе с тем формат указа, как нам представляется, не может заменить стратегию долгосрочного социально-экономического развития по целому ряду причин.

Во-первых, из-за недостаточной глубины шестилетней перспективы (определяемой границами политического цикла), необходимой для решения задач масштабной структурной перестройки экономики. Напомним, что Федеральный закон №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» предполагает как минимум двенадцатилетнюю перспективу для разработки целевых ориентиров стратегии социально-экономического развития.

Во-вторых, из-за недостаточной широты охвата рассматриваемых проблем. Отмеченные в Указе целевые ориентиры и задачи национального развития охватывают главным образом вопросы социаль-

<sup>3</sup> Федеральный закон от 23.06.2016 N 210-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации». [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_199998](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199998).

ного развития. Если рассматривать принятые нацпроекты, то непосредственное отношение к динамике экономического развития, т. е. масштабное инвестиционное наполнение имеют только четыре проекта – Комплексный план развития магистральной инфраструктуры, безопасные и качественные автомобильные дороги, жилье и городская среда, экология, строительные проекты в других национальных проектах. Вне рамок принятых нацпроектов остались цели и задачи развития собственно производственного потенциала, прежде всего обрабатывающей промышленности и производства машин и оборудования, решения которых и определяют динамику диверсификации отраслевой инфраструктуры национальной экономики и рост ее конкурентоспособности. Остальные национальные проекты, при всей их важности и актуальности, ориентированы на повышение эффективности использования бюджетных ресурсов как федерального, так и регионального уровней и имеют отложенные экономические эффекты с точки зрения темпов экономической динамики и роста глобальной конкурентоспособности российской экономики.

В-третьих, из-за ограниченности масштабов задействованных финансовых ресурсов и их влияния на экономический рост. Напомним, что на реализацию нацпроектов до 2024 г. планируется выделить около 23 трлн руб., или 3,8 трлн руб. в среднем на год, что составляет менее 4% годового ВВП. При этом доля четырех инвестиционных проектов (бюджеты которых в сумме оцениваются в 12,9 трлн руб.), в рамках которых формируются материальные предпосылки экономического роста, составляют лишь половину выделяемых средств<sup>4</sup>.

Трудно рассчитывать, что такие объемы финансовых ресурсов обеспечат качественный прорыв в развитии важнейших сфер национальной экономики и рост ее глобальной конкурентоспособности. При этом даже выход на «среднемировые темпы экономического роста» (т.е. 3-4% среднегодового прироста ВВП на длительном временном интервале) не обеспечивают в приемлемые сроки ни сокращения двукратного разрыва по уровню экономического развития (ВВП на душу населения) с ведущими экономиками мира, ни ликвидацию нарастающего отставания по общим масштабам экономического потенциала от динамично развивающихся экономик Китая и Индии. По нашим расчетам, задача ускорения темпов экономической динамики до 5–6% годового прироста ВВП потребуют доведения доли инвестиций в экономике до 27–30% ВВП, т. е. увеличения на 10–12 трлн руб. в год.

Однако перечисленные выше ограничения не означают, что установленные в Указах Президента РФ №204 и № 474 цели националь-

---

<sup>4</sup> Рассчитано авторами на основе данных сайта «Будущее России. Национальные проекты». [futurerussia.gov.ru](http://futurerussia.gov.ru).

ного развития и принятые национальные проекты и программы недостаточно актуальны. Скорее вызывает сомнение их достаточность для эффективного ответа на возникающие вызовы национальному развитию, для перевода российской экономики на новую модель развития и обеспечения высокого уровня глобальной конкурентоспособности.

В этой связи нам представляется, что такие указы призваны не заменять стратегию долгосрочного социально-экономического развития РФ (как это происходит с 2012 г.), а наоборот, закреплять и конкретизировать ее основные целевые ориентиры и параметры применительно к шестилетнему политическому циклу, формируя такие ориентиры для разработки национальных проектов и государственных программ, а также шестилетнего плана деятельности Правительства РФ.

В методологическом плане важно определить и место нацпроектов в системе стратегического планирования. Следует отметить, что сам формат национальных проектов был юридически закреплен в принятом 30.06.2016 г. Указе Президента РФ № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам». В соответствии с отмеченным указом был образован и одноименный Совет при Президенте РФ, важнейшей функцией которого стало обеспечение взаимодействия органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных со стратегическим развитием страны и реализацией приоритетных проектов [13]. Этим Советом был определен перечень основных направлений стратегического развития, в рамках которых в настоящее время разрабатываются и реализуются приоритетные проекты и программы.

Заложенный в Указе Президента РФ № 306 проектный подход получил дальнейшее развитие в Постановлении Правительства РФ №1050 от 15.10.2016 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» и Распоряжении Правительства № 2165-р, утвердившим План первоочередных мероприятий по организации проектной деятельности в Правительстве РФ на 2016–2017 г. В результате был сформирован каркас системы программно-проектной деятельности исполнительной власти, охватывающей различные уровни – федеральный, отраслевой и региональный, опирающийся на систему проектных офисов, образованных на разных уровнях системы государственного управления – в правительстве РФ, федеральных органах исполнительной власти, органах власти субъектов Российской Федерации.

Таким образом, был сделан определенный шаг по «достройке» системы стратегического управления национальным развитием на основе проектного подхода как завершающего этапа разработки пакета документов стратегического планирования – отбор приоритет-

ных программ развития различных секторов, отраслей, сфер деятельности и регионов, как инструментов реализации стратегических установок социально-экономического развития страны. Однако формирование Совета решило лишь организационные аспекты проектной деятельности, в то время как методические аспекты содержательного наполнения процесса отбора таких приоритетных проектов и программ еще требуют дальнейших разработок.

#### **4. Направления совершенствования программно-планового блока системы стратегического планирования**

К настоящему времени программно-плановый блок стратегического планирования представлен документами следующих форматов: национальные проекты Российской Федерации; государственные программы Российской Федерации; схемы территориального планирования, основные направления деятельности правительства. Исторически, в постсоветский период, на федеральном уровне планово-программный блок был представлен федеральными целевыми программами; государственными программами, основными направлениями деятельности Правительства РФ.

С 2018 г. основным инструментом реализации приоритетов стратегического планирования становятся национальные проекты Российской Федерации и их наполнение в форме государственных программ и федеральных проектов. При этом если национальные проекты отражают, прежде всего, приоритетные сферы деятельности (направления) социально-экономической политики, реализуемой в рамках текущего шестилетнего политического цикла, то федеральные проекты раскрывают основные направления государственной политики и инструментарий для достижения целевых ориентиров в приоритетных сферах деятельности, ставших национальными проектами. В этом своем качестве федеральные проекты играют роль, аналогичную государственным программам, однако не могут их заменить в полном объеме.

Дело в том, что действующие в настоящее время 44 государственные программы охватывают более широкий спектр направлений, чем утвержденные национальные проекты. Так, государственные программы охватывают пять направлений государственной политики – новое качество жизни (10 госпрограмм); инновационное развитие модернизация экономики (19 госпрограмм); эффективное государство (3 госпрограммы); сбалансированное региональное развитие (5 госпрограмм); обеспечение национальной безопасности (6 госпрограмм)<sup>5</sup>, из

---

<sup>5</sup> [programs.gov.ru](http://programs.gov.ru).

которых три содержательно сопрягаются с приоритетными направлениями национальных проектов – человеческий капитал (4 нацпроекта); комфортная среда жизни (3 нацпроекта), экономический рост (6 нацпроектов). На первый взгляд, создается впечатление, что госпрограммы охватывают более широкий круг вопросов стратегического планирования. Однако анализ включенных в национальные проекты федеральных проектов дает основание сделать вывод о том, что в рамках 68 федеральных проектов предусматривается более глубокая и системная разработка приоритетных направлений социально-экономического развития. При этом вне рамок федеральных проектов осталось, по сути, два важнейших направления социально-экономического развития – инновационное развитие и модернизация экономики и сбалансированное региональное развитие.

Как представляется, архитектура программно-планового блока стратегического планирования нуждается в дальнейшем совершенствовании. Прежде всего целесообразно расширить направления стратегического планирования социально-экономического развития, включив в него приоритетные направления развития и модернизации производственного потенциала национальной экономики и проблематику регионального развития через региональные программы и проекты национального значения. Национальные проекты внутри таких направлений должны отражать действительно приоритетные направления социально-экономической и структурной политики на шестилетнюю перспективу. Формирование таких направлений является результатом всех этапов стратегического планирования, начиная с анализа сложившихся внешних и внутренних условий социально-экономического развития и возможных прогнозных сценариев такого развития для Российской Федерации.

Во-вторых, необходимо уточнить место и роль госпрограмм и федеральных проектов в системе проектно-планового блока стратегического планирования. Как представляется, целесообразно перейти на какой-то один формат реализации национальных проектов. Такими инструментами после 2024 г. могут стать федеральные проекты, как объекты бюджетной поддержки мер по реализации приоритетных направлений социально-экономического развития.

В-третьих, в серьезном совершенствовании нуждается методическая база как по определению приоритетных направлений социально-экономического развития в формате национальных проектов, так и их наполнение федеральными проектами, которые должны быть содержательно сопряжены между собой и увязаны с точки зрения ресурсного обеспечения, что предполагает широкое использование балансовых расчетов по важнейшим ресурсам и направлениям их использования (трудовые ресурсы, важнейшие инвестиционные товары, валют-

ные ресурсы для инвестиций, свободные производственные мощности и т. д.).

В-четвертых, основные направления деятельности правительства Российской Федерации, содержание которых, по сути, является планом развития мер государственной политики (организационно-правовой среды ведения экономической деятельности), должны, прежде всего, ориентироваться на обеспечение условий для реализации национальных и федеральных проектов, как инструментов реализации стратегических целей и задач социально-экономического развития.

В-пятых, к 2025 г. (т. е. к началу нового политического цикла) необходимо иметь подготовленный пакет документов стратегического планирования на долгосрочную перспективу (12–15 лет) (национальный прогноз, долгосрочный прогноз социально-экономического развития, долгосрочный прогноз научно-технологического развития, стратегию социально-экономического развития, стратегии основных отраслей и видов деятельности, стратегии субъектов РФ), разработанных в едином временном рабочем цикле и на единой методологической основе, что позволит сформировать обоснованную систему целей и приоритетов национального развития и информационную базу для разработки национальных и федеральных проектов на новую шестилетнюю перспективу – до 2030 г.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_357927](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927).
2. Афиногенов Д.А., Кочемасова Е.Ю., Сильвестров С.Н. Стратегическое планирование: проблемы и решения // Мир новой экономики. 2019. № 2. С. 23–25.
3. Глазьев С.Ю. О создании систем стратегического планирования и управления научно-техническим развитием // Инновации. 2020. № 2. С. 14–23.
4. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 11(4). С. 35–47.
5. Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в России: проблемы и пути решения. Методологические подходы к реализации принципов формирования системы стратегического планирования в РФ // Инновации. 2020. № 2. С. 24–28.
6. Смирнова О.О., Бочарова Л.К., Белявская-Плотник Л.А., Богданова Ю.Н. Концептуальные подходы к формированию архитектуры документов стратегического планирования в России // МИР (Модернизация, Инновации, Развитие). 2019. Т. 10. № 4. С. 440–456.
7. Заверский С.М., Киселева Е.С., Кононова В.Ю., Плеханов Д.А., Чуркина Н.М. Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2016. № 2. С. 22–40.

8. *Литина С.А., Беляевская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю.* Стратегическое планирование в России: возможность и необходимость применения зарубежного опыта // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 44–52. doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.4.
9. *Бухвальд Е.М.* Стратегия пространственного развития Российской Федерации и инновации в государственной региональной политике // Экономист. 2019. № 2. С. 25–34.
10. *Лексин В.Н.* Дороги, которые не мы выбираем (О правительственной стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.) // Российский экономический журнал. 2019. № 3. С. 3–23.
11. *Минакир П.А.* «Стратегия пространственного развития» в интерьере концепций пространственной организации экономики // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 8–20.
12. Федеральный закон от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_164841](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841).
13. Указ Президента РФ 30.06.2016 г. № 306 «О Совете при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам». [www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_200363](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_200363).

#### ABOUT THE AUTHORS

**Lenchuk Elena Borisovna** – Doctor of Economic Sciences, Director of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of Russian Academy of Science (the RAS), Moscow, Russia  
lenalenchuk@yandex.ru

**Filatov Vladimir Ivanovich** – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of Russian Academy of Science (the RAS), Moscow, Russia

#### IMPROVEMENT OF METHODOLOGICAL APPROACHES FOR FORMATION OF STRATEGIC PLANNING SYSTEM IN RUSSIA

The article substantiates the objective necessity of using strategic planning as the most important instrument of state governance. It makes it possible to effectively respond to global challenges and to solve long-term strategic problems of national development. This study focuses on the problems of improvement of methodological approaches to building a strategic planning system from the formation of long-term goals, objectives and priorities of socio-economic development to their effective implementation. The role of the state policy in the field of strategic planning in theoretical, methodological, substantive and organizational aspects is revealed.

**Keywords:** *strategic planning, forecasting, goal setting, national projects, strategy of socio-economic development*

**JEL:** O20, O29.

**А.В. ОДИНЦОВА**

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник  
Центра федеративных отношений и регионального развития  
ФГБУН Институт экономики РАН

**А.В. КОЛЬЧУГИНА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник  
Центра федеративных отношений и регионального развития  
ФГБУН Институт экономики РАН

**О.Н. ВАЛЕНТИК**

научный сотрудник Центра федеративных отношений и регионального  
развития ФГБУН Институт экономики РАН

**МОНОГОРОДА РОССИИ: НОВЫЙ ВЕКТОР  
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ**

В статье рассматриваются вопросы развития моногородов в Российской Федерации. Анализируется эволюция их места в социально-экономическом пространстве России. Показано, что рыночные трансформации, породив кризисные тенденции во всей экономике страны, особенно больно ударили по моногородам. Выделены основные этапы становления государственной политики поддержки моногородов. Представлены результаты проведенного авторами в 2019 г. анкетирования представителей моногородов Владимирской области с целью выявления основных проблем и перспектив их социально-экономического развития, а также возможных путей решения имеющихся трудностей.

**Ключевые слова:** *малые города, моногорода, монопрофильные муниципальные образования, Стратегия пространственного развития Российской Федерации, ТОСЭР.*

**JEL:** O18, R58, R38.

**DOI:** 10.24411/2073-6487-2020-10040

В Стратегии пространственного развития Российской Федерации (СПР) отмечена необходимость реализации дополнительных направлений социально-экономического развития городов, характеризующихся особым статусом монопрофильных муниципальных образований (МО). Это рассматривается в качестве важнейшей предпосылки сокращения уровня межрегиональной дифференциации и снижения внутрорегиональных социально-экономических различий.

Базой для возникновения моногородов, в свое время, послужили градообразующие предприятия, в течение многих десятилетий обеспечивавшие не только основной объем экономической деятельности и доходы местных бюджетов, но и рабочие места для основной части населения. Градообразующие предприятия финансировали всю коммунальную, социальную и прочую инфраструктуру соответствующих городов. Однако, в результате рыночных трансформаций они утратили социально-экономическую базу, одновременно лишив значительную часть населения (а также местные бюджеты) доходов.

В настоящее время в моногородах проживает около 16 млн чел. Численность занятого населения – почти 6 млн чел., из которых 916 тыс. чел. (15,4%) занято на градообразующих предприятиях; 1,5 млн чел. (25,8%) – в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП) [1].

### **Монопрофильные города в пространственном развитии**

Основы законодательной базы, определяющей понятия «градообразующее предприятие» и «моногород» (монопрофильное муниципальное образование) были заложены в середине 90-х годов. Так в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 29 августа 1994 г. № 1001 «О порядке отнесения предприятий к градообразующим и особенностях продажи предприятий-должников, являющихся градообразующими», к градообразующим были отнесены предприятия с занятостью около 30% и более от общего числа проживающих в населенном пункте и/или имеющее на балансе предприятия, социальные объекты, подразделения коммунального хозяйства, инженерно-технической инфраструктуры, обслуживающие около 30% и более проживающего на данной территории населения. Однако принятие указанного Постановления во многом было формальным. Оно не было подкреплено институционализацией необходимых механизмов поддержки градообразующих предприятий. В результате кризисные процессы в моногородах лишь углубились [1].

Следующим этапом в попытках решения проблемы моногородов стало Постановление Правительства РФ от 27 июля 2014 г. № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения». Было выделено три категории моногородов в зависимости от их социально-экономического положения: сложное положение; наличие рисков ухудшения положения; стабильное положение. При составлении Перечня моногородов в него было включено 319 МО. На 21.01.2020 г. их общее количество увеличилось до 321. При

этом группа МО с наиболее сложным социально-экономическим положением увеличилась на 3 единицы, группа, где имеются риски ухудшения социально-экономического положения – уменьшилась на 6, а группа моногородов со стабильной социально-экономической ситуацией увеличилась на 5<sup>1</sup>.

Признание необходимости дифференцированного подхода в политике поддержки моногородов, несомненно, относится к числу новаций, которые не только должны изменить формы и механизмы политики пространственного развития, но и привести к существенным подвижкам в решении проблемы моногородов.

Моногорода как особая форма расселения и административно-территориального устройства нельзя считать чисто российским явлением. Данная форма была свойственна капитализму периода второй промышленной революции. Примерами могут служить хрестоматийно известный Детройт, Сошо, где расположен музей Пежо, Тионвиль, Флорандж, Ле-Крёзо, Турин. Все они, в свое время, под влиянием логики второй промышленной революции, были монопромышленными. Это было неизбежным следствием экономики массового производства, характеризующейся достаточно однородной продукцией и принципом экономии на масштабе.

Третья промышленная революция изменила ситуацию. В современных условиях требуется более диверсифицированная продукция, с налаженными сетевыми связями между крупными и средними и мелкими предприятиями, расположенными на соответствующей территории.

Характеризуя зарубежный опыт решения проблем моногородов, выделим три момента.

Первый. В зарубежной практике, проблемы моногородов являются не результатом кризисных процессов в экономике, ее институциональной трансформации, и, возможно, ошибок в ее осуществлении, а следствием объективных изменений в ее отраслевой структуре. Не случайно, почти все кризисные моногорода за рубежом – это бывшие «угольные» (Mining towns) и «металлургические» (Metal towns) города; поселения, где прежние добывающие предприятия закрылись из-за истощения природных ресурсов (Resource towns); поселения близ утративших значение железнодорожных узлов (Railway towns) и пр. [2]. Именно этот момент, резко ограничивает возможности использования зарубежного опыта возрождения моногородов в России.

---

<sup>1</sup> Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. №1398-р «О перечне монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)», с изменениями на 21 января 2020 г. docs.cntd.ru/document/420210942.

Однако существуют еще два момента, которые, на наш взгляд, и делают зарубежный опыт интересным и полезным для России.

В большинстве стран речь идет об адресной помощи, которая оказывается на региональном и общегосударственном уровнях. И только по факту возникновения признающей кризисной и требующей вмешательства ситуации.

Третий момент, на наш взгляд, наиболее важный для России, – в том, что процесс принятия программ поддержки моногородов отличается открытостью и гласностью. Принятие любой программы предваряется ее обнародованием и обсуждением с привлечением всех заинтересованных субъектов – населения города, общественных и политических организаций, представителей бизнеса. При этом рассматриваются различные, иногда альтернативные, варианты привлечения ресурсов для экономического оздоровления территории. Так, в одних случаях, речь идет о государственных средствах, в других, – о средствах частного бизнеса, в т. ч. привлеченных с использованием механизмов ГЧП, в третьих, – о заемных и спонсорских средствах. Для контроля за реализацией принимаемых программ формируются различного рода наблюдательные советы [3; 4].

## **Российские моногорода в Стратегии пространственного развития**

На сегодняшний день моногорода в Российской Федерации расположены на территории 61 российского региона. Больше всего моногородов в Кемеровской (24), Свердловской (17) и Челябинской (16) областях. Среди других регионов, характеризующихся значительным количеством моногородов (больше 5) – Кировская, Мурманская, Архангельская, Тверская, Брянская, Владимирская, Иркутская, Ивановская, Нижегородская области, Забайкальский, Красноярский, Пермский, Приморский края, Республика Саха (Якутия) и Республика Карелия. При этом по количеству кризисных моногородов лидируют Кемеровская (9) и Челябинская (7) области; Республика Карелия и Пермская область (по 6)<sup>2</sup>.

Большинство проблем, которые стоят перед моногородами, обусловлено, главным образом, высокой степенью зависимости их экономики от градообразующего предприятия, которое стало наследием,

---

<sup>2</sup> Из решения Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 23 декабря 2016 г. № 69К (1144) «О результатах контрольного мероприятия «Проверка эффективности использования средств федерального бюджета, направленных в некоммерческую организацию «Фонд развития моногородов» в 2014–2016 годах». Users/COMPAG/AppData/Local/Packages/Microsoft.MicrosoftEdge\_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/Otchet\_2014-2016\_-\_Fond\_razvitiya\_monogorodov%20(2).pdf.

доставшимся от плановой экономики. Зависимость эта проявляется как в уровне занятости и доходов местного бюджета, так и в необходимости поддержания инфраструктуры. Кроме того, в большинстве моногородов наблюдаются трудности, а иногда полная неспособность градообразующих предприятий адаптироваться к условиям рынка. Непродуманность политики включения моногородов в процесс рыночных трансформаций, так же как и противоречивость процесса реформирования местного самоуправления, привела к тому, что у администрации моногородов, переживших развал градообразующего предприятия, не оказалось ни полномочий, ни экономических ресурсов, чтобы за счет доходов местных бюджетов исправить ситуацию. В значительном количестве случаев промышленные площадки остановленных в моногородах производств многие годы были недоступны для альтернативного хозяйственного использования.

На сегодняшний день в 20 регионах более половины городов относится к монопрофильным [5, с. 319]. Есть регионы, где проблема моногородов вообще имеет критический характер. Примером может служить Кемеровская область, где все города, кроме Кемерово, – монопрофильные. В настоящее время в них проживает 70% населения области.

Как уже было отмечено, за годы рыночных трансформаций, наблюдалось несколько попыток решить проблему моногородов. Характеризуя современную государственную политику в этой сфере, можно выделить следующие ее особенности.

*Первая.* Переход от единой политики в отношении моногородов к политике, основанной на их типизации с учетом остроты требующих решения проблем. Полагаем, что данный подход требует еще своего совершенствования. Так, многие эксперты высказывают точку зрения, что принятая типизация весьма условна и «годится только для того, чтобы обозначить ареал самых срочных действий в отношении этих городов. Такая упрощенная типизация недостаточна для того, чтобы осуществить подбор наиболее действенных форм государственной поддержки сообразно каждой конкретной ситуации в том или ином моногороде» [1, с. 12, 6]. Тем не менее, такой подход, несомненно, особенно значим для первой группы моногородов, которые требуют наиболее экстренных мер поддержки.

*Вторая.* Формирование институциональной основы политики поддержки моногородов. Здесь, в первую очередь, следует отметить создание Фонда развития моногородов, а также принятие приоритетной программы «Комплексное развитие моногородов»<sup>3</sup>, срок реализации которой – с ноября 2016 г. по декабрь 2025 г.

---

<sup>3</sup> Утверждена Президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам. (Протокол от 30 ноября 2016 г. № 11).

Задачей Фонда развития моногородов становится финансирование концессионных проектов, выдача займов лизинговым компаниям, а также софинансирование строительства и реконструкции объектов социальной инфраструктуры в соответствующих моногородах<sup>4</sup>.

В результате внесенных изменений Фонд развития моногородов получил право выдавать займы лизинговым компаниям от 5 до 250 млн руб. на срок до 15 лет под 0% годовых. Такая мера должна позволить обновить транспортную систему и инфраструктуру ЖКХ в моногородах. Также утвержденными изменениями введена возможность выдачи Фондом займов на концессионные, ГЧП и МЧП-проекты – от 25 млн до 1 млрд руб. со ставкой от 0 до 5% годовых. Кроме того, Фонд будет поддерживать инвестпроекты индивидуальных предпринимателей. Важным нововведением стало и софинансирование Фондом строительства и реконструкции объектов социальной инфраструктуры. В моногородах с численностью до 50 тыс. чел. средства Фонда составят до 50% стоимости объектов инфраструктуры. При этом предполагается финансирование создания не только крупных предприятий и инфраструктуры, но и формирование современной городской среды.

Создание нормативно-правовой базы для использования механизмов концессии, лизинга, финансирования социальной инфраструктуры, несомненно, позволит усилить институциональные основы возрождения моногородов России.

Особые меры предусмотрены для моногородов, в которых введен режим ЧС федерального характера. В частности, Фонд сможет выдавать займы на оборотный капитал. Также здесь снято ограничение по финансированию Фондом проектов, связанных с оптово-розничной торговлей [7].

*Третья.* Новым элементом государственной политики в отношении моногородов стало решение о возможности создания в этих городах территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) [2].

Для стимулирования инвестиционной активности на территории моногородов, резидентам ТОСЭР предоставляются налоговые льготы, льготные тарифы страховых взносов в негосударственные внебюджетные фонды, облегченный порядок проведения государственного и муниципального контроля. При этом указанные льготы предоставляются новым инвесторам, которые не связаны с градообразующими предприятиями.

---

<sup>4</sup> В соответствии с изменениями, внесенными в Постановление Правительства № 1186 «О предоставлении из федерального бюджета субсидии некоммерческой организации «Фонд развития моногородов»»,

Первыми статус ТОСЭР получили два моногорода в Кемеровской области – Юрга и Анжеро-Судженск. На середину июля 2018 г. таких моногородов было уже 62, а сегодня их 87. На 15.06.2019 г. на территории ТОСЭР было зарегистрировано 370 резидентов, выручка которых составила более 67 млрд руб. Предполагается, что реализация инвестиционных проектов к 2026 г. приведет к созданию 7900 рабочих мест и привлечет 29,4 млрд руб. инвестиций [8].

Эффективность введения института ТОСЭР долгое время сдерживалась ограничениями, установленными в видах экономической деятельности. Однако сегодня ситуация изменилась. С начала 2020 г. Постановлением Правительства РФ для 25-ти моногородов, имеющих статус территории опережающего развития (ТОР), расширен перечень видов экономической деятельности. Это, несомненно, станет важной предпосылкой для расширения привлекательности ТОСЭР для новых резидентов.

В условиях пандемии Фонд развития моногородов обратился в Минэкономразвития с рядом предложений, в т.ч. о расширении этого перечня для всех ТОСЭР в моногородах. Подобная мера, полагаем, должна способствовать выведению моногородов из кризисного состояния.

Кроме того, в начале 2020 г. снижен минимальный объем капитальных вложений резидента с 5 млн руб. до 2,5 млн руб., а также количество новых рабочих мест для предприятий-резидентов – с 20 до 10. Однако если руководство ТОСЭР в течение 2 лет не будет должным образом вести работу по привлечению резидентов и созданию необходимой инфраструктуры, то предусмотрена возможность отзыва полученного статуса до истечения срока его действия. Все это позволит привлечь новые предприятия и повысить эффективность соответствующих территорий [9].

*Четвертая.* Осознание необходимости рассмотрения государственной политики в отношении моногородов в качестве составной части общей системы стратегического планирования. Однако говорить о полной интегрированности политики в отношении моногородов в стратегию пространственного развития России пока преждевременно.

Наличие обновленной Стратегии социально-экономического развития, отражающей специфику функционирования ТОСЭР, является скорее исключением, чем правилом. Так как многие моногорода получили такой статус относительно недавно, то у них не было времени сформировать муниципальные стратегии, базирующиеся на гипотезе развития моногорода именно как ТОСЭР.

Хотя многие МО уже начали работу по обновлению своих стратегий, действующими пока остаются их старые редакции, которые

в ряде случаев заставляют задуматься относительно объективности представленной в них оценки социально-экономического положения. Так, например, в принятой в 2018 г. стратегии Белебеевского района Республики Башкортостан, получившего статус ТОСЭР, отмечается, что данное МО является самым комфортным районом в Республике для проживания, обладающий привлекательным деловым и инвестиционным климатом и развитой системой внешних и внутренних коммуникаций<sup>5</sup>. Возникает вполне закономерный вопрос: почему самый комфортный для проживания и инвестиционной деятельности район Республики отнесен Перечнем монопрофильных МО РФ (моногородов) к первой категории, т. е. к моногородам с наиболее сложным социально-экономическим положением?

Повышение эффективности государственной политики возрождения моногородов, на наш взгляд, требует обусловленности получения моногородами государственной поддержки наличием у них обновленной, отвечающей их нынешнему статусу, стратегии развития. Эти стратегии, помимо прочего, должны создавать необходимые условия (экономические, нормативные и организационные) для развития крупного, среднего и малого предпринимательства.

Для усиления эффективности государственной политики развития моногородов в СПР предусмотрена разработка подпрограммы «Развитие моногородов» государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»<sup>6</sup>. Соответствующий проект постановления был разработан Минэкономразвития Российской Федерации в феврале 2020 г. Речь идет о формировании нормативно-правовых, стимулирующих и организационных условий, направленных на формирование современной городской экономики, создание рабочих мест, привлечение инвестиций, развитие городской среды и улучшение экологической ситуации [10].

На реализацию мероприятий подпрограммы «Развитие моногородов» в рамках госпрограммы предлагается в 2021–2024 гг. выделить из федерального бюджета 69,670 млрд руб. В данный объем средств включены ежегодные субсидии, предоставляемые Фонду развития моногородов, в размере 18,8 млрд руб. в 2021–2024 гг. Таким образом, на эту программу предусмотрено выделение средств в размере 4,7 млрд руб. ежегодно [11].

<sup>5</sup> Стратегия социально-экономического развития муниципального района Белебеевский район Республики Башкортостан на период до 2030 г. [www.belebey-mr.ru/munitsipalnye-programmy/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/index.php](http://www.belebey-mr.ru/munitsipalnye-programmy/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya/index.php).

<sup>6</sup> Утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика».

В проекте особое внимание уделено механизмам государственно-частного партнерства, софинансированию Фондом расходов субъектов и МО при строительстве и реконструкции городской инфраструктуры, рефинансированию кредитов, полученных в коммерческих банках на реализацию новых инвестиционных проектов. Определены три направления: формирование институциональных условий развития моногородов, обеспечение устойчивого социально-экономического развития моногородов и предпринимательской активности на принципах возвратного налогового финансирования. Важными задачами признаны содействие созданию новых рабочих мест, привлечение инвестиций, формирование кадрового потенциала [11]. Упомянутый проект в декабре 2019 г. с учетом предложений федеральных ведомств, регионов и местных предпринимателей был внесен в Правительство РФ.

### **Моногорода в условиях пандемии**

Дополнительным фактором, ухудшающим социально-экономическое положение моногородов, безусловно, стала пандемия. Еще в марте на встрече руководителя Фонда развития моногородов с главами МО местные власти говорили о необходимости дополнительных мер поддержки бизнеса. Прежде всего, речь идет об отсрочке платежей по основному долгу и процентам по тем займам и кредитам, которые ранее выдал Фонд. Было принято решение о том, что такая возможность будет распространяться только на тех предпринимателей, которым пришлось приостановить свою деятельность из-за коронавируса. Решение по каждому соглашению должно приниматься индивидуально после обращения заемщика. Рассмотренная мера распространяется только на проекты из портфеля организации [12].

Генеральный директор некоммерческой организации «Фонд развития моногородов» И. Макиева выступила с предложением приравнять градообразующие предприятия к системообразующим в связи с влиянием на экономику распространения коронавирусной инфекции.

Как и по всей России, сложившаяся ситуация заставляет бизнес искать новые, порой нестандартные решения. Трудности возникают со сбытом продукции, что сокращает выручку, доходы населения, а значит и доходы местных бюджетов. Безусловно, все вызовы, с которыми сталкивается российская экономика, в моногородах ощущаются особенно остро, вследствие их заточенности на одно предприятие. Закрытие границ приводит для крупных предприятий-экспортеров к проблемам с отгрузкой продукции.

Вместе с тем есть позитивные примеры. Например, в г. Вязники Владимирской области предприятие, производящее сырье для авто-

мобильной промышленности, перепрофилировано на производство медицинских масок.

В целом, по итогам формирования перечня предприятий, производящих продукцию по борьбе с COVID-19 в моногородах, около 200 предприятий в 80 российских моногородах выпускают средства защиты для борьбы с коронавирусной инфекцией. По данным перечня, 72% предприятий занимаются пошивом масок и изготовлением респираторов, 12% – выпускают защитные костюмы, 9% – различные дезинфицирующие средства, 4% – специальное оборудование и 3% – прочие товары [13].

Из-за закрытия границ многие проекты оказались, по сути, консервированы. Так, фабрика по производству детских игрушек «Полестье ДГ» в моногороде Димитровграде, которая находится в процессе расширения, не может привести зарубежных специалистов для обучения персонала. Из-за этого возникли сложности с пуско-наладкой оборудования.

В то время как в одних городах и регионах рассчитывают, что пандемия приведет к подъему туристической отрасли в результате введенных ограничений на выезд за рубеж, в других, – напротив, опасаются, что пандемия ударит по турбизнесу и гостиничной индустрии.

Наконец, 8 июня 2020 г. В.В. Путин по итогам совещания о ситуации на рынке труда поручил Правительству проработать распространение мер поддержки системообразующих организаций на градообразующие предприятия моногородов, а также вопросы, касающиеся распространения мер поддержки системообразующих организаций на градообразующие предприятия в моногородах (в т. ч. в части программ льготного кредитования).

Кроме того, принято решение о проработке возможности увеличения установленного законодательством РФ о налогах и сборах срока, исчисляемого со дня создания территории опережающего социально-экономического развития, в течение которого налогоплательщик должен получить статус резидента такой территории, в целях последующего получения права на применение пониженных тарифов страховых взносов [14].

## **Проблемы и перспективы моногородов на примере Владимирской области**

В 2019 г. авторами статьи при содействии Администрации Владимирской области было проведено анкетирование представителей моногородов области с целью выявления основных проблем и перспектив их социально-экономического развития, а также возможных путей решения имеющихся трудностей. В анкетировании приняли участие

представители местного самоуправления семи моногородов области, вошедших в федеральный список монопрофильных МО. Анкетирование охватило два городских поселения с численностью населения от 16 тыс. до 50 тыс. чел., четыре города с численностью до 15 тыс. чел. и один поселок городского типа с численностью до 15 тыс. чел.

В 2014 г. к группе монопрофильных МО Российской Федерации (моногорода) с наиболее сложным социально-экономическим положением (в т.ч., во взаимосвязи с проблемами функционирования градообразующих организаций) во Владимирской области отнесены три городских поселения: Гороховец, Камешково и Курлово (все три города с численностью населения менее 15 тыс. чел.) [15]. В число монопрофильных МО, в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения, вошли города Меленки и Вязники (свыше 15 тыс. чел.). Наконец, монопрофильными МО со стабильной социально-экономической ситуацией были признаны г. Кольчугино (свыше 15 тыс. чел.) и поселок городского типа (пгт) Ставрово. Последующие изменения списка МО<sup>7</sup> не отразили каких-либо перемен: на начало 2020 г. моногорода Владимирской области сохранили свое положение в тех же группах, что и в 2014 г.

Что показали результаты анкетирования? Прежде всего, они в целом, подтвердили связь ситуации в монопрофильном МО с реальным положением «его» градообразующего предприятия.

Так, несмотря на формальное наличие доступа к программам поддержки со стороны Фонда развития моногородов, представители одного из городов (г. Камешково) не видят перспектив восстановления экономической активности поселения в прежних объемах, что связывают с фактическим прекращением деятельности градообразующего предприятия.

В трех городах области (г. Меленки, Кольчугино и Вязники) градообразующее предприятие существенно сократило объемы производства.

По данным представленных анкет, только в трех МО (с населением до 15 тыс. чел.) – Курлово, Гороховец, пгт Ставрово – градообразующее предприятие по-прежнему работает в полном объеме. Число занятых на этих предприятиях остается в целом таким же, как и в более стабильные года. А доля занятых на них, из-за общего оттока населения, несколько увеличилась. Следует отметить, что, несмотря на это,

---

<sup>7</sup> Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р «О Перечне монопрофильных муниципальных образований РФ (моногородов) (с изменениями и дополнениями вводимыми Распоряжениями Правительства РФ от 16.04.2015 г. №668-р, от 07.08.2015 г. №1526-р, 16.04.2015 г. №668-р, от 07.08.2015 г. №1526-р, от 28.10.2015 г. №2190-р, от 24.11.2015 г. №2388-р, от 13.05.2016 г. №891-р, от 18.03.2019 г. №453-р, от 08.08.2019 г. №1762-р, от 21.01.2020 г. №42-р). [base.garant.ru/70707138/#ixzz6H3PqkC2x](http://base.garant.ru/70707138/#ixzz6H3PqkC2x).

только пгт Ставрово сохранил свое положение в группе со стабильным экономическим положением, города Курлово и Гороховец остались в списке неблагополучных монопоселений. Данный факт позволяет предполагать, что критерии по вхождению монопоселений в списки по вышепредставленным категориям требуют доработки в плане эффективного отслеживания текущей ситуации.

Возможный подъем в экономике моногорода представители анкетированных поселений связали, прежде всего, с созданием и развитием малых и средних предприятий (МСП). Такой ответ поступил из большей части городов (5 из 7 опрошенных моногородов). С приходом крупного отечественного или зарубежного инвестора такой подъем связали 2 моногорода.

С модернизацией действующего градообразующего предприятия – только 1 поселение (на данный вопрос допускалась возможность нескольких ответов). Им стал пгт Ставрово, где градообразующее предприятие продолжает работать в прежнем объеме, а само поселение отнесено к группе со стабильным положением. Не случайно, на вопрос о наличие инвестиционных планов в отношении градообразующего предприятия положительный ответ был получен только в одном случае (г. Кольчугино).

Остальные опрошенные ответили, что инвестиционные планы в моногороде есть, но только в целом по городу, и эти планы не касаются градообразующего предприятия. Это, на наш взгляд, является свидетельством недостаточных усилий местных администраций по обеспечению тесного взаимодействия с градообразующим предприятием. Как показывает мировая практика, в подобных случаях местные власти стремятся к разработке совместных планов действий по восстановлению работы такого предприятия независимо от его формы собственности. У нас же, вопросы взаимодействия частного собственника и власти в неоправданной степени табуировано, а без такого взаимодействия проблемы моногородов разрешить сложно.

В ряде ответов при опросе обозначилась такая важная причина сохранения сложной социально-экономической ситуации, как бездействие собственников градообразующего предприятия вплоть до доведения этого предприятия до банкротства и отсутствие возможности применения каких-либо мер воздействия на собственника предприятия со стороны местной власти. Но здесь следует упомянуть о том, что один из основных налоговых поступлений и рычагов воздействия на предпринимателя является налог на землю, полностью поступающий в местный бюджет. Следует в таких случаях и взаимодействовать с органами власти субъектов Федерации, которые являются получателями налога на недвижимость, которые также в свою очередь могут через управление этой налоговой ставкой стимулировать собственни-

ков либо к восстановлению работы предприятия, либо к продаже данных видов недвижимости более эффективному собственнику.

На вопрос о наличии долгосрочной программы (стратегии) социально-экономического развития МО ответы распределились следующим образом. Программа (стратегия) есть у всех опрошенных представителей монопрофильных МО. При этом у подавляющего большинства из них (5 из 7 моногородов) подобный документ продолжает сохранять свою актуальность. У остальных моногородов программа (стратегия) есть, но нуждается в доработке. В ряде случаев отмечалось, что отдельной стратегии у города нет, но есть стратегия развития всего муниципального района с входящими в него поселениями и данного моногорода.

В анкетах наиболее часто в качестве основных препятствий для выполнения стратегии развития и в целом – для социально-экономического развития МО назывались такие обстоятельства, как: отсутствие достаточных средств местного бюджета (5 из 7 моногородов); отсутствие (недостаток) инвестиций частных инвесторов (4 из 7 моногородов); отток трудовых ресурсов с территории (3 из 7 моногородов), отсутствие квалифицированных управленческих кадров в системе муниципального управления (3 из 7 моногородов).

Одна из важнейших проблем малых городов – снижение численности населения (отрицательная динамика за последние 20 лет); старение населения (каждый пятый – пенсионер), утрата населения трудоспособных возрастов, особенно, молодежи. Главной причиной оттока населения (особенно трудоспособных возрастов) опрошенные считают неудовлетворительный уровень оплаты труда (6 из 7 моногородов) и неудовлетворенность состоянием объектов социально-культурного характера (4 из 7 моногородов). Следует отметить, что никто из опрошенных не отметил такой важный фактор, как отсутствие рабочих мест. Возможно, что, несмотря на то, что градообразующие предприятия в большинстве случаев снизили объемы производства и, соответственно, свои возможности по предложению рабочих мест, в этих городах в достаточной мере реализуются иные формы предпринимательской активности. Это позволяет в известной мере реализовать функции по предоставлению рабочих мест, хотя, как было отмечено выше, материальная обеспеченность этих рабочих мест невысока и не всегда устраивает трудоспособных граждан.

Анкета включала вопросы, связанные с возможностью привлечения в моногорода рабочей силы «со стороны». В качестве причины, сдерживающей такие возможности, называлось отсутствие специального жилого фонда для привлечения иногородних на имеющиеся вакансии. Возможно, это связано действительно с достаточно большим числом вакансий при полной занятости собственного населения, а не

с желанием привлечь иностранную рабочую силу на места, на которые не идут местные жители из-за низкой оплаты.

На наш взгляд, в малых монопрофильных МО в большей степени, чем в крупных городах, значимо негативное влияние недостаточного квотирования дешевой иностранной рабочей силы. Хотя влияние градообразующих предприятий, как отмечалось выше, несколько снижается в моногородах, но остается важной не только в плане трудоустройства местного населения, но и в установлении уровня оплаты труда для всех занятых по данному поселению в целом. Возможность ориентации градообразующих предприятий на менее требовательных в плане оплаты труда иностранных работников неизбежно будет «давить» на уровень оплаты труда и на остальных предприятиях города, что будет сказываться на платежеспособности населения в целом и на экономическом развитии поселения.

Эти опасения косвенно подтверждаются ответами на вопрос об обеспеченности трудовыми ресурсами для подъема экономики монопрофильного МО. Практически все опрошенные ответили, что такая обеспеченность в муниципалитетах достаточна. При этом половина опрошенных отметила, что трудовые ресурсы сохранились и все еще реально могут быть задействованы в различных формах хозяйственной деятельности. Вторая половина высказала мнение, что свободные ресурсы в МО есть, но они нуждаются в обучении, переподготовке. Данные ответы поднимают проблему большего внимания к выявлению и целенаправленному формированию новых профессиональных компетенций, к организации обучения и переобучения кадров, прежде всего, через взаимодействие предпринимателей, местной и региональной администрации.

Относительно социально-культурных аспектов улучшения ситуации в монопрофильных МО ответы распределились следующим образом. Большинство опрошенных (6 из 7 моногородов) считает, что жилищный фонд МО достаточен и находится в удовлетворительном состоянии. А вот по обеспеченности жилищного фонда основными коммунальными услугами (газо-, водо- и пр. снабжение) как удовлетворительные эти услуги оценила меньшая доля опрошенных (3 из 7 моногородов), а большая часть (4 из 7 моногородов) оценили их как неудовлетворительные. Меньшая часть (2 из 7 опрошенных) неудовлетворительную оценку дала состоянию объектов социально-культурного характера, хотя в целом признала наличие этих объектов достаточным. Но, вместе с тем, были высказаны и вполне конкретные дополнительные потребности, а именно: стадион, крытый каток, бассейн. В ряде случаев были запросы и на объекты «первой необходимости», в т.ч. роддом, школа.

В целом можно сделать вывод, что большинство опрошенных считает, что имеющийся жилищный фонд и социально-культурные объ-

екты в МО по количеству и качеству недостаточны для закрепления и привлечения кадров в конкуренции с более крупными и экономически сильными поселениями (5 из 7 опрошенных). Часть опрошенных считает, что без значительных финансовых вливаний в эту сферу улучшение ситуации в экономике моногородов невозможно (3 из 7 опрошенных).

По оценкам опрошенных, наиболее важной является проблема формирования местного бюджета. Не менее важным является отток трудовых ресурсов, необходимость повышения квалификационного уровня, а также переобучения трудовых ресурсов. Особо была выделена недостаточность практики муниципально-частного партнерства в моногородах. Актуальными являются и вопросы методического, правового, информационного обеспечения по разработке стратегий развития, инвестиционных программ для данных МО.

Согласно проведенному опросу, администрация моногородов принимала активное участие в региональных и федеральных программах социально-экономического развития территорий, в т.ч., связанных с реализацией мер поддержки моногородов. Наиболее активно моногорода принимали участие в таких программах, как:

1. Программы поддержки малых и средних предприятий (6 из 7 моногородов).
2. Программы развития городской инфраструктуры (6 из 7).
3. Программы социально-культурного характера (5 из 7).

В наименьшей степени возможность участия в принятии федеральных поддерживающих мер представлена, как это ни парадоксально, в Программе поддержки моногородов. Только двум городам была предоставлена возможность участия в этой программе, при этом один город входил в группу моногородов с наиболее сложным социально-экономическим положением и один город – в группу со стабильным социально-экономическим положением. Это не позволяет определить критерии и степень эффективности включения монопрофильного МО в специализированную целевую программу поддержки со стороны данного Фонда.

Отдельно стоял вопрос о роли закона о территориях опережающего развития, допускающего возможность их создания в моногородах. Такую возможность большинство опрошенных оценили, как имеющую решающее или очень важное значение для возрождения экономики территорий (5 из 7 моногородов) или важное значение. Тем не менее, в двух случаях опрошенные высказали сомнения в том, что организация ТОСЭР на территории данных моногородов имеет шансы на успех.

Опрос выявил высокую степень заинтересованности в различных мерах поддержки монопрофильных МО со стороны федерального

и регионального уровня власти, при этом наибольшую приоритетность получили следующие меры поддержки.

1. Софинансирование инфраструктурных проектов, в т.ч. за счет средств Фонда поддержки моногородов (5 из 7 моногородов). При этом процент софинансирования со стороны муниципалитета предполагается существенно сниженным (до 5%).

2. Содействие в жилищном строительстве и строительстве объектов социально-культурного характера (4 из 7 опрошенных).

3. Содействие в привлечении, и особенно в обучении, трудовых ресурсов (4 из 7).

4. Информационное и иное содействие в привлечении отечественных и зарубежных инвесторов (4 из 7).

5. Помощь в подготовке муниципальных стратегий, программ и инвестиционных проектов (4 из 7).

6. Целевые меры поддержки малого и среднего предпринимательства (3 из 7). В числе таковых мер представителями МО предлагаются осуществить:

- льготные налоговые условия для предприятий в сфере производства товаров;
- субсидии на возмещение части затрат на приобретенное оборудование;
- субсидии на возмещение первоначального взноса за приобретенное оборудование по лизингу.

7. Содействие в организации промышленных парков, бизнес-инкубаторов и пр. (3 из 7).

Хорошо заметно, что в отличие от ответов на вопрос о препятствиях к выполнению стратегий развития и в целом к улучшению социально-экономической ситуации, ответы на вопрос о потребных мерах поддержки МСП более «выровнены». Определенные предпочтения есть и здесь, но они не носят столь резкого характера. Это говорит о понимании того, что только системная поддержка, а не отдельные, даже значимые меры, могут дать существенное улучшение ситуации в моногородах и обеспечить их устойчивое социально-экономическое развитие.

В целом опрошенные большей частью (5 из 7 моногородов) считают, что за период с 2014 г., когда Правительством РФ был утвержден перечень моногородов и активизированы меры их целевой поддержки, в социально-экономической ситуации наметились некоторые изменения в лучшую сторону. Однако в ответах на вопросы анкеты отмечалось, что эти улучшения фрагментарны, нуждаются в закреплении и развитии. В то же время, в двух случаях отмечалось, что такие изменения есть, но как в лучшую сторону, так и даже в худшую сторону. Причем таким образом ответили представители городов,

входящих в группу с наиболее сложным социально-экономическим состоянием или в группу с риском ухудшения. Это может свидетельствовать о важности более четкого выделения данной групп моногородов и более тщательной проработке для них целевых мер поддержки, возможно с более индивидуализированным разбором причин, препятствующих их дальнейшему развитию и разработки индивидуализированного плана вывода территории из кризисного состояния.

\* \* \*

Несмотря на несомненные подвижки в формировании механизмов, создающих предпосылки для привлечения инвестиций, ограничения оттока трудовых ресурсов и создания комфортной для проживания среды, государственная политика в отношении этой категории МО до сих пор не отличается внутренней последовательностью. Отсутствуют четкие представления о том, при каких обстоятельствах и для каких типов моногородов более предпочтительны те или иные формы (инструменты) их государственной поддержки: соинвестирование со стороны специализированного Фонда; налоговые льготы; создание ТОСЭР; акцент на развитие малых форм хозяйствования, или иные меры. Нет понимания потенциальных преимуществу института межмуниципального сотрудничества, который, несомненно, имеет большой потенциал в плане укрепления социально-экономических основ моногородов.

Государственная политика возрождения моногородов должна быть целеориентирована не просто на восстановление хозяйственной деятельности на этих территориях, а на превращение этих городов в центры инновационного развития экономики.

Другая проблема связана с кадровым потенциалом моногородов. Региональным и федеральным властям следует больше внимания уделять обучению муниципальных властей нормативно-правовой базе, основам стратегического планирования, внедрению успешных практик в реализации муниципально-частного партнерства.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бухвальд Е.М., Иванов О.Б. Моногорода России: от аутсайдеров к лидерам экономического развития // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 5. С. 7–21.
2. Бухвальд Е.М. Малый бизнес как фактор экономического подъема моногородов России // Мир перемен. 2018/ № 1. С. 35–48.
3. Кутергина Г.В., Лапин А.В. Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // Вестник Пермского университета. Серия Экономика. 2015. № 3. С. 69–77.

4. *Макиева Е.В., Кривоногов И.В.* Модернизация экономики моногородов // Вестник финансового университета. 2011. № 5. С. 5–9.
5. *Любовный В.Я.* Города России: альтернативы развития и управления. М.: Экон-информ, 2013.
6. *Пыжева Ю.И., Зандер Е.В.* Социально-экономическое разнообразие моногородов Сибири и Дальнего Востока: статистический анализ // Проблемы развития территории. 2019. № 3 (101). С. 49–61.
7. Расширен перечень мер поддержки Моногорода РФ. [xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/news/rasshiren\\_perechen\\_mer\\_podderzhki\\_monogorodarf](https://xn--80afd4affbbat.xn--p1ai/news/rasshiren_perechen_mer_podderzhki_monogorodarf).
8. О текущей социально-экономической ситуации в моногородах. [government.ru/orders/selection/405/29731](https://government.ru/orders/selection/405/29731).
9. Расширяется перечень ОКВЭД для резидентов ТОСЭР // Официальный портал муниципального образования город Новотроицк. [novotroitsk.orb.ru/news/?ELEMENT\\_ID=18123](https://novotroitsk.orb.ru/news/?ELEMENT_ID=18123).
10. *Омаров Т.Д., Омарова Т.Д.* Роль программно-целевого метода в решении проблем развития моногородов (на примере Владимирской области) // Экономика и предпринимательство. 2019. № 8.
11. Минэкономразвития предложило увеличить объем выделяемых средств на развитие моногородов. [tass.ru/ekonomika/7781731](https://tass.ru/ekonomika/7781731).
12. Коронавирус не привел к кризису в моногородах, последствий пандемии в них ждут позже // [Finanz.ru](https://finans.ru/novosti/aktsii/koronavirus-ne-privel-k-krizisu-v-monogorodakh-posledstviy-pandemii-v-nikh-zhdut-pozhe). 26.03.2020. [www.finanz.ru/novosti/aktsii/koronavirus-ne-privel-k-krizisu-v-monogorodakh-posledstviy-pandemii-v-nikh-zhdut-pozhe-1029033316](https://finans.ru/novosti/aktsii/koronavirus-ne-privel-k-krizisu-v-monogorodakh-posledstviy-pandemii-v-nikh-zhdut-pozhe-1029033316).
13. ВЭБ.РФ и МОНОГОРОДА.РФ сформировали перечень предприятий, производящих продукцию по борьбе с COVID-19 в моногородах. [news.vebrf\\_i\\_monogorodarf\\_sformirovali\\_perechen\\_predpriyatii\\_proizvodyashchikh\\_produktsiyu\\_po\\_borbe\\_s\\_cov](https://news.vebrf_i_monogorodarf_sformirovali_perechen_predpriyatii_proizvodyashchikh_produktsiyu_po_borbe_s_cov).
14. Путин поручил проработать меры поддержки для предприятий моногородов // РИА Новости 8 июля 2020. [ria.ru/20200608/1572642005.html](https://ria.ru/20200608/1572642005.html).
15. *Бухвальд Е.М., Кольчугина А.В.* Малые и моногорода в стратегии пространственного развития Российской Федерации. М. ИЭ РАН. 2019.

#### ABOUT THE AUTHORS

**Odinsova Alexandra Vladimirovna** – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
[Aleksod@yandex.ru](mailto:Aleksod@yandex.ru).

**Kolchugina Anastasia Vladimirovna** – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

**Valentik Olga Nikolaevna** – Scientific Associate of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia.

#### SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN RUSSIA: A NEW VECTOR OF STATE SUPPORT

The article deals with the development of single-industry towns in the Russian Federation. It analyses the evolution of their place in the socio-economic space of Russia. It is shown that market transformations, creating crisis trends in the entire economy of the country, particularly hurt single-industry towns. The main stages of formation of the state policy of support of single-industry towns are highlighted. The results of the surveys research conducted among residents of single-industry towns of the Vladimir region in 2019 are presented. The aim of the surveys was to identify the main difficulties and prospects for socio-economic development, as well as possible ways to solve existing problems.

**Keywords:** *small towns, single-industry towns, single-industry municipalities, the strategy of spatial development of the Russian Federation, the territory of advanced socio-economic development in the Russian Federation.*

**JEL:** O18, R58, R38.

**А.В. ВИЛЕНСКИЙ**

доктор экономических наук, профессор,  
заведующий сектором ФГБУН Институт экономики РАН

## **РОССИЙСКОЕ МАЛОЕ И СРЕДНЕЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В НАЧАЛЕ КОРОНАВИРУСНОГО КРИЗИСА: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ**

Российское малое и среднее предпринимательство подошло к началу кризиса, обусловленного коронавирусной пандемией, в состоянии продолжающегося спада, чередующегося с застойными явлениями. Кризис обострил ранее начавшиеся негативные процессы. Но на федеральном, и на региональном уровнях продолжились те же тенденции и в тех же пропорциях, которые сложились ранее. Вынужденная административная блокировка и ограничение деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, вызвавшие резкое падение деловой активности, выручки, частичного сокращения занятых, компенсировались целым рядом экстренных мер государственной поддержки бизнеса. Малое и среднее предпринимательство может и должно стать одной из первых сфер, которая сможет восстановиться в полном объеме в кратчайшие сроки.

**Ключевые слова:** *малое и среднее предпринимательство, регионы, динамика, кризис, платежеспособный спрос, институциональная система.*

JEL: C44, L26, R11, R58.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10041

Распространенное мнение о том, что обусловленный коронавирусом кризис носит системный характер, причем с катастрофическими последствиями, явно основано на преувеличениях. К самому кризису и к его последствиям стоит относиться как к чрезвычайным. Кризис входит в число неизбежных издержек, за определенным исключением, совершенно правильных административных усилий, направленных на защиту человеческих жизней. По нашему мнению, в число издержек, несомненно, входит и обострение накопившихся кризисных явлений и процессов, в том числе и в сфере малого и среднего предпринимательства (МСП).

После начала активной стадии коронавирусного кризиса в марте-апреле 2020 г. динамика российского МСП в целом сохранялась

в том же виде, что и в период до начала коронавирусной пандемии. Вынужденная административная блокировка, ограничение деятельности субъектов МСП, вызвавшие резкое падение деловой активности, выручки, частичного сокращения занятых, компенсировались введением запрета на официальное банкротство и ликвидацию предприятий малого и среднего бизнеса и, самое главное, принятием целого ряда экстренных мер поддержки бизнеса. В апреле 2020 г. были приняты два федеральных, а также региональные пакеты мер поддержки бизнеса. В острой фазе коронавирусного кризиса Федеральным Законом от 1 апреля 2020 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации», Постановлением Правительства РФ «О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики» от 02.04.2020 г. №409 и Постановлением Правительства от 03.04.2020 г. №438 «Об особенностях осуществления в 2020 г. государственного контроля (надзора), муниципального контроля и о внесении изменения в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» для юридических организаций и индивидуальных предпринимателей, включенных по состоянию на 01.03.2020 г. в реестр МСП, ведущих деятельность в наиболее пострадавших отраслях, введены отсрочки по уплате налогов (в первую очередь на прибыль, УСН, ЕСХН). Был продлен срок предоставления отчетности, введен запрет на проверки, взыскания и санкции со стороны ФНС и других государственных органов, мораторий на налоговые санкции, временно снижены тарифы по страховым взносам, введен мораторий на рост взносов индивидуальных предпринимателей.

Постановлением Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 422 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2020 г. субъектам МСП на неотложные нужды для поддержки и сохранения занятости», был введен беспроцентный заем на 6 месяцев на неотложные нужды (в первую очередь на выплату заработной платы сотрудникам).

Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 апреля 2020 г. № 428 был введен мораторий на возбуждение дел о банкротстве. Постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2020 г. № 372 «О внесении изменений в Правила предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам на возмещение недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019–2024 гг. субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам,

применяющим специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» по льготной ставке», в отношении заемщиков введена в действие специальная программа рефинансирования кредитных капиталов. Постановлением Правительства от 03.04.2020 г. № 439 «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества» была введена отсрочка по арендным платежам.

Федеральным законом от 03.04.2020 г. № 106-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О Центральном банке РФ (Банке России)» и отдельные законодательные акты РФ в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа» и Постановлением Правительства РФ от 03.04.2020 г. № 436 «Об утверждении методики расчета среднемесячного дохода заемщика (совокупного среднемесячного дохода заемщиков) в целях установления льготного периода, предусматривающего приостановление исполнения заемщиком своих обязательств по кредитному договору (договору займа)», введены кредитные каникулы на 6 месяцев пострадавшим индивидуальным предпринимателям.

Обращает на себя внимание факт того, что основной упор в поддержке МСП и самозанятых сделан на сохранении рабочих мест.

Экстренные меры поддержки и внутренняя устойчивость, способность к выживанию, к самовозрождению субъектов малого и среднего бизнеса позволили избежать ожидаемого многими развала, краха российской сферы МСП. Сохранились те же тенденции развития МСП, которые сложились в период до пандемии. Заметим, правда, что эти тенденции в большинстве своем не были положительными [3; 5].

В рамках действующего Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы до 2024 года» на 2019 г. было намечено доведение численности работников МСП в сфере МСП до 19,2 млн человек, а доли вклада МСП в ВВП – до 22,9%<sup>1</sup>.

Но в действительности вместо намеченного бурного роста с момента начала реализации этого Национального проекта сфера МСП стала ускоренно сокращаться. Средняя численность работников, по данным статистики ФНС РФ, в рамках Единого реестра субъектов МСП<sup>2</sup> на 10.01.2020 г. (т. е. за 2019 г.) составила только 15,3 млн человек<sup>3</sup>. То есть

<sup>1</sup> Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» до 2024 г. [government.ru/rugovclassifier/864/events](http://government.ru/rugovclassifier/864/events).

<sup>2</sup> Данные статистики ФНС РФ в рамках Единого реестра субъектов МСП обычно не сильно отличаются от аналогичных данных Росстата. Последние полные данные Росстата по МСП пока представлены только за 2018 г.

<sup>3</sup> Федеральная налоговая служба. Статистика. [fns.fed.ru/statistics.html](http://fns.fed.ru/statistics.html).

этот первый по значимости промежуточный целевой показатель первого года реализации Национального проекта МСП в 19,2 млн человек явно не был достигнут.

По данным Росстата и с учетом свежих данных Единого реестра субъектов МСП, сфера МСП в ряде субъектов Федерации до сих пор не вышла по среднесписочному числу работников, а также по ряду других важных показателей на уровень 2008 г.

В 2020 г. до начала мая практически не было никаких заметных подвижек в численности занятых сферы МСП – юридических лиц. Заметим, что показатель численности занятых считается наиболее надежным показателем сферы и динамики МСП. В этот период среди МСП – юридических лиц немного возросла численность занятых на средних предприятиях – на 1% (до 1,7 млн человек). Количество средней численности работников у индивидуальных предпринимателей (то есть предпринимателей без образования юридического лица), составив к началу 2020 г. 2,45 млн человек, к маю сократилось на 1,2%. Но по сравнению с началом 2020 г. это количество возросло на 0,2%, что, правда, малозаметно<sup>4</sup>.

А вот с 10.01.2017 г. по начало мая нынешнего года число средней численности работников МСП – юридических лиц сократилось на 4,1%, опустившись до 12,9 млн человек. С 10.01.2017 г. численность работников на средних предприятиях сократилась на 11,9%. И это было самым большим падением численности работников сферы МСП за этот период.

В начале 2020 г. МСП продемонстрировало некоторый рост количества субъектов МСП. Причем этот рост продолжался и в начале пандемии коронавируса, хотя и с сильным замедлением. За первые два месяца нынешнего года количество МСП- юридических лиц возросло на 10%, а до мая – еще на 1%, достигнув 2,6 млн. Но заметим, что по сравнению с 10.01.2017 г. число таких лиц к 10.05.2020 г. сократилось на 9,4%. Особо сильно за этот период сократилось число средних предприятий – юридических лиц – на 21,8%, уменьшившись к маю до 16 745 единиц.

Число индивидуальных предпринимателей в начале нынешнего года от января к марту возросло на 1,5%, а от марта до мая – еще на 1,4%. По сравнению с 10.01.2017 г. рост их числа составил 13,5%, а само их число достигло 3,5 млн.

Число вновь создаваемых МСП – юридических лиц с января до начала мая 2020 г. увеличилось на 21,9%. Очевидно, что люди пове-

---

<sup>4</sup> Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» до 2024 г. [government.ru/rugovclassifier/864/events](http://government.ru/rugovclassifier/864/events).

рили в чрезвычайные государственные меры поддержки бизнеса. В своем хозяйственном поведении они стали рассчитывать на получение дополнительных выплат и льгот от государства. Но по сравнению с 10.01.2017 г. количество таких предприятий сократилось на 22,1%. То есть взрывной прирост числа новых малых предприятий – юридических лиц начала 2020 г. не смог перекрыть общего падения числа таких вновь созданных предприятий, наблюдаемого в последние годы.

С начала года по начало мая 2020 г. на 18,3% увеличилось число вновь создаваемых индивидуальных предприятий без образования юридического лица. А за период с 10.01.2017 г. прирост количества таких новых предприятий составил целых 46,3%<sup>5</sup>. Но заметим, что и «срок жизни» индивидуальных предпринимателей заметно уступает «сроку жизни» МСП – юридических лиц. Индивидуальные предприниматели чаще, чем юридические лица, начинают свою деятельность, но и чаще ее прекращают.

Данные Росстата о доле МСП в ВВП за 2019 г. будут опубликованы только в конце нынешнего года. Известно, что, по данным Росстата, доля МСП в ВВП нашей страны в 2018 г. сократилась до 20,2%<sup>6</sup>, упав до уровня 2015 г. С учетом продолжающегося сужения сферы МСП на фоне небольшого роста ВВП РФ – эта доля в 2019 г. наверняка сократилась еще больше.

В региональном разрезе с января по начало мая 2020 г. не наблюдалось каких-либо существенных подвижек по показателю среднего числа работников субъектов МСП – юридических лиц. Рост на несколько десятых процента числа работников в Северо-Западном, Южном, Северо-Кавказском и Дальневосточном федеральных округах происходил на фоне снижения в несколько десятых процента среднего числа работников в Уральском и Сибирском федеральных округах (см. табл. 1). Но обвальных кризисных падений не наблюдалось.

Средняя численность работников средних предприятий, входящих в число МСП – юридических лиц, с начала января по начало мая 2020 г. показала уверенный рост примерно на один процент по всем федеральным округам. А у индивидуальных предпринимателей средняя численность работников за этот же период снизилась примерно на один процент по всем федеральным округам. Это снижение также не носило катастрофического характера.

<sup>5</sup> Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» до 2024 г. [government.ru/rugovclassifier/864/events](http://government.ru/rugovclassifier/864/events).

<sup>6</sup> Росстат зафиксировал снижение доли малого бизнеса в экономике. [www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692](http://www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692).

Таблица 1

**Состояние и динамика средней численности работников субъектов  
российского малого и среднего предпринимательства – юридических  
лиц России с 2017 по 2020 гг.\* (тыс. человек)**

	На 10.01.2017	На 10.01.2020	На 10.05.2020	Май 2020 г. к январю 2020, %	Май 2020 г. к январю 2017, %
Численность работников МСП –юридических лиц России	13 439	12 871	12 883	95,9	100,3
Центральный ФО	4 404	4 359	4 362	100,06	99,4
Северо-Западный ФО	1 701	1 658	1 659	100,06	97,6
Южный ФО	1 150	1 085	1 088	100,4	94,7
Северо-Кавказский ФО	267	274	277	101,2	103,9
Приволжский ФО	2 657	2 475,6	2 475,9	100	93,2
Уральский ФО	1 171	1 081	1 079	99,9	92,2
Сибирский ФО	1 567	1 361	1 360	99,9	69,0
Дальневосточный ФО	523	577	580	100,5	110,9
В том числе: Численность работни- ков средних предпри- ятий –юридических лиц России	1 919	1 674	1 691	101	88,1
В том числе: Центральный ФО	637	569	574	100,9	90,2
Северо-Западный ФО	206	184	188	101,8	91,0
Южный ФО	163	142	144	101,3	88,2
Северо-Кавказский ФО	43	47,4	47,6	100,3	112,0
Приволжский ФО	402	348	351	100,8	87,4
Уральский ФО	178	146,6	147,1	100,4	82,6
Сибирский ФО	225	172	174	101,1	77,5
Дальневосточный ФО	65	63,6	64,5	101,4	99,2

\* Рассчитано по: Федеральная налоговая служба. Статистика. [rmsp.nalog.ru/statistics.html](http://rmsp.nalog.ru/statistics.html); [rmsp.nalog.ru/statistics.html](http://rmsp.nalog.ru/statistics.html).

Составлено автором по: [www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692](http://www.rbc.ru/economics/28/01/2020/5e2eda219a79473c798d3692).

Если с начала и до мая 2020 г. просматривался перекрестный небольшой прирост среднего числа работников субъектов МСП -юридических лиц и его небольшое падение у индивидуальных предпринимателей по подавляющему большинству федеральных округов, то

по сравнению с началом 2017 г. по федеральным округам наблюдалось выраженное падение. Лидерами этого падения по юридическим лицам стали: Сибирский ФО – 31%, Приволжский ФО – 6,8% и Южный ФО – 5,3%. Среди юридических лиц особо заметно такое падение было у средних предприятий по Сибирскому ФО – 22,5%, по Северо-Западному ФО – 11,8% и по Центральному ФО – 9,8%.

У индивидуальных предпринимателей лидерами падения за этот период были Сибирский ФО – 15,6% и Приволжский ФО – 5,3%. Падение в этих федеральных округах сочеталось с ростом числа работников в Дальневосточном ФО на 18,4%, в Северо-Западном ФО и Северо-Кавказском ФО – по 6%<sup>7</sup>.

Обратим внимание на то, что наибольшее влияние на общую динамику МСП оказывают Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Это определяется сложившейся еще в середине 1990-х годов региональной структурой российского МСП, в которой эти два федеральных округа, а в них – Москва и Санкт-Петербург, являются абсолютными лидерами нашей страны по значимости и весомости сфер МСП [7].

Признанной причиной сужения сферы МСП во второй половине 2010-х годов в России стало падение платежеспособного спроса на продукцию некрупных субъектов хозяйствования. Особенностью сокращения спроса для продукции сферы МСП является нацеленность ее субъектов хозяйствования на конечного потребителя. Как следствие, произошедшее в нашей стране в последние годы падение реальных доходов населения не могло не ударить по МСП, причем сильно.

Нацеленность на конечного потребителя наглядно иллюстрируется отраслевой структурой российского МСП. Она устойчива и остается почти неизменной с середины 1990-х годов. В 2018 г. в объеме оборота МСП – юридических лиц доля торговли оптовой и розничной, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов составляла 57,2% – абсолютная доминанта. На обрабатывающее производство приходилось 10,2%, на строительство – 10,8%. По 4% приходилось на транспортировку и хранение и на операции с недвижимостью. 3,3% приходилось на профессиональную, научную и техническую деятельность, 2,45% – на сельскохозяйственную деятельность, 1,2% – на добычу полезных ископаемых, электроснабжение, снабжение газом и паром, кондиционирование воздуха, а 6,9% – прочее<sup>8</sup>.

В 2018 г. в объеме выручки от продажи продукции индивидуальных предпринимателей (без образования юридического лица) доля

<sup>7</sup> Рассчитано по: Федеральная налоговая служба. Статистика. [rmsp.nalog.ru/statistics.html](https://rmsp.nalog.ru/statistics.html); [rmsp.nalog.ru/statistics.html](https://rmsp.nalog.ru/statistics.html).

<sup>8</sup> Рассчитано автором по: данные Росстата. [www.gks.ru](http://www.gks.ru).

торговли оптовой и розничной, ремонта автотранспортных средств и мотоциклов составляла 67,0% – еще большая доминанта. На обрабатывающее производство приходилось 4,2%, на строительство – 2,6%. 4,8% приходилось на транспортировку и хранение, и 6,4% – на операции с недвижимостью. 3,4% приходилось на профессиональную, научную и техническую деятельность, 3,0% – на сельскохозяйственную деятельность, 1,7% – на административную деятельность и сопутствующие дополнительные услуги<sup>9</sup>.

Отметим, что отраслевая (виды деятельности) структура российского МСП вполне соответствует аналогичной структуре МСП большинства стран мира. Но от МСП высокоразвитых стран ее сильно отличает низкая инновационная активность. Так, по данным Росстата за 2017 г., лишь 5,2% российских малых предприятий осуществляют технологические инновации. По оценкам Европейской комиссии, в ЕС доля таких МСП составляет более 30%. При этом в прошлом году доля инновационных малых компаний в России наверняка еще сократилась, поскольку доля инновационных товаров, работ и услуг в объеме производства в стране в целом упала с 7,2% в 2017 г. до 6,5% в 2018 г.<sup>10</sup>

Обратим внимание на то, что в кризисных условиях 2020 г. в отраслевой структуре российского МСП, по многим оценкам, должна была бы лавинообразно сократиться доля непродовольственной торговли и услуг [9]. Именно на эти виды деятельности пришлось наибольшее количество административных ограничений (рынки, туризм, общественное питание и т. д.). Официальная статистика по изменениям отраслевой структуры МСП в начале 2020 г. пока отсутствует. Но именно из-за административных ограничений такая торговля и услуги были включены в виды деятельности, которым полагалась поддерживающая компенсация от государства<sup>11</sup>.

Развитие российского МСП после активной стадии коронавирусной пандемии будет опираться на сложившуюся систему государственной, муниципальной и общественной поддержки малого и среднего предпринимательства. В России эта система создавалась поэтапно, преимущественно методами копирования лучших образцов и практик аналогичных систем высокоразвитых стран. По своему наполнению российская система поддержки МСП не уступает аналогичным зарубежным системам.

<sup>9</sup> Рассчитано автором по: данные Росстата. [www.gks.ru](http://www.gks.ru).

<sup>10</sup> Пойти на прорыв: как в России развивается инновационная среда? [icss.ru/novosti/poyti-na-proryv-kak-v-rossii-razvivaetsya-innovatsionnaya-sreda](http://icss.ru/novosti/poyti-na-proryv-kak-v-rossii-razvivaetsya-innovatsionnaya-sreda).

<sup>11</sup> Список видов деятельности см.: Мой бизнес. xn--90aifddrld7a.xn--p1ai/anticrisis/mishustin-utverdil-perechen-naibolee-postradavshikh-ot-pandemii-otrasley-ekonomiki.

В качестве основного координатора оказания поддержки МСП в 2015 г. была создана Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства. Она наделена многочисленными полномочиями, включая реализацию стратегий и программ поддержки МСП. Корпорации принадлежит Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства. На поддержку МСП из бюджетов всех уровней выделяются сотни миллиардов рублей [2; 4].

Тем не менее, при всем этом российская система поддержки оказалась не в состоянии компенсировать собою уменьшение платежеспособного спроса на продукцию МСП. Сфера МСП уже несколько лет подряд продолжает сужаться. Все новые меры поддержки, декларируемые и вводимые Федеральными корпорациями по развитию малого и среднего предпринимательства, ничего не меняют и не приводят ни к каким улучшениям.

Введение все новых мер опирается на предложения, выдвигаемые субъектами российского малого и среднего предпринимательства. По данным опросов 2019 г., субъекты МСП предлагают: 1) уменьшение количества форм и видов отчетности – 76%; 2) защиту бизнеса от блокировки счетов – 83%; 3) снижение налогового бремени – 87%; 4) субсидии на покрытие расходов инициатив государства (контрольно-кассовая техника, маркировка, специальная оценка условий труда и т. п.) – 91%; 5) снижение количества проверок – 93% [10]. Очевидно, что цифровизация отчетности, уже введенные запреты на блокировку счетов, замораживание, оптимизация дублирующих проверок, субсидии малым предприятиям и индивидуальным предпринимателям потенциально могут улучшить положение российских субъектов МСП.

Предпринимателями самостоятельно и через Торгово-промышленную палату РФ, ОПОРу России, Деловую Россию и Российский союз промышленников и предпринимателей в 2020 г., как и многими годами ранее, выдвинуты десятки, сотни предложений по улучшению работы в сфере МСП.

Реализация всех этих предложения пойдет на пользу российскому малому и среднему предпринимательству. Но наверняка все эти предложения не смогут переломить общую негативную ситуацию с развитием МСП в нашей стране, кардинально активизировать его развитие в направлении достижения целей Национального проекта МСП до 2024 г. и действующей Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г. Дело в том, что основные проблемы МСП, мешающие ее развитию, явно лежат вне сферы самого малого и среднего предпринимательства.

В их число входят проблемы, требующие своего разрешения, а именно: защита прав собственности; состояние судебной и правоохранительных систем; противодействие рейдерским захватам успеш-

ного бизнеса; коррупция; «теневая экономика»; доминирование крупных предприятий в структуре российской экономики (в особенности, добывающих отраслей); отсутствие должной модернизации экономики. Малые и средние предприятия отторгаются российской экономикой с ее нынешней структурой и институциональной системой.

Тезис о том, что основные проблемы российского МСП лежат все сферы самого малого и среднего предпринимательства наглядно подтверждаются тем фактом, что многочисленные, идущие от союзов предпринимателей предложения по совершенствованию предпринимательского климата и т. п. Правительством РФ активно реализуются на практике уже более десяти лет. Но при этом сама сфера российского МСП если и не сужается, то, во всяком случае, не развивается активно. Термин «застой» часто встречается в аналитических материалах, посвященных российскому МСП. Российское МСП как более чем два десятилетия назад отставало по всем параметрам от развитых и развивающихся зарубежных стран, так и продолжает отставать с тем же негативным значительным отрывом.

Но сфера малого и среднего предпринимательства явно способствует скорейшему выходу из кризиса [1; 8]. В ближайшее же время в политике поддержки МСП нужно сконцентрироваться на мерах, способных дать максимальный эффект при минимальных затратах. Очевидно, что после коронавирусной пандемии и экстренных мер поддержки у государства не будет серьезных средств на сферу МСП. В этих условиях следует сконцентрироваться на оптимизации инфраструктуры поддержки МСП, начиная с Федеральной Корпорации по развитию малого и среднего предпринимательства (с явно отрицательной результативностью ее деятельности). Здесь возможно высвобождение крупных средств и их переадресация в каналы прямой поддержки МСП, особенно поддержки инновационного и реального секторов.

Дополнительные средства может дать вывод из льготных режимов МСП тех субъектов хозяйствования, которые в них не нуждаются по своему статусу. Речь идет, в частности, о предприятиях, ориентированных на «люксовый спрос» (торговля элитной одеждой, содержание роскошных баров, ресторанов, продажа ювелирных изделий, имитационное VIP обслуживание и т. п.). Заметим, что российский «люксовый малый бизнес» в немалой мере выходит из порочной практика деления крупного бизнеса на несколько малых предприятий ради не только ухода от налогов, но и получения дополнительных льгот, дотаций от государства. Так, значительное число российских ресторанов финансово построено именно по этой схеме. По этой же схеме организована работа многих крупных торговых фирм – по сути, сетевых структур.

Это касается и практики государственных и муниципальных закупок [6]. Ради получения государственных и муниципальных заказов

крупные предприятия номинально делятся на мелкие (или специально создают при себе формально независимые малые предприятия) и в таком виде успешно принимают участие в конкурсах на закупки. С этим необходимо бороться самым настоятельным образом. А «люксовые предприниматели» должны быть исключены из числа тех, кто имеет права на льготы и прочую поддержку от государства. Их вполне можно приравнять к не крупным предприятиям, осуществляющим предпринимательскую деятельность в сфере игорного бизнеса.

Сэкономленные при этом средства вполне могут быть направлены на пусть и небольшое, но снижение налогообложения и социальных выплат в сфере МСП, желаемое всеми российскими предпринимателями. Это снижение самым благоприятным образом скажется на процессах скорейшего преодоления экономических последствий пандемии коронавируса. МСП при этом может и должно стать одной из первых сфер, которая сможет, хотя и не без потерь и изменений, восстановиться в полном объеме в кратчайшие сроки по мере завершения кризиса, обусловленного пандемией коронавируса, а также политико-административных экономических кризисов, являющихся следствием сверх острой выборной кампании 2020-го года президента в США. Эта ситуация столь же негативно, как и коронавирусный кризис, влияет на всю мировую экономику, включая и экономику нашей страны.

Восстановление уже идет быстрыми темпами. Но заметим, что восстановлению противостоят торгово-финансовые санкционные войны, ведущиеся странами Запада во главе с США. Эти войны столь же негативно, как и коронавирусный кризис, влияют на всю мировую экономику, включая экономику нашей страны со всеми ее регионами.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев Г.В.О.* МСП как источник развития экономики в условия кризиса: на примере Приволжского федерального округа // В сбор: Неделя круглых столов: 4 SECTORS / Под ред. С.Д. Валентя. М.: Изд. Дом «Третьяковъ», 2016. С. 7–11.
2. *Антонец Д.К.* Проблемы финансирования малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 12 (56). С. 525–528.
3. *Виленский А.В.* Номинальное и реальное развитие российского малого предпринимательства // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 4. С. 26–35.
4. *Дрындина А.В.* Совершенствование механизма кредитования предприятия малого и среднего бизнеса в условиях кризиса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 8-1. С. 136–141.
5. *Закиров Д.Д., Атюнькина И.Н., Кох И.А.* Индикаторы определения предкризисного финансового состояния компаний малого и среднего предпринимательства // Современный ученый. 2017. Т. 1. № 1. С. 15–19.

6. *Ионичев В.Н.* Проблемы привлечения малого и среднего предпринимательства к участию в закупках крупнейших российских государственных компаний в контексте рисков экономической безопасности // Проблемы рыночной экономики. 2016. № 2. С. 31–37.
7. *Кулинская И.И.* Перспективы функционирования малого и среднего бизнеса в региональных экономических системах // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Т. 9. № 3-1. С. 224–233.
8. *Левушкина С.В.* Формирование механизма обеспечения устойчивого развития малого и среднего предпринимательства // В мире научных открытий. 2014. №11-4 (59). С. 1511–1525.
9. *Никулина О.В., Лемешко И.Г.* Влияние валютного кризиса на функционирование малого предпринимательства в российской экономике // Экономика устойчивого развития. 2015. №2 (22). С. 238–243.
10. *Хандриков И.* Итоги 2019 года для малого и среднего предпринимательства. [www.facebook.com/permalink.php?story\\_fbid=2592928024160427&id=100003297644792](http://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=2592928024160427&id=100003297644792).

#### ABOUT THE AUTHOR

**Vilenskiy Alexandr Viktorovich** – Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Subdepartment of Regional Economy and Local Governance of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
avilenski@mail.ru

#### RUSSIAN SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES AT THE BEGINNING OF THE CORONAVIRUS CRISIS: FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS

Russian small and medium-sized businesses have entered the coronavirus pandemic crisis in a state of ongoing recession, alternating with stagnation. The crisis has aggravated the negative processes that started earlier. Both at the Federal and at regional levels the same trends continued and in the same proportions as before. The forced administrative blocking and restriction of the activities of small and medium-sized businesses, resulted in a sharp drop in business activity, revenues, partial reduction in employment, were compensated by a number of emergency measures of state support for business. Small and medium-sized businesses can and should become one of the first sectors that can fully recover within shortest time.

**Keywords:** *small and medium-sized businesses, regions, dynamics, crisis, effective demand, institutional system.*

**JEL:** C44, L26, R11, R58.

**В.В. ДОРЖИЕВА**

кандидат экономических наук, доцент,  
ведущий научный сотрудник ФГБУН Института экономики РАН

**С.А. ИЛЬИНА**

кандидат экономических наук,  
старший научный сотрудник ФГБУН Института экономики РАН

## **ИНСТИТУТЫ РАЗВИТИЯ КАК ИНСТРУМЕНТЫ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

В статье рассматриваются различные меры государственной поддержки, закрепленные в документах стратегического планирования: в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства, в государственных программах и национальных проектах. Предпринята попытка оценить результативность реализуемых институтами развития программ поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства. Анализируется выполнение целевых показателей (индикаторов), обозначенных в документах стратегического планирования, и их соответствие задачам развития сектора малого и среднего предпринимательства.

**Ключевые слова:** институты развития, малое и среднее предпринимательство, стратегическое планирование, стратегия развития, государственная программа, национальный проект, меры государственной поддержки, поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства.

**JEL:** G23, E02, L25, L26.

**DOI:** 10.24411/2073-6487-2020-10042

В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (далее – Указ Президента РФ № 204) одним из национальных приоритетов социально-экономического развития является поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП). Особая роль при этом отводится институтам развития, используемым для поддержки МСП, и государственным программам [1]. Большинство из созданных государством институтов развития, способствующих поддержке и расширению деятельности МСП, в настоящее время смогли занять определенную нишу в структуре

национальной экономики. В данном исследовании рассматривается роль таких институтов развития, как Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства (Корпорация МСП), являющаяся основным финансовым институтом развития в сфере МСП<sup>1</sup>, Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства (МСП Банк), Фонд развития промышленности (ФРП), ориентированный на протекцию успешных компаний, которые уже создали конкурентоспособные производства, имеют потенциал и перспективу развития<sup>2</sup>, Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям – ФСИ), приоритетом которого является поддержка малого предпринимательства в течение полного цикла инновационного процесса – от появления идеи до вывода наукоемкой продукции на рынок<sup>3</sup>.

Под термином «институты развития» понимаются специальные организации (финансовые и нефинансовые), создаваемые в качестве инструментов по различным направлениям экономической политики государства [2], непрямого воздействия на предпринимательский сектор и общее состояние экономической среды [3], для обеспечения экономического роста, модернизации и привлечения инвестиций в приоритетные отрасли, а также для решения проблем, связанных с «провалами рынка» [4]. Наиболее значимую роль в инвестиционном обеспечении долгосрочных проектов технологической модернизации и инновационного развития на основе государственно-частного партнерства играют финансовые институты развития [5]. Являясь инструментом реализации государственной политики стимулирования и поддержки МСП, институты развития призваны способствовать структурным изменениям, стимулировать инновационные и инвестиционные процессы, используя в том числе и механизмы государственно-частного партнерства [6]. От того, насколько будут эффективны механизмы их воздействия на развитие МСП, зависит экономический рост и активизация предпринимательского потенциала населения страны [7].

Следует отметить, что в Российской Федерации на законодательном уровне сформированы основы государственного стратегического управления развитием МСП, сформулированы четкие принципы, механизмы и инструменты осуществления мер государственной поддержки сектора через институты развития. Основой построения современной институциональной базы помощи субъектам МСП [8] стал Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого

---

<sup>1</sup> [corpmsp.ru](http://corpmsp.ru).

<sup>2</sup> [frpf.ru](http://frpf.ru).

<sup>3</sup> Там же.

и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Закон № 209-ФЗ), в котором поддержка субъектов МСП определена как деятельность органов государственной власти различных уровней и организаций инфраструктуры в соответствии с государственными программами (подпрограммами) различного уровня, содержащими мероприятия, направленные на развитие МСП.

В современной отечественной экономике механизмом достижения национальных целей является государственное стратегическое планирование, в рамках которого институтам развития, как инструменту государственной поддержки МСП, отводится важная роль. Так, документ стратегического планирования – Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г., являющаяся основой для разработки и реализации государственных программ Российской Федерации, стратегический ориентир которой направлен на увеличение доли МСП в ВВП России в 2 раза (до 40%)<sup>4</sup>, закрепляет особую роль следующих институтов развития: Корпорации МСП как системного интегратора мер поддержки МСП; Российского экспортного центра как единого института поддержки экспорта; Фонда содействия инновациям как исходной точке доступа к программам поддержки инновационной деятельности («инновационный лифт»), предоставляющим возможности непрерывного финансирования проектов на всех стадиях инновационного цикла в рамках деятельности других институтов развития (РВК, Сколково, Фонд развития интернет-инициатив, Фонд инфраструктурных и образовательных программ), на которые возлагается поддержка деятельности субъектов МСП в сфере инноваций.

Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика»<sup>5</sup>, курируемая Минэкономразвития России, в рамках подпрограммы 2 «Развитие малого и среднего предпринимательства» (далее – Подпрограмма 2) определяет в качестве участников Корпорацию МСП (с 2014 г.) и Фонд содействия инновациям (с 2019 г.<sup>6</sup>). Кроме этого, Фонд содействия иннова-

<sup>4</sup> Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «О Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий («дорожной карте») по ее реализации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 24. Ст. 3549.

<sup>5</sup> Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (ред. от 22.05.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2162.

<sup>6</sup> Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 379 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 15 (Ч. III, IV). Ст. 1751.

циям с 2014 г. осуществляет поддержку малого инновационного предпринимательства в рамках подпрограммы 5 «Стимулирование инноваций» [9, с. 57] (далее – Подпрограмма 5).

В реализации Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы<sup>7</sup>, направленной на формирование конкурентоспособного и эффективно функционирующего сектора исследований и разработок и курируемой Минобрнауки России, в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора», участвует Фонд содействия инновациям. Следует отметить, что госпрограммой не предусмотрено четкое выделение мероприятий по поддержке сектора МСП, но несмотря на это, Фондом содействия инновациям предоставлялись гранты субъектам МСП, по меньшей мере в период 2016–2017 гг. [9, с. 57]. В апреле 2019 г. реализация госпрограммы была досрочно завершена в связи с утверждением новой государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации»<sup>8</sup>, в перечень участников которой данный институт развития также был включен.

В рамках Государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»<sup>9</sup>, курируемой Минпромторгом России, несмотря на то, что в ней также не предусмотрено четкое выделение мероприятий по поддержке сектора МСП, Фондом развития промышленности осуществляется ряд мероприятий по поддержке субъектов данного сектора, функционирующих в сфере промышленного производства.

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»<sup>10</sup>, разработанный в соответствии с Указом Президента РФ № 204, целью которого является увеличение к 2024 г. численности занятых в сегменте

---

<sup>7</sup> Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 301 (ред. от 29.03.2018) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (Ч. I). Ст. 2150.

<sup>8</sup> Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 377 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 15 (Ч. III). Ст. 1750.

<sup>9</sup> Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 31.03.2020) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (Ч. IV). Ст. 2173.

<sup>10</sup> Паспорт национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24.12.2018 № 16)). [government.ru/info/35563](http://government.ru/info/35563).

МСП до 25 млн человек, его доли в ВВП – до 32,5%, доли экспортеров, являющихся субъектами МСП, включая индивидуальных предпринимателей, в общем объеме несырьевого экспорта, – до 10%, в качестве основных участников определяет Корпорацию МСП, МСП Банк, Фонд содействия инновациям, Российский экспортный центр, Россельхозбанк и Росагролизинг.

Меры государственной поддержки, реализуемые через институты развития, как показал анализ, обеспечили достижение следующих результатов:

1. Корпорацией МСП и МСП Банком в 2015–2020 гг. была представлена прямая финансовая и гарантийная поддержка субъектам МСП, объем которой нарастающим итогом составил 615,1 млрд руб., в том числе выданные МСП Банком прямые кредиты субъектам МСП – 188,1 млрд руб. Доля выданных кредитов субъектам МСП по проектам в приоритетных и социально-значимых отраслях экономики составляет 88,3% (166,11 млрд руб.).<sup>11</sup> Консолидированный объем кредитов, полученных в рамках совместного участия с Корпорацией МСП по программе стимулирования кредитования субъектов МСП, нарастающим итогом составил 3 трлн руб.<sup>12</sup> По состоянию на 1 июня 2020 г. в программе участвовало 62 уполномоченных банка<sup>13</sup>. В рамках программы «Инвестиционный лифт», направленной на поддержку проектов в области несырьевого экспорта, за счет организации взаимодействия четырех федеральных институтов развития – Корпорации МСП, Фонда развития промышленности, Российского фонда прямых инвестиций и Российского экспортного центра – в 2016–2020 гг. было одобрено финансирование 34 проектов в объеме 28,6 млрд руб.<sup>14</sup>

В отраслевой структуре привлеченного финансирования и реализации инвестиционных проектов с выданными Корпорацией МСП гарантиями и поручительствами (см. табл. 1.) лидирующим сегментом является промышленное производство, на долю которого приходится 41,7% общего числа и 34,2% суммарного объема гарантий и поручительств, выданных субъектам МСП за трехлетний период (2017–2019 гг.).

<sup>11</sup> Оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Корпорацией МСП в период 2015–2020 гг. (по состоянию на 01.06.2020). [corpmsp.ru/upload/docs/Презентация\\_01.06\\_2020г.pdf](http://corpmsp.ru/upload/docs/Презентация_01.06_2020г.pdf).

<sup>12</sup> Оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Корпорацией МСП в период 2015–2020 гг. (по состоянию на 01.06.2020). [corpmsp.ru/upload/docs/Презентация\\_01.06\\_2020г.pdf](http://corpmsp.ru/upload/docs/Презентация_01.06_2020г.pdf).

<sup>13</sup> Программы льготного кредитования малого и среднего бизнеса, стимулирование кредитования субъектов МСП. [corpmsp.ru/bankam/programma\\_stimulir/](http://corpmsp.ru/bankam/programma_stimulir/).

<sup>14</sup> Оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Корпорацией МСП в период 2015–2020 гг. (по состоянию на 01.06.2020). [corpmsp.ru/upload/docs/Презентация\\_01.06\\_2020г.pdf](http://corpmsp.ru/upload/docs/Презентация_01.06_2020г.pdf).

Таблица 1

**Отраслевая структура финансирования и реализации инвестиционных проектов с гарантиями и поручительствами Корпорации МСП в 2016–2019 гг.**

Отраслевые сегменты	2016			2017			2018			2019		
	Объем гарантий и поручительств		Количество гарантий и поручительств	Объем гарантий и поручительств		Количество гарантий и поручительств	Объем гарантий и поручительств		Количество гарантий и поручительств	Объем гарантий и поручительств		Количество гарантий и поручительств
	млн руб.	%		млн руб.	%		млн руб.	%		млн руб.	%	
Промышленное производство	18984	31	н/д	35217,2	40,6	1593	26114,4	33	1147	22791,3	28,5	1069
Сельское хозяйство и сельхозпереработка	28940	48	н/д	32654,3	37,7	911	18264,1	23,1	540	18142,4	22,7	775
Сфера услуг	1819	3	н/д	6121,0	7,1	330	16079,7	20,3	276	16401,5	20,5	313
Строительство	7339	12	н/д	5727,3	6,6	237	11531,2	14,6	338	10936,3	13,7	408
Торговля оптовая и розничная	1235	2	н/д	4457,0	5,1	155	4559,9	5,8	159	7123,8	8,9	533
Перевозки и логистика	1485	2	н/д	1794,9	2,1	30	1327,8	1,7	27	2401,6	3	168
Аренда имущества и управление недвижимостью	1201	2	н/д	752,32	0,9	20	1302,2	1,5	12	2205,7	2,8	99
Итого	61003	100	3 041	86724,0	100	3276	79179,2	100	2499	80002,5	100	3365

Источник: составлено авторами по: данные годовых отчетов Корпорации МСП за 2016, 2017, 2018, 2019 гг. [corpmsp.ru/about/info](http://corpmsp.ru/about/info).

На базе Корпорации МСП создана единая система инфраструктурной и имущественной поддержки, включающая в себя сеть специализированных организаций: региональные гарантийные организации (РГО), консультационная инфраструктура и обучающие программы, региональные центры компетенций, реализующие мероприятия по «выращиванию», центры компетенций в сфере сельскохозяйственной кооперации. В реестре зарегистрировано 82 РГО, гарантийный капитал которых по состоянию на 1 апреля 2020 г. составляет 54,2 млрд руб.<sup>15</sup> В рамках программы стимулирования спроса создан специальный сервис для субъектов МСП в единой системе управления государственными закупками как инструмент гарантированного доступа к закупкам крупнейших заказчиков. За период 2016–2020 гг. суммарный объем закупок крупнейших заказчиков у субъектов МСП нарастающим итогом составил 11,8 трлн руб.<sup>16</sup> В целях оценки результативности оказания поддержки МСП Корпорацией, согласно Закону № 209-ФЗ, проводится ежегодный мониторинг оказания органами исполнительной власти и местного самоуправления и организациями инфраструктуры соответствующей поддержки, результаты которого включаются в годовой отчет корпорации. В мониторинге также принимают участие МСП Банк и Фонд содействия инновациям.

Корпорацией МСП, согласно Закону № 209-ФЗ, с 2017 г., ведется Реестр субъектов МСП – получателей поддержки<sup>17</sup>. По состоянию на 1 июня 2020 г. он содержал более 23 тыс. реестровых записей. Кроме этого, к концу 2020 г. планируется ввести в оборот Единый реестр субъектов МСП – получателей поддержки, администрирование которого будет осуществляться Федеральной налоговой службой. Реестр будет содержать сведения обо всех субъектах МСП, которым оказана поддержка органами власти и местного самоуправления, Корпорацией МСП и ее дочерними обществами, а также организациями соответствующей инфраструктуры.

2. Фондом развития промышленности с целью фокусировки на развитии промышленных компаний, относящихся к субъектам МСП, в линейке продуктов поддержки предусмотрены специальные программы финансирования, в том числе отвечающие задачам Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»,

<sup>15</sup> Региональные гарантийные организации. [corpmsp.ru/org-infrastruktury-podderzhki](http://corpmsp.ru/org-infrastruktury-podderzhki).

<sup>16</sup> Оказание поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства Корпорацией МСП в период 2015–2020 гг. (по состоянию на 01.06.2020). [corpmsp.ru/upload/docs/Презентация\\_01.06\\_2020г.pdf](http://corpmsp.ru/upload/docs/Презентация_01.06_2020г.pdf).

<sup>17</sup> Реестр субъектов МСП – получателей поддержки. Корпорация МСП. [corpmsp.ru/reg\\_page.php](http://corpmsp.ru/reg_page.php).

в рамках которого стратегическими целевыми ориентирами ФРП на 2020–2024 гг. являются: создание около 7500 высокопроизводительных рабочих мест на малых и средних предприятиях, поддержанных ФРП; достижение объема выручки предприятий МСП – заемщиков ФРП до более чем 400 млрд руб.; рост доли гарантий Корпорации МСП и РГО в общем объеме обеспечения ФРП с 2 до 5% ; сохранение удельного веса предприятий моногородов, поддержанных ФРП, на уровне 15%<sup>18</sup>.

Следует отметить, что ФРП ранее не представлял детализацию поддержанных предприятий по классификационной идентификации (размеру) субъектов предпринимательства. Лишь по итогам 2019 г. такие данные были приведены в разрезе двух группировок, в соответствии с которыми структура заемщиков распределилась практически поровну между крупным бизнесом (49,9%) и сегментом МСП в целом (50,1%)<sup>19</sup>. Всего в том же году данным институтом развития было профинансировано 189 проектов на общую сумму 34,5 млрд руб.<sup>20</sup>, но какой объем помощи из этих средств был направлен в сферу МСП, в отчете фонда не уточняется. Вместе с тем на официальном сайте ФРП отмечается, что доля заемщиков – субъектов МСП в его портфеле в 2015–2019 гг. составляла 30%<sup>21</sup>.

Несомненно, ФРП вносит значимый вклад как в экономику страны, так и в развитие отечественных промышленных предприятий, в том числе относящихся к субъектам МСП (основные показатели результативности деятельности ФРП представлены в табл. 2). В анализируемом периоде наблюдается ежегодная положительная динамика количества профинансированных ФРП проектов. Прирост показателя по сравнению с предшествующим годом составил 40,0% – в 2016 г., 27,3% – в 2017 г., 42,9% – в 2018 г. и 35,0% – в 2019 г. Как видно из представленных данных, количество профинансированных проектов в 2019 г. почти в 3,5 раза больше аналогичного показателя за 2015 г., в то время как объем финансирования увеличился только в 1,8 раза, что обусловлено политикой института развития, направленной на снижение среднего чека займа с целью расширения доступа субъектов МСП, в первую очередь среднего бизнеса, к программам поддержки. Так, в 2018–2019 гг. 50% займов не превышало 100 млн руб.<sup>22</sup>

<sup>18</sup> Фонд развития промышленности. [frprf.ru/natsproekty/podderzhka-msp-i-ip/#np\\_tabs](http://frprf.ru/natsproekty/podderzhka-msp-i-ip/#np_tabs).

<sup>19</sup> Годовой отчет Фонда развития промышленности за 2019 год. [frprf.ru/o-fonde](http://frprf.ru/o-fonde).

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Фонд развития промышленности, офиц. сайт. [frprf.ru/natsproekty/podderzhka-msp-i-ip/#np\\_tabs](http://frprf.ru/natsproekty/podderzhka-msp-i-ip/#np_tabs).

<sup>22</sup> Годовые отчеты Фонда развития промышленности за 2018 и 2019 гг. [frprf.ru/o-fonde](http://frprf.ru/o-fonde).

Таблица 2

**Основные показатели деятельности Фонда развития промышленности за 2015–2019 гг.**

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Количество профинансированных проектов, ед.	55	77	98	140	189
Сумма выданных займов, млрд руб.	19,1	16,1	21,7	27,6	34,5
Средний чек займа, млн руб.	348	209	224	197	183

Источник: составлено авторами по: данные годовых отчетов ФРП за 2017, 2018, 2019 гг. [frprf.ru/o-fonde](http://frprf.ru/o-fonde).

Показатели отраслевой структуры финансирования ФРП свидетельствуют о том, что основное число заемщиков реализует проекты в четырех областях: в машиностроении, медбиофарме, химии, металлообработке и металлургии – в сумме на их долю приходится 74,1% реализованных проектов и 73,3% объема финансирования (см. табл. 3).

Таблица 3

**Отраслевые сегменты профинансированных Фондом развития промышленности инвестиционных проектов в 2015–2020 гг. (нарастающим итогом)**

Отраслевые сегменты	Количество проектов, единиц	В % к итогу	Объем финансирования, млрд руб.
Машиностроение	190	28,23	45,4
Медбиофарма	160	23,77	32,9
Химия	76	11,29	16,6
Металлообработка и металлургия	73	10,85	15,3
Электрооборудование	43	6,39	10,6
Лесная промышленность	36	5,35	9,1
Электроника	31	4,61	7,7
Легкая промышленность	28	4,16	5,5
Стройматериалы	20	2,97	3,8
Новые материалы	9	1,34	2,3
Производство мебели и прочих изделий	6	0,89	1,3
Промышленные биотехнологии	1	0,15	...
Итого:	673	100	150,3

Источник: составлено авторами по: данные ФРП (по сост. на 10.07.2020). [frprf.ru/download/prezentatsiya-fonda](http://frprf.ru/download/prezentatsiya-fonda).

Таким образом, в целом по итогам пяти лет работы (2015–2019 гг.) ФРП укрепил свои позиции в качестве значимого игрока на рынке инвестиционного кредитования реального сектора экономики с портфелем 559 профинансированных проектов промышленных компаний на общую сумму 119 млрд руб., что сопоставимо с портфелем инвестиционных кредитов коммерческих банков из Топ-15. За тот же период заемщики фонда, реализуя проекты на принципах софинансирования, инвестировали более 255 млрд руб. собственных и привлеченных средств в реальный сектор экономики<sup>23</sup>. В то же время, основываясь на представленных сведениях, приходится констатировать, что существующая практика раскрытия информации не позволяет в полном объеме оценить результативность участия ФРП в развитии сектора МСП, а несовершенство нормативно-правового характера препятствует анализу эффективности реализации мер государственной поддержки в рамках государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» в отношении субъектов МСП. Оценка поддержки субъектов МСП, осуществляемой ФРП в рамках данной государственной программы, которая, как уже отмечалось ранее, не содержит соответствующих подпрограмм или основных мероприятий, а получатели помощи не дифференцированы по субъектам предпринимательства, за прошедшие периоды оказалась практически невозможной даже с учетом компетенций аудиторов Счетной палаты РФ [9, с. 40, 54; 10, с. 16, 38].

3. Фонд содействия инновациям выступает участником нескольких государственных программ и осуществляет поддержку субъектов МСП при выполнении ими инновационных проектов и/или создающих высокотехнологичные производства (стартапы), в том числе в рамках проекта «инновационный лифт», где основной задачей ФСИ является поиск проектов и обеспечение их финансовой помощью. Вместе с тем сведения о деятельности ФСИ, размещаемые в открытом доступе, позволяют оценить результативность реализации программ поддержки субъектов МСП весьма условно. Ни на официальном сайте, ни в отчетности фонда не раскрываются источники бюджетного финансирования, за счет которых реализуются программы поддержки субъектов МСП. В качестве примера проанализируем данные последнего опубликованного на момент проведения настоящего исследования годового отчета фонда за 2018 г. (см. табл. 4).

Представленные показатели свидетельствуют об определенном прогрессе финансово-хозяйственной деятельности грантополучателей. Но при этом они носят общий характер, не давая детализации

---

<sup>23</sup> Годовой отчет Фонда развития промышленности за 2019 г. [frprf.ru/o-fonde](http://frprf.ru/o-fonde).

**Показатели деятельности предприятий, поддержанных в 2014–2018 гг.  
Фондом содействия инновациям (по данным за 2018 г.)**

Показатели	Программы поддержки				
	Старт	Развитие	Интернационализация	Коммерциализация	Кооперация
Среднесписочная численность, человек на 1 предприятие	–	24,9	21,9	41,2	16,3
Прирост среднесписочной численности сотрудников (2018 г. по сравнению с 2017 г., %)	20	6,6	–	4,6	5,6
Количество созданных высокопроизводительных рабочих мест (суммарно с 2014 по 2018 гг.), тыс. человек	–	–	–	8,6	–
Средняя годовая выручка на 1 предприятие, млн руб.	–	99,4	82,4	173	64,3
Прирост общей выручки от реализации продукции (2018 г. по сравнению с 2017 г., %)	57,5	16,1	6,6	13	–
Выручка от реализации продукции, созданной за счет гранта (суммарно с 2014 по 2018 гг.), млрд руб.	–	–	–	>86	–
Доля инновационной продукции в общей выручке, %	46,1	–	–	34,2	–
Доля продукции, поставленной на экспорт, в общей выручке, %	–	–	25,3	–	–

Источник: составлено авторами по: данные годового отчета ФСИ за 2018 г. [fasie.ru/fund/reports](http://fasie.ru/fund/reports).

поддержанных субъектов МСП. Непонятно, каким образом показатель среднесписочной численности работников характеризует компании и их достижения. Среднесписочная численность сотрудников, поддержанных ФСИ предприятий, находится в диапазоне от 16,3 до 41,2 человек, что в большей степени соответствует малым компаниям. Но все ли они малые? Или, условно, массив данных одного микро, одного среднего и остальных малых предприятий привел при делении на их количество к такому результату? Такой же вопрос правомерен и в отношении другого показателя – средней годовой выручки компаний. Предельные значения дохода для отнесения к субъектам МСП установлены в следующих пределах: до 120 млн руб. – для микро, до

800 млн руб. – для малых, до 2 млрд руб. – для средних<sup>24</sup>. Если оценивать по этому критерию, то по трем из четырех программ поддержанные предприятия относятся, скорее, к микро и только по программе «Коммерциализация» – к малым. Таким образом, по представляемым сведениям, практически нет возможности вычислить соответствующие получателям поддержки субъекты предпринимательства. Также необходимо отметить отсутствие (по крайней мере, в открытом доступе) реестра получателей поддержки ФСИ, который позволял бы как идентифицировать каждое поддержанное предприятие, так и оценить соразмерность затраченных бюджетных средств и полученного экономического эффекта в рамках каждого реализованного проекта.

Анализ целевых показателей (индикаторов) госпрограммы РФ «Экономическое развитие и инновационная экономика», отражающих состояние сектора МСП, показал следующее:

1. В рамках Подпрограммы 5 применялся очень важный целевой показатель (индикатор) – «Количество вновь созданных малых инновационных предприятий при поддержке Фонда содействия инновациям», по которому, по данным Минэкономразвития России, в 2014, 2015 и 2016 гг. было создано 450, 619 и 506 малых инновационных предприятий соответственно<sup>25</sup> (в 2017 г. показатель был упразднен<sup>26</sup>). Стоит отметить, что в 2015 и 2016 гг. намеченный уровень целевого индикатора не только был достигнут, но и перевыполнен – на 23,8% и 1,2% соответственно. Однако этих сведений совершенно недостаточно для оценки результативности поддержки. Остается неизвестным, какое количество предприятий из вновь открывшихся сохранили свою жизнеспособность на протяжении трех и более лет, а не закрылись из-за хронической убыточности или в первый год работы, сразу же после получения помощи.
2. В рамках Подпрограммы 2 применялся целевой показатель (индикатор) «Количество вновь созданных рабочих мест в секторе МСП при реализации подпрограммы». В 2013–2017 гг.

<sup>24</sup> Постановление Правительства РФ от 04.04.2016 № 265 «О предельных значениях дохода, полученного от осуществления предпринимательской деятельности, для каждой категории субъектов малого и среднего предпринимательства» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 15. Ст. 2097.

<sup>25</sup> Годовые отчеты Минэкономразвития России «О ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» за 2014, 2015, 2016 гг. [www.economy.gov.ru](http://www.economy.gov.ru).

<sup>26</sup> Постановление Правительства РФ от 31.03.2017 № 392 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 15 (Ч. IV, V). Ст. 2223.

его планируемый уровень не был достигнут, а произошедшее в 2018 г. более чем двукратное перевыполнение было обеспечено путем существенного снижения планового значения<sup>27</sup> (с 2019 г. показатель не используется<sup>28</sup>). При этом важно учитывать, что сумма значений показателя вновь созданных рабочих мест за определенный период вряд ли может быть равна количеству фактически существующих рабочих мест в том же периоде. В этой связи стоило бы дополнительно учитывать данные показателя количества сохраненных рабочих мест (из вновь созданных) на конец года, рассчитанного по формуле: «сохраненные рабочие места на начало года» + «вновь созданные рабочие места в текущем периоде» – «потерянные рабочие места в текущем периоде». Расчет названного показателя имеет значение и в свете информации, опубликованной аудиторами Счетной палаты РФ, которые в ходе проверки выявили, что из-за снятия обязательств с субъектов МСП обеспечивать сохранение рабочих мест по прошествии 6-12 месяцев с момента получения господдержки эффект от реализации мероприятий по созданию таких мест носит краткосрочный характер [9, с. 43].

\* \* \*

Проведенное исследование показало, что финансовая поддержка субъектов МСП, осуществляемая институтами развития, в основном предоставляется в виде гарантий, поручительств и займов в объемах, сопоставимых с портфелем инвестиционных кредитов коммерческих банков. Со стороны институтов развития приоритет отдается субъектам МСП, чья деятельность соответствует программам поддержки. В отраслевом сегменте лидерами по охвату поддержки являются промышленные компании, реализующие проекты в области машиностроения, медбиофармы, химии, металлообработки, металлургии и производства электрооборудования. Как свидетельствуют результаты многих эмпирических исследований, программы поддержки, реализуемые институтами развития, масштабы деятельности которых весьма значительны, оказывают общее позитивное влияние на развитие предприятий МСП [11].

<sup>27</sup> Годовые отчеты Минэкономразвития России «О ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» за 2013, 2014, 2015, 2016, 2017, 2018 гг. [www.economy.gov.ru](http://www.economy.gov.ru).

<sup>28</sup> Постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 379 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 15 (Ч. III, IV). Ст. 1751.

Государство в целом ориентировано на дальнейшее расширение деятельности системы институтов развития как инструментов стимулирования субъектов МСП, закрепляя реализуемые ими программы поддержки в документах стратегического планирования. Кроме этого, институты развития могут выступать участниками нескольких государственных программ и национальных проектов. Вместе с тем выявлен ряд проблем, в основном методологического характера, возникающих при оценке результативности оказываемой поддержки субъектам МСП. Так, из-за отсутствия единых подходов к оформлению результатов деятельности институтов развития выходные данные зачастую несопоставимы между собой, что приводит к невозможности сравнения ключевых показателей их эффективности [12]. Кроме этого, сложившаяся практика формирования системы публичной отчетности о деятельности институтов развития не раскрывает в должной мере финансовые показатели, как в части бюджетного финансирования, так и в части результативности получателей поддержки.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бархатов В.И., Белова И.А. Государственные программы поддержки малых и средних предприятий в России // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2017. № 1. С. 208–223.
2. Бухвальд Е.М., Виленский А.В. Институты развития в стратегическом планировании пространственной структуры российской экономики // Региональная экономика. Юг России. 2017. № 1 (15). С. 77–86.
3. Иванова Л. Институты развития как органичный элемент управления экономическими процессами // Общество и экономика. 2019. № 9. С. 20–31.
4. Виленский А.В. и др. Институты развития как инструмент региональной политики: научный доклад. М.: Институт экономики Российской академии наук, 2015.
5. Ленчук Е.Б. Финансовые институты развития в решении задач технологической модернизации и инновационного развития // Федерализм. 2015. № 4(80). С. 7–24.
6. Чистякова О.В., Бабкин А.В. Институты развития бизнеса как инструмент государственной поддержки малого и среднего инновационного предпринимательства // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки. 2019. Т. 12. № 6. С. 128–138.
7. Малый и средний бизнес как фактор экономического роста России / Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019..
8. Белоусов А.Л. Аудит мер поддержки малого и среднего предпринимательства // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. Т. 14. № 1. С.5–21.
9. Перчян А.В. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ осуществления мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в 2014–2017 годах // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2018. № 9 (249). С. 35–94.

10. Перчан А.В. Отчет о результатах параллельного контрольного мероприятия «Проверка реализации мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в 2014–2016 годах и прошедшем периоде 2017 года, в том числе реализации в 2017 году приоритетного проекта «Малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» (с контрольно-счетным органом субъекта Российской Федерации) // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2018. № 3 (243). С. 3–45.
11. Симачев Ю.В., Кузык М.Г. Государственная поддержка предприятий: бенефициары и эффекты // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 63–83.
12. Вологова Ю.В. Финансовые институты инновационного развития в стратегии перехода России к технологическому лидерству // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 3. С. 168–181.

#### ABOUT THE AUTHORS

**Dorzhiyeva Valentina Vasilyevna** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
vv2006uu@yandex.ru

**Ilyina Svetlana Aleksandrovna** – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
s.a.ilina@mail.ru.

#### DEVELOPMENT INSTITUTIONS AS A TOOL FOR SUPPORTING SMALL AND MEDIUM-SIZED BUSINESSES

The article analyses the state support measures included in strategic planning documents, such as Strategy for the development of small and medium-sized businesses, state programs and national projects. The effectiveness of programs for supporting small and medium-sized businesses, implemented by development institutions is evaluated. The performance of target indicators of strategic planning documents and their compliance with the development goals of the small and medium-sized business sector are analyzed.

**Keywords:** *development institutions, small and medium-sized businesses, strategic planning, development strategy, state program, national project, state support measures, support for small and medium-sized businesses.*

**JEL:** G23, E02, L25, L26.

**А.В. БЕЛОУСОВА**

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник  
Института экономических исследований ДВО РАН

## **УРОВЕНЬ БЕДНОСТИ В РФ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ**

В статье рассматриваются вопросы ранжирования регионов РФ по критерию уровня бедности населения. Для повышения эффективности мер, направленных на снижение бедности в РФ, критически важно обладать адекватным методическим подходом для объективного ранжирования групп регионов по показателям бедности населения. Основой предлагаемого подхода является комбинация метода оценки социального неравенства, базирующегося на расчете значений коэффициента вариации, и иерархического кластерного анализа. Выявлены группы регионов (кластеры) со сходным уровнем бедности. Определены факторы динамики пространственного неравенства бедности в 2000–2018 гг. Рассчитаны эффекты государственной региональной политики, направленной на сокращение бедности, за счет «справедливого» и «эффективного» распределения финансовых средств.

**Ключевые слова:** бедность, межрегиональное неравенство, пространственная вариация покупательной способности среднедушевого денежного дохода, кластеризация регионов, субъект РФ, РФ.

**JEL:** I32, R12, C38, I38.

**DOI:** 10.24411/2073-6487-2020-10043

В любой экономике определенный уровень бедности населения является объективной реальностью, при этом сокращение бедности рассматривается в качестве одной из приоритетных задач социальной политики. Дифференциация доходов обуславливает не только возникновение различий в уровнях и качестве жизни населения, но и, при определенных условиях, выступает серьезным ограничением для экономического роста [7; 8; 9; 10].

Для повышения эффективности мер для борьбы с бедностью желательно понимать, каким образом распределяются территории по уровню нуждаемости проживающего в них населения. Очевидно, что для получения соответствующей информации необходима оценка пространственного неравенства по уровню бедности и идентификация условий его динамики.

Между тем методы количественного, в т. ч. динамического анализа социального неравенства (исключающие экспертные оценки), которые использовались в известных нам работах, позволяют получать лишь интегральные оценки вариации исследуемых показателей относительно их «эталонного» значения (среднего арифметического, медианы и т. д.), а также формальные (посредством оценки параметров эконометрических моделей и их сравнения с нулевым значением) доказательства сходимости (конвергенции) или расходимости (дивергенции) доходов населения в регионах [5]. Вышеуказанные подходы не позволяют выявлять и получать оценки параметров благосостояния населения отдельных регионов, обеспечивающие сокращение бедности. Для этих целей требуется ранжирование регионов по доходам населения, а также выявление и группировка регионов со сходным уровнем бедности. Решение соответствующей задачи и является целью настоящего исследования.

*База данных и методы исследования.* Настоящее исследование основано на данных о 82-х субъектах РФ. В выборку не вошли Чеченская Республика, Республика Крым, г. Севастополь. Тюменская и Архангельская области рассматриваются без включения в их состав Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Ненецкого автономных округов соответственно, хотя они также являются элементами исходной пространственной выборки.

Период исследования охватывает 19 лет – с 2000 по 2018 гг.

Как правило, идентификация и количественный анализ бедности связываются с исследованием одного из двух видов индикаторов, представленных в официальной статистике: 1) распределения численности населения по величине среднедушевых денежных доходов; 2) распределения общего объема денежных доходов по 20%-ым (квинтильным) группам населения. В первом случае показателем бедности является доля населения, размер среднедушевого денежного дохода которого не превышает установленного порога. Уменьшение соответствующей доли трактуется как сокращение бедности, увеличение – как рост бедности. Во втором случае показателем бедности выступает доля денежного дохода, формируемого наименее обеспеченным населением. Сокращение бедности связывается с увеличением значения соответствующего показателя (приближением к другим квинтилям), рост бедности – с его уменьшением (отдалением от других квинтилей).

Адекватность оценок бедности, получаемых при исследовании вышеуказанных распределений, определяется двумя обстоятельствами. В первом случае – обоснованностью выбора порогового значения среднедушевых денежных доходов, поскольку именно его изменение (увеличение или уменьшение) обуславливает изменение (рост

или сокращение соответственно) бедности. Во втором случае – обособленностью выбора количества доходных групп, при котором все лица, попадающие в группу с наименьшими доходами, рассматриваются как бедные, то есть требующие помощи.

При изучении динамических рядов использование оценок бедности, полученных на основе распределения общего объема денежных доходов по группам населения, является более предпочтительным, поскольку использование распределения численности населения по величине среднедушевых денежных доходов приводит к игнорированию инфляционных колебаний (как следствие, в условиях инфляции оценка динамики бедности, по умолчанию, будет демонстрировать ее сокращение). Попытки обеспечения сопоставимости во времени границ интервалов для среднедушевых денежных доходов приводят к необходимости переоценки распределения по ним численности населения. Соответствующие действия требуют дополнительной статистической информации, которая зачастую оказывается недоступной.

В качестве статистической базы настоящего исследования используются данные Федеральной службы государственной статистики о распределении общего объема денежных доходов по квинтильным группам населения. Бедность оценивается с помощью показателя объема денежного дохода (в абсолютном выражении), приходящегося на первый квинтиль.

Однако выборка на основе официальных статистических данных о распределении общего объема денежных доходов по квинтильным группам населения в различных регионах не обеспечивает пространственную сопоставимость оценок бедности вследствие ценовых различий между регионами. Для обеспечения временной, а также и пространственной сопоставимости предлагается перевести показатели бедности в среднедушевое измерение, а затем соотнести их со стоимостью фиксированного набора потребительских товаров и услуг<sup>1</sup>. Полученный указанным образом конечный показатель бедности интерпретируется как покупательная способность среднедушевого денежного дохода наименее обеспеченного населения по отношению к стоимости фиксированного набора товаров и услуг (далее – покупательная способность). Иными словами, значение покупательной способности показывает количество фиксированных наборов потребительских товаров и услуг, которые можно приобрести на соответствующую величину денежного дохода.

Ввиду существования двух способов оценки межрегионального неравенства и определения его динамики (сокращения или роста) –

---

<sup>1</sup> В расчетах автором использована база данных, сформированная С.Н. Найден (зав. сектором Института экономических исследований ДВО РАН (nayden@ecrin.ru)).

$\sigma$ - и  $\beta$ -тестов, а также имеющихся к настоящему времени доказательств некорректности результатов последних [6], для измерения пространственного неравенства по уровню бедности и оценки ее динамики используется стандартный подход – расчет коэффициента вариации [3], относящийся к  $\sigma$ -тестированию (1).

$$V = \sigma \times 100\% / x_{cp} \quad (1)$$

где  $V$  – коэффициент вариации;  $\sigma$  – среднее квадратическое отклонение,  $x_{cp}$  – среднее значение покупательной способности в пространственной выборке.

Коэффициент вариации позволяет измерять долю среднего разброса значений покупательной способности во всех субъектах РФ относительно ее среднего арифметического в выборке. Значения коэффициента вариации, характеризующие неравенство по уровню бедности, принадлежат диапазону от 0 до 100%. Чем ближе значение к 0%, тем уровень неравенства в пространственной выборке ниже; чем ближе к 100%, тем уровень неравенства выше. То есть условием конвергенции по уровню бедности является уменьшение значений коэффициента вариации во времени.

В настоящей работе для группировки субъектов РФ по уровню бедности используется метод кластерного анализа. Применение иерархического кластерного анализа устраняет необходимость формирования гипотез относительно оптимального числа кластеров: его идентификация осуществляется эндогенно. В качестве дистанционной меры используется квадрат евклидова расстояния, а условием объединения регионов в кластер является наименьшая дистанция между ними. Ранжирование кластеров проводится посредством упорядочивания средних значений покупательной способности в субъектах РФ.

Для оценки динамики социального неравенства исследуются три параметра: изменение значений кластерных центров; изменение размеров кластеров; «переходы» регионов между кластерами. Так, смена регионами кластерной принадлежности свидетельствует о значительных изменениях величины покупательной способности денежных доходов проживающего в них населения. Кластеризация регионов позволяет объяснять динамику межрегионального неравенства по уровню бедности не только вариацией значений покупательной способности по всем элементам пространственной выборки (случай коэффициента вариации), но и сходимостью (расходимостью) последних по показателям бедности в масштабе отдельных групп («клубы» конвергенции). Во втором варианте динамика неравенства связывается с изменениями размеров кластеров: снижение неравенства идентифицируется при смене субъектами РФ кластерной принадлежности в пользу блоков с более высокими значениями покупательной способности.

Реализация мер государственной политики, направленной на снижение пространственного неравенства по уровню бедности, связывается с ростом денежных доходов населения отдельных регионов, что, в свою очередь, обеспечивает рост значений кластерных центров и/или увеличение размеров кластеров с более высокими величинами покупательной способности. Отметим, что в данном контексте выбор регионов в качестве объектов государственной политики определяется тем, каковы критерии самой государственной политики: 1) социальная справедливость или 2) социальная эффективность [1].

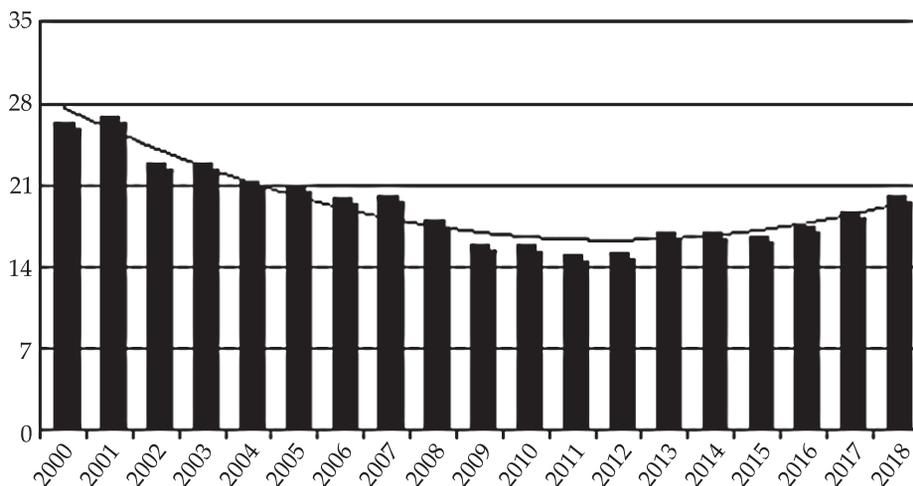
В первом случае снижение межрегионального неравенства связывается с ростом покупательной способности в самых бедных регионах и/или снижением размеров кластера с самыми низкими доходами в результате перехода части регионов в кластеры с более высокими значениями покупательной способности. Во втором случае политические усилия направляются в те регионы, изменения покупательной способности и межкластерные переходы которых обеспечат наибольшие эффекты для снижения уровня бедности.

Сравнительный анализ значений кластерных центров предоставляет возможности для оценки объемов среднедушевых денежных доходов (величин покупательной способности), необходимых для сближения регионов по уровням бедности. Ситуация роста центральных значений выделенных кластеров с сохранением соотношений между ними не является основой ни одного из перспективных сценариев динамики уровня бедности, поскольку данная ситуация предполагает сохранение уровня дифференциации денежных доходов населения.

*Результаты исследования.* Значения коэффициентов вариации величин покупательной способности среднедушевого денежного дохода населения первой квинтильной группы (получателей наименьших доходов) по стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг в субъектах РФ в 2000–2018 гг. представлены на рис. 1.

В исследуемом временном диапазоне межрегиональное неравенство по уровню бедности в РФ достаточно качественно ( $R_2 = 0,93$ ) аппроксимируется полиномиальным трендом второй степени (квадратичной функцией). Графическим представлением последнего является парабола вогнутого типа с вершиной, соответствующей минимальному значению уровня неравенства (15%) в 2011 г. Наибольший уровень неравенства субъектов РФ по уровню бедности проживающего в них населения фиксируется в 2001 г. – 26,9%. В последней изученной точке (2018 г.) уровень неравенства составил 20,1%. Таким образом, мы видим, что начиная с 2011 г. наблюдается поступательный рост неравенства между регионами РФ.

Для объяснения полученных оценок динамики межрегионального неравенства по уровню бедности с точки зрения пространственного



Источник: рассчитано автором.

Рис. 1. Динамика пространственного неравенства по уровню бедности в РФ, %.

распределения проводится кластеризация субъектов РФ по величинам покупательной способности. Иерархический кластерный анализ в отношении 82-х единиц административно-территориального деления РФ позволил объединить последние в три блока (кластера).

Нумерация кластеров, определяющая ранжирование регионов, осуществляется по возрастанию покупательной способности: кластер 1 объединяет субъекты РФ с самыми низкими величинами покупательной способности (беднейшие регионы); в кластер 3 входят субъекты РФ с самыми высокими величинами покупательной способности (наименее бедные регионы). Регионы, чья локализация приходится на кластеры с «промежуточными» значениями покупательной способности, относятся к регионам средней бедности (кластер 2) (см. табл. 1).

Согласно данным табл. 1, в течение 2000–2012 гг. для населения наибольшей части субъектов РФ (2000 г. – 78,1%; 2012 г. – 95,1%) был характерен средний уровень бедности. С 2013 г. ситуация изменилась: 82,9% субъектов РФ вошли в кластер беднейших регионов (кластер 1); доля регионов со средним уровнем бедности оценивалась лишь в 14,6%. На первый взгляд, данное положение дел свидетельствует о росте бедности населения. Однако анализ динамики значений кластерных центров позволяет опровергнуть выдвинутое предположение. В 2013 г., вследствие сближения центральных значений кластеров 1 и 2, произошло перераспределение субъектов РФ по показателям бедности: часть регионов, величины покупательной способности которых располагались левее центрального значения кластера 2, перешли в кластер 1. Регионы, величины покупательной способности которых распола-

Распределение субъектов РФ по бедности населения

Период	Кластер 1 Беднейшие регионы			Кластер 2 Регионы средней бедности			Кластер 3 Наименее бедные регионы		
	количество регионов		среднее значение покупательной способности	количество регионов		среднее значение покупательной способности	количество регионов		среднее значение покупательной способности
	ед.	% от числа регио- нов		ед.	% от числа регио- нов		ед.	% от числа регио- нов	
2000	16	19,51	0,18	64	78,05	0,30	2	2,44	0,55
2001	2	2,44	0,13	78	95,12	0,30	2	2,44	0,64
2002	3	3,66	0,17	77	93,90	0,34	2	2,44	0,62
2003	8	9,76	0,24	71	86,59	0,38	3	3,66	0,68
2004	2	2,44	0,19	77	93,90	0,39	3	3,66	0,67
2005	2	2,44	0,21	74	90,24	0,42	6	7,32	0,63
2006	7	8,54	0,30	72	87,80	0,48	3	3,66	0,77
2007	7	8,54	0,33	72	87,80	0,50	3	3,66	0,84
2008	2	2,44	0,30	77	93,90	0,52	3	3,66	0,86
2009	2	2,44	0,33	77	93,90	0,53	3	3,66	0,81
2010	1	1,22	0,31	79	96,34	0,53	2	2,44	0,85
2011	4	4,88	0,40	76	92,68	0,56	2	2,44	0,86
2012	2	2,44	0,37	78	95,12	0,57	2	2,44	0,90
2013	68	82,93	0,55	12	14,63	0,71	2	2,44	0,99
2014	72	87,80	0,55	8	9,76	0,72	2	2,44	0,97
2015	65	79,27	0,57	15	18,29	0,72	2	2,44	0,97
2016	74	90,24	0,56	6	7,32	0,76	2	2,44	0,96
2017	71	86,59	0,56	9	10,98	0,77	2	2,44	1,00
2018	70	85,37	0,55	10	12,20	0,78	2	2,44	1,02

Источник: рассчитано автором.

гались правее центрального значения кластера 2, не изменили своей кластерной принадлежности.

Произошедшее в 2013 г. перераспределение элементов пространственной выборки по показателям бедности населения обуславливает неправомочность анализа динамики размеров и центров кластеров 1 и 2 на протяжении всего периода исследования. Так, отсутствие требования о постоянстве числа кластеров для 19-летнего интервала влечет за собой, начиная с 2013 г., выделение не трех, а двух блоков регионов (кластер, образованный регионами, величины покупательной способности которых располагались правее центрального значения кластера 2, но левее центрального значения кластера 3, исчезает). Как следствие, обеспечение корректности анализа динамики пространственного неравенства по уровню бедности на исследуемом временном интервале требует выделения в его составе двух периодов (2000–2012 гг. и 2013–2018 гг.) и установления между ними соответствия по рангам (кластерам) регионов.

В силу того, что часть регионов, благосостояние наименее обеспеченного населения которых в первом периоде характеризовалось как средний уровень бедности, с 2013 г. стала относиться к регионам с беднейшим населением, ранг 2, выставленный в 2000–2012 гг. субъектам РФ, исходя из величин покупательной способности доходов проживающего в них населения, рассматривается в качестве «эквивалента» рангов 1 и 2 данных субъектов РФ в 2013–2018 гг.

Анализ параметров и результатов распределения субъектов РФ по уровню бедности населения (см. табл. 1) позволяет объяснять динамику социального неравенства, идентифицированную с использованием коэффициента вариации (см. рис. 1). Так, к примеру, нетрудно увидеть, что в 2001 г. максимальное значение коэффициента сопровождается минимальным центральным значением кластера 1. Данное обстоятельство, а также отсутствие экстремальных расхождений в размерах выделенных кластеров по отношению к другим годам исследуемого периода, позволили выдвинуть и подтвердить гипотезу об обусловленности «пика» межрегионального неравенства по уровню бедности максимальной вариацией значений кластерных центров (максимумом расстояния между «клубами конвергенции», образованными субъектами РФ). Значение коэффициента вариации кластерных центров в 2001 г. являлось наибольшим на 19-летнем периоде – 59%.

Противоположная ситуация имела место в 2011 г., когда вариация кластерных центров являлась наименьшей на исследуемом периоде, составляя 31%, что означает, что в 2011 г. наблюдался минимальный уровень межрегионального неравенства по уровню бедности в 82-х субъектах РФ.

Снижение межрегионального неравенства, сопровождающееся сокращением бедности населения, с точки зрения кластеризации регионов обеспечивается ростом их «клубной конвергенции» (увеличением размеров отдельных кластеров) вследствие межкластерных переходов субъектов РФ «в сторону» роста покупательной способности. Однако распределение регионов по величинам покупательной способности в 2001 г. оказывается предпочтительнее соответствующего распределения в 2011 г.: в 2001 г. к числу беднейших регионов относилось 2 субъекта РФ; в 2011 г. таких регионов, вследствие уменьшения размера кластера регионов средней бедности, оказалось в 2 раза больше. Из сказанного следует, что снижение межрегионального неравенства по уровню бедности не всегда сопровождается сокращением бедности населения. Подтверждением этому служит пример 2011 г.: рост размера кластера беднейших регионов обусловил снижение пространственной вариации уровня бедности.

Для идентификации мобильных (совершавших межкластерные переходы) субъектов РФ в течение исследуемого периода, необходим анализ динамики кластерной принадлежности регионов (см. табл. 2). При этом движение субъекта РФ от кластера 1 к кластеру 3 (восходящая мобильность), обуславливаемое ростом величины покупательной способности, интерпретируется как сокращение бедности проживающего в нем населения; движение региона от кластера 3 к кластеру 1 (нисходящая мобильность), ввиду уменьшения величины покупательной способности, связывается с ростом бедности его населения.

Согласно данным таблицы 2, в 2000–2018 гг. к числу мобильных относилось 35% субъектов РФ. Совершенные ими межкластерные переходы являлись «последовательными»: изменения рангов не превышали единицу (переходы регионов между крайними (полюсными) кластерами отсутствовали).

86% мобильных субъектов РФ входили в состав кластеров с беднейшим и средним по уровню бедности населением. Из общего числа совершенных ими переходов (76-ти) 59% характеризовались восходящей мобильностью, и, соответственно, 41% – нисходящей.

Наибольшее количество межкластерных переходов субъектов РФ – 14 – приходилось на 2001 г. Смена кластерной принадлежности соответствующих регионов связывалась с ростом благосостояния проживающего в них населения: движением из блока 1 в блок 2. При этом к имобильным субъектам РФ, остающимся в кластере 1 в 2001 г., являлись Ингушская Республика и Республика Дагестан, благосостояние населения которых еще более снизилось по сравнению с 2000 г. По результатам 2001 г., к регионам средней бедности стало относиться 95% субъектов РФ.

## Мобильность субъектов РФ в 2000-2018 гг.

Кол-во переходов	Субъекты РФ	Переходы между кластерами (по отношению к предыдущему году)			
		1 -> 2	2 -> 1	2 -> 3	3 -> 2
7	Республика Марий-Эл	2001, 2004, 2008, 2012	2003, 2007, 2011	-	-
	Республика Тува	2001, 2004, 2008, 2013	2003, 2006, 2011	-	-
5	Ивановская область	2001, 2004, 2008	2003, 2006	-	-
	г. Санкт-Петербург	2015, 2017	2016	2005	2006
	Тюменская область	2001, 2010, 2012	2006, 2011	-	-
4	Республика Адыгея	2004, 2008	2003, 2006	-	-
3	Белгородская область	2015	2014, 2016	-	-
	Курганская область	2001, 2004	2003	-	-
	Липецкая область	2015	2014, 2016	-	-
	Республика Бурятия	2001, 2007	2006	-	-
	Республика Дагестан	2004, 2015	2014	-	-
	Республика Калмыкия	2001, 2013	2002	-	-
2	Архангельская область	2015	2016	-	-
	Курская область	2015	2016	-	-
	Мурманская область	2017	2016	-	-
	Республика Карелия	-	-	2005	2006
	Республика Татарстан	2017	2016	-	-
	Сахалинская область	2015	2014	-	-
	Свердловская область	2018	2016	-	-
	Чукотский АО	-	-	2005	2006
1	Алтайский край	2001	-	-	-
	Забайкальский край	2001	-	-	-
	Ингушская Республика	2008	-	-	-
	Кабардино-Балкарская Республика	2001	-	-	-
	Карачаево-Черкесская Республика	2001	-	-	-
	Краснодарский край	2001	-	-	-
	Ненецкий автономный округ	-	-	2003	-
	Республика Алтай	2001	-	-	-
	Республика Мордовия	2001	-	-	-
	Ханты-Мансийский АО	-	-	-	2010

Источник: рассчитано автором.

Локализация имобильных на всем периоде исследования субъектов РФ характеризовалась принадлежностью к кластеру 3 (Ямало-Ненецкий автономный округ) и кластеру 2 (51 субъект РФ, за исключением Ямало-Ненецкого автономного округа и регионов, указанных в табл. 2).

Наименьшая мобильность регионов отмечалась в 2002 г. В соответствующий год только 1 субъект РФ (Республика Калмыкия) совершил межкластерный переход, войдя при этом в блок беднейших регионов.

52 субъекта РФ на протяжении 19 исследуемых лет не совершили ни одного межкластерного перехода. 98% из них относились к регионам средней бедности, 2% – к наименее бедным регионам. Интерпретация данного обстоятельства различается в зависимости от ранга соответствующих субъектов РФ. Так в отношении регионов кластера 2 их имобильность (с точки зрения потенциального роста покупательной способности) рассматривается в качестве негативного явления: признак «застойной» бедности населения (невозможность сокращения последней на протяжении длительного времени, что выступает ограничением для переходов регионов в кластер 3). В отношении регионов кластера 3, наоборот, имобильность выступает положительным явлением и трактуется как сохранение минимального уровня бедности на протяжении всего периода исследования (неснижение величин покупательной способности представляет своеобразный барьер для переходов регионов в кластеры 2 и 1).

В течение исследуемого периода снижение межрегионального неравенства по уровню бедности (с точки зрения клубной конвергенции) фиксировалось в 2001, 2004, 2008, 2010, 2012 и в 2013 гг. При этом сокращение бедности произошло в течение всех перечисленных годов, за исключением 2010 г. Рост доходов наименее обеспеченного населения обуславливался уменьшением числа беднейших регионов «в пользу» регионов средней бедности.

В течение периода с 2014 по 2018 гг. динамика межрегионального неравенства отсутствует (суммарный размер кластеров 1 и 2, соответствующий размеру кластера 2 в 2000–2012 гг., является фиксированным по отношению к 2013 г.). При этом динамика изменений в распределении регионов со средним уровнем бедности в течение пятилетнего периода показывает снижение неравенства соответствующих субъектов РФ в 2014 г. и в 2016 г.: удельный вес беднейших регионов в эти годы являлся наибольшим. Данная ситуация свидетельствует о росте бедности.

Определение «глубины» бедности (уровня социального неравенства, социальной напряженности) в каждом кластере предполагает расчет соотношения средней величины покупательной способности кластера 1-го квинтиля (наименее обеспеченного населения) к средней величине покупательной способности кластера 5-го квинтиля

**Распределение субъектов РФ по величинам покупательной способности в 5-м квинтиле (2018 г.)**

№ кластера	Количество регионов	Среднее значение покупательной способности	Субъекты РФ
1	5	2,53	Республика Калмыкия, Ингушская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Республика Тува
2	39	3,53	Владимирская область, Ивановская область, Калужская область, Костромская область, Орловская область, Рязанская область, Смоленская область, Тверская область, Тульская область, Ярославская область, Республика Карелия, Вологодская область, Калининградская область, Новгородская область, Псковская область, Астраханская область, Волгоградская область, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия, Ставропольский край, Республика Марий-Эл, Республика Мордовия, Удмуртская Республика, Чувашская республика, Кировская область, Оренбургская область, Пензенская область, Саратовская область, Ульяновская область, Курганская область, Челябинская область, Республика Хакасия, Алтайский край, Иркутская область, Кемеровская область, Томская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Еврейская автономная область
3	27	4,50	Белгородская область, Брянская область, Воронежская область, Курская область, Липецкая область, Тамбовская область, Республика Коми, Архангельская область, Ленинградская область, Мурманская область, Республика Адыгея, Краснодарский край, Ростовская область, Республика Дагестан, Республика Башкортостан, Пермский край, Нижегородская область, Самарская область, Тюменская область, Красноярский край, Новосибирская область, Омская область, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область

№ кластера	Количество регионов	Среднее значение покупательной способности	Субъекты РФ
4	8	6,19	Московская область, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Свердловская область, Ханты-Мансийский АО, Магаданская область, Сахалинская область, Чукотский АО
5	1	7,79	Москва
6	2	9,74	Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО

Источник: рассчитано автором

(наиболее обеспеченного населения). Для получения данных оценок необходимо построение распределения субъектов РФ по показателям богатства (величинам покупательной способности доходов населения из 5-го квинтиля). Результаты иерархического кластерного анализа для выборки 2018 г. представлены в табл. 3. Кластеры нумеруются в порядке возрастания величины покупательной способности.

Как видно из таблицы, количество кластеров, в которые объединились субъекты РФ по величинам покупательной способности доходов в 5-м квинтиле, превышает в 2 раза количество кластеров, выделенных в первой доходной группе населения. Данное обстоятельство свидетельствует о «растянутости» распределения доходов в сторону их высоких значений и «скошенности» соответствующего распределения в сторону низких доходов [4]: длина интервала варьирования величины денежных доходов в 1-ом квинтиле является более короткой по сравнению с длиной соответствующего интервала в 5-м квинтиле. С содержательной точки зрения вышесказанное означает, что дифференциация населения по уровню богатства в российских регионах превосходит дифференциацию по уровню его бедности. Соотношение средних величин покупательной способности доходов наиболее обеспеченного населения в крайних кластерах составляет 385%; вариация центров всех 6-ти кластеров, оцененная с использованием соответствующего коэффициента, – 43,5%. Значения указанных показателей в отношении наименее обеспеченного населения оцениваются в 2 раза ниже.

Полученные результаты позволяют оценить уровни социальной напряженности в каждом кластере регионов, выделенном в отношении наименее обеспеченного населения (см. табл. 1 и 3). Так, величина

покупательной способности в богатейших регионах (кластер 6 табл. 3) превышает величину покупательной способности в беднейших регионах (кластер 1 табл. 1) в 17,7 раз. При этом соответствующее соотношение для богатейших (кластер 6 табл. 3) и наименее бедных (кластер 3 табл. 1) регионов составляет 9,55.

*Заключение.* Использованный подход позволяет проводить не только ретроспективный анализ распределения субъектов РФ по денежным доходам наименее обеспеченного населения как фактора межрегионального неравенства по уровню бедности, но и получать прогнозные оценки динамики последней и ее пространственной дифференциации в зависимости, к примеру, от реализации отдельных мер социальной политики.

Так, государственные усилия, направленные на доведение низких величин покупательной способности денежных доходов населения субъектов РФ кластера 1 до значения его центра («справедливая» социальная политика) обеспечат в условиях 2018 г. в отношении всей пространственной выборки снижение уровня межрегионального неравенства на 3,67 п. п. и сокращение бедности населения (измеряемой средним значением покупательной способности) на 3,39% по отношению к фактическим показателям соответственно (см. табл. 4).

Реализация мер социальной политики, предполагающих в условиях 2018 г., к примеру, увеличение размера кластера 3 (с 2 до 12 регионов (см. табл. 1)) за счет переходов в него субъектов РФ со средним уровнем бедности («эффективная» социальная политика), обеспечит рост уровня межрегионального неравенства на 8,17 п. п. при снижении бедности населения на 4,89% (по отношению к фактическим показателям соответственно) (см. табл. 3).

Полученные результаты показывают, что проведение социальной политики в соответствии с принципом эффективности, предполагающим направление государственных ресурсов в регионы со сравнительно меньшим уровнем бедности населения, приведет к сокращению последней, но усилит территориальные диспропорции по доходам населения. Иные варианты распределения ресурсов государства снизят соответствующие диспропорции, при этом замедлят темпы сокращения бедности. В данном контексте снижение межрегионального неравенства по уровню бедности и ее сокращение являются конфликтующими целями региональной социальной политики [1; 2].

Полученные в исследовании результаты расширяют возможности количественного анализа межрегионального неравенства по уровню бедности и его динамики. Выделение на основе «близости» значений доходных показателей кластеров регионов позволяет объективно ранжировать последние по уровню бедности. Снижение размерности исходной выборки облегчает идентификацию факторов динамики

**Межрегиональное неравенство и динамика уровня бедности  
(условия 2018 г.)**

Содержание мер экономической политики	Межрегиональ- ное неравенство	Бедность
	коэффициент вариации поку- пательной спо- собности, %	среднее зна- чение поку- пательной способности
<i>Фактически</i>	20,07	0,59
<i>Принцип справедливости</i>		
Обеспечение роста центрального значе- ния кластера 1: доведение минималь- ной величины покупательной способ- ности в субъектах РФ кластера 1 до исходного значения его центра (0,55)	16,40 (-3,67 п.п.)	0,61 (+3,39%)
<i>Принцип эффективности</i>		
Обеспечение роста размера кластера 3: доведение величин покупательной способности в субъектах РФ кластера 2 до значения центра кластера 3 (1,02)	28,24 (+8,17 п.п.)	0,62 (+4,89%)

*Источник:* рассчитано автором.

неравенства доходов населения, оцениваемой при помощи коэф-  
фициента вариации. Исследование переходов регионов из кластера  
в кластер определяет «анатомию» динамики пространственного нера-  
венства по уровню бедности. Анализ размеров и центральных значе-  
ний кластеров обеспечивает «дифференциацию» и «интеграцию»  
целей социальной политики: снижение размаха вариации доходных  
показателей, обеспечение клубной конвергенции регионов, сокраще-  
ние бедности населения. Как следствие, предложенный в настоящей  
работе подход может оказаться полезным при разработке и оценке  
эффективности мер социальной политики, направленной на сниже-  
ние неравенства по доходам населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов А.В. К вопросу об эффективности и равенстве как критериях федеральной инвестиционной политики // *Пространственная экономика*. 2009. № 1. С. 51–61.
2. Белоусова А.В. Пространственное распределение инвестиций в РФ: влияние на межрегиональное неравенство // *Пространственная экономика*. 2014. № 3 С. 26–43.
3. Белоусова А.В. Методы измерения социально-экономической дифференциации регионов // В кн. Региональные траектории социально-экономического развития / Под ред. А.И. Татаркина, П.А. Минакира. Екатеринбург: Институт экономики УРО РАН, 2013. С. 34–43.
4. Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Ростовцев П.С. Влияние мобильности населения по доходам на изменение неравенства в их распределении // *Проблемы прогнозирования*. 2002. № 2. С. 130–141.
5. Глуценко К.П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // *Регион: Экономика и Социология*. 2010. № 1. С. 54–87.
6. Глуценко К.П. Мифы о бета-конвергенции // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2012. № 4 (16). С. 26–44.
7. Капканщикова С.В., Капканщиков С.Г. Избыточная подоходная дифференциация россиян как ограничитель экономического роста // *Симбирский научный вестник*. 2013. № 2(12) С. 99–108.
8. Марьяганова Е.А., Шатира С.А. Неравенство доходов и бедность населения – факторы социально-экономической нестабильности в России // *Труд и социальные отношения*. 2018. № 3. С. 126–136.
9. Шевяков А. Социальное неравенство, бедность и экономический рост // *Общество и экономика*. 2005. № 3. С. 5–18.
10. Шевяков А.Ю. Неравенство доходов как фактор экономического и демографического роста // *Инновации*. 2011. №1 (47). С. 7–19.

ABOUT THE AUTHOR

**Belousova Anna Vasilyevna** – Candidate of Economic Sciences, Senior Scientific Associate of the Laboratory of Regional and Interregional Socio-Economic Research of the Economic Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Khabarovsk, Russia  
belousova@ecrin.ru

LEVEL OF POVERTY IN RUSSIAN FEDERATION: A SPATIAL ANALYSIS

The article discusses the issues of ranking the regions of the Russian Federation in terms of population poverty. To increase the effectiveness of measures to reduce poverty in the Russian Federation, it is critically important to have an adequate methodology to rank regions in terms of poverty indicators. The proposed approach assesses social inequality basing on values of the coefficient of variation and hierarchical cluster analysis. The groups of regions (clusters) with a similar level of poverty were identified. The factors of dynamics of spatial inequality of poverty in 2000–2018 were revealed. The effects of the state regional policy reducing poverty via either “fair” or “effective” distribution of financial resources, were calculated.

**Keywords:** *poverty, interregional inequality, spatial variation in the purchasing power of average per capita money income, clustering of regions, constituent entity of the Russian Federation, Russian Federation.*

**JEL:** I32, R12, C38, I38.

**И.С. БУКИНА**

кандидат экономических наук,  
руководитель Центра макроэкономического анализа  
и прогнозирования ФГБУН Институт экономики РАН

**А.В. ОДИНЦОВА**

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник  
Центра федеративных отношений и регионального развития  
ФГБУН Институт экономики РАН

**П.А. ОРЕХОВСКИЙ**

доктор экономических наук, проф.,  
главный научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН,  
главный научный сотрудник Финансового университета  
при Правительстве Российской Федерации

**БОГАТСТВО РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ  
И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО  
УПРАВЛЕНИЯ<sup>1</sup>**

В работе анализируются тенденции изменения богатства регионов России: концентрация, капиталоотдача, производительность труда, а также факторы, лежащие в основе повышения капиталоотдачи. Исследование показало, что, несмотря на резко выросший удельный вес человеческого капитала, рост производительности по-прежнему наиболее тесно связан с удельным весом основных производственных фондов в региональном богатстве. В этом отношении российская экономика пока еще далека от структур постиндустриального общества.

Для оценки долгосрочных изменений регионального богатства был применен инструмент построения финансовых балансов. При этом оценивались не потоки доходов и расходов, а запасы человеческого и произведенного капитала и обязательства регионов (бюджетные обязательства, долги субъектов Федерации и кредиторская задолженность частного сектора). Полученные сальдо финансовых балансов позволили уточнить рейтинги регионов.

Сложившаяся пространственная структура российской экономики характеризуется противоречиями между отдачей регионального богатства и его распределением. Выявлено, что наиболее богатые регионы зачастую демонстрируют отдачу богатства

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00324 «Богатство российских субъектов Федерации и оценки эффективности государственного управления на региональном уровне».

существенно ниже средней по России. Территориальные диспропорции являются естественным следствием действия рыночного механизма, в отношении которого должны предприниматься корректирующие меры государственного управления. Ориентация на рейтинги инвестиционной привлекательности регионов вводит экономические власти России в заблуждение. Без пересмотра федеральной и региональной экономической политики нельзя рассчитывать на ускорение экономического роста в ближайшем десятилетии.

**Ключевые слова:** *капиталоотдача, производительность труда, пространственная структура экономики, региональное богатство, финансовые балансы регионов, эффективность управления.*

**JEL:** R10, R11, R50.

**DOI:** 10.24411/2073-6487-2020-10044

## **Введение: национальное богатство и его оценки. Рынок и государственное управление**

Большая часть статистических показателей, применяемых в настоящее время для оценки масштабов экономики и эффективности ее функционирования, относится к категории потока. Такова, в частности, методология системы национальных счетов. Показатели доходов и расходов, бюджета, добавленной стоимости по видам экономической деятельности – все это показатели потоков.

Формально никто из экономистов не отрицает важности показателей запаса. Более того, ключевой категорией экономической теории является капитал, как правило, описываемый именно в категориях запаса (если, конечно, не говорить об институциональных интерпретациях этого понятия). Привычным описанием экономического роста является как раз использование запасов богатства для получения потоков доходов, которые, в свою очередь, порождают увеличение запасов богатства. Тривиальным представлением такого процесса является отношение добавленной стоимости (ВВП) к национальному богатству – чем выше частное, тем выше эффективность использования богатства, тем лучше «работает» экономическая система.

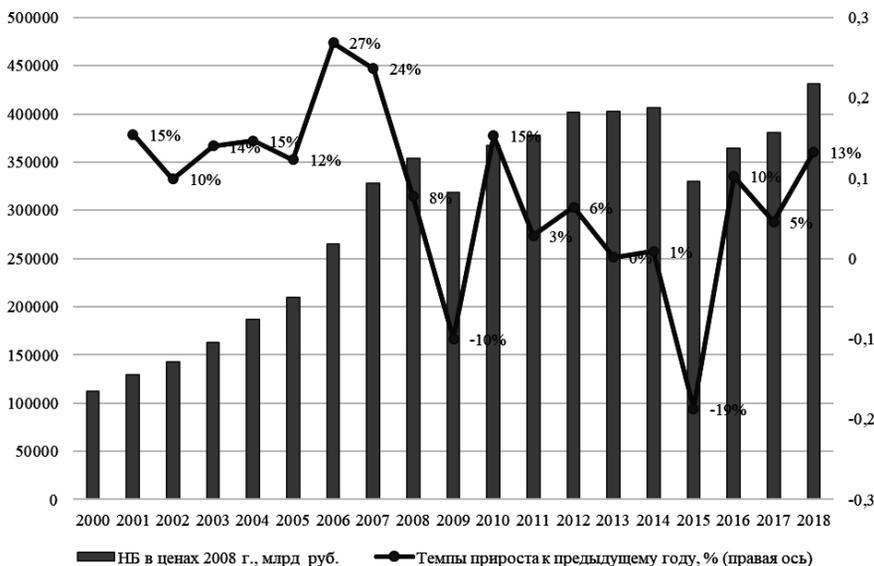
Конечно, такой простой показатель во многом не учитывает экологических эффектов, социальной напряженности, части других «неэкономических» показателей<sup>2</sup>. Тем не менее он дает представление о параметрах макроэкономической эффективности системы. Чем

---

<sup>2</sup> Один из таких эффектов – нерыночная деятельность экономических агентов. Так, в докладе комиссии Фитусси, Стиглица и Сена обращается внимание на то, что улучшение качества жилья своими силами будет включено в размер национального богатства (через повышение стоимости жилого фонда), однако не войдет в состав ВВП. Аналогично – приготовление пищи своими силами, а не заказ ее в ресторане, воспитание детей (рост человеческого капитала) и т. д. См. [1].

больше это отношение, тем более эффективно используются запасы богатства страны.

К 2018 г. оцененный объем национального богатства в России вырос почти в четыре раза в реальном выражении по сравнению с 2000 г. (см. рис. 1). Тем не менее, в 2009 и 2015 гг. темпы прироста национального богатства были отрицательными. В 2009 г. национальное богатство сократилось на 10% относительно 2008 г., а в 2015 г. – на 19%, что было связано с секвестром бюджетных расходов.



Источник: рассчитано авторами по: Регионы России / Статистический ежегодник. М., 2004; 2008; 2012; 2019. [www.gks.ru](http://www.gks.ru) (дата обращения: 12.05.2020).

Рис. 1. Национальное богатство России в 2000–2018 гг., млрд руб.

Снижение объема национального богатства в отдельные годы указывает, среди прочего, на то, что модель Солоу основана на не совсем реалистичных посылах – капиталовооруженность работников может не только расти, но и снижаться, причем такое снижение никак не связано с превышением капиталовооруженности сверх оптимального (или критического) размера. Собственно, именно об этом писали Р. Нельсон и С. Уинтер, вводя свои уточнения указанной модели [2]. Это влияет как на производительность труда, так и на капиталоотдачу.

При этом структура национальных экономик, конечно, различается. Специалисты Мирового банка выделяют три основных структурных элемента богатства: человеческий капитал, произведенный капитал, природный капитал, чистые иностранные активы. Интуитивно понятно, что, чем более развитой и богатой является страна, тем больше в структуре ее богатства занимает человеческий капитал,

и меньше – природный капитал. Если брать мировые показатели, то в среднем на человеческий капитал приходится  $\frac{2}{3}$  богатства, на произведенный капитал – одна четверть, на природный капитал –  $\frac{1}{10}$ . Однако в относительно бедных странах природный капитал составляет основную часть богатства (47% в 2014 г.) [3].

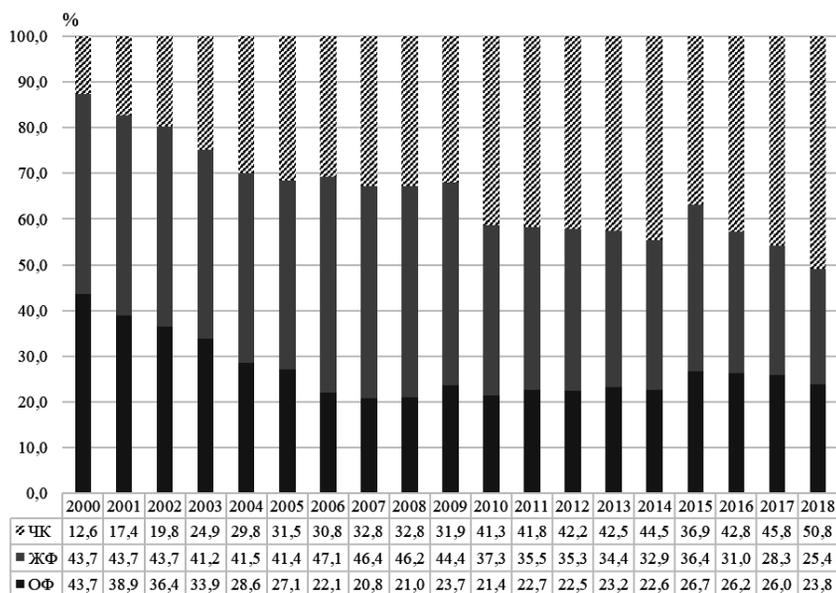
В среднем в странах ОЭСР на человеческий капитал приходится 70% национального богатства, на произведенный капитал – 28%, природный капитал – 3%, чистые иностранные активы – –1%. В России на человеческий капитал приходится, по оценкам Мирового банка, – 46%, на произведенный капитал – 33%, на природный капитал – 20% (из них 15% – невозобновляемые источники, 5% – возобновляемые), чистые иностранные активы – +1% [3].

По нашим оценкам, в которых не учитывалась стоимость природного богатства<sup>3</sup>, удельный вес человеческого капитала существенно вырос по сравнению с 2000 г., когда он составлял лишь 12,6% (см. рис. 2). Соответственно, почти 77,0% структуры национального богатства приходилось на материальные активы – основные фонды и жилье. При этом на протяжении 2000–2018 гг. соотношение между человеческим и физическим капиталом менялось в пользу увеличения доли человеческого капитала. В результате, в 2018 г. эта доля составила 50,8%. Налицо существенный рост, однако эта доля все еще мала в сравнении с развитыми странами.

Менялась пропорция и между основными фондами и жилищным фондом. В начале 2000-х годов стоимость основных фондов и жилья в национальном богатстве была примерно одинакова. Затем удельный вес жилищного фонда возрастал до 2009 г., что согласуется со стремительным ростом цен на жилье в 2005–2008 гг. После 2009 г. удельный вес жилья несколько снизился, а доля основных фондов в национальном богатстве немного возросла по сравнению с 2008–2009 гг.

Рост удельного веса человеческого капитала, сопровождающийся сокращением удельного веса произведенного капитала, хорошо заметен в наиболее крупных российских регионах со столицами-мегаполисами (см. табл. 1). Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что уже в 2000 г. удельный вес жилищного фонда во многих таких регионах превышал удельный вес основных фондов, в 2018 г. такое положение наблюдается уже повсеместно (хотя и не так явно на фоне огромного роста удельного веса человеческого капитала).

<sup>3</sup> Это связано с отсутствием открытых статистических данных о стоимости природного богатства в региональном разрезе. Данные о запасах природных ископаемых российских регионов Росстат не приводит с 1990-х годов. Поскольку большая часть из них находится в частной собственности, постольку можно предположить, эти данные теперь являются коммерческой тайной.



Источник: рассчитано авторами по: Регионы России / Статистический ежегодник. М., 2004; 2008; 2012; 2019. www.gks.ru (дата обращения: 12.05.2020).

Рис. 2. Структура национального богатства России в 2000–2018 гг., %

Определенное «отставание» России во многом связано со сравнительно низкими доходами домохозяйств, что обуславливается и относительно низкой (по сравнению с богатыми странами) ценой труда. При этом экономисты Мирового банка отмечают высокий уровень образования и здравоохранения в России, высокий образовательный уровень женщин и их вовлеченность в экономическую деятельность [4]. Для преодоления указанного отставания, по оценкам ВБ, при среднем темпе роста человеческого капитала за весь период в 3,5% России потребуется 50 лет, при более низких темпах (1,8% – среднее за 2010–2017гг.) – почти сто, фиксируют в МБ [4].

В свою очередь, российская статистика не включает человеческий капитал в оценки национального богатства. Оценки природного капитала представлены только в обобщенном виде, на уровне страны в целом; для уровня регионов такие данные отсутствуют в открытом доступе. Более того, вопросы оценки региональных запасов богатства вообще не ставились перед отечественной статистической службой.

Основная задача данной работы и состоит в том, чтобы дать оценки регионального богатства и оценить эффективность его использования. Конечно, регион – не фирма, в которой эффективность использования фондов и человеческого капитала при прочих равных условиях предопределяется менеджментом. Каждый регион по-своему уникален, в отличие от предприятий, имеющих одну отраслевую принадлежность

**Удельный вес человеческого капитала, основных фондов  
и жилищного фонда в национальном богатстве регионов с городами-  
миллионниками, %**

	2000 г.			2018 г.		
	Человеческий капитал	Основные фонды	Жилищный фонд	Человеческий капитал	Основные фонды	Жилищный фонд
г. Москва	13,4	29,1	57,5	56,5	21,5	22,1
г. Санкт-Петербург	13,6	28,0	58,4	57,0	16,2	26,8
Волгоградская область	12,7	40,7	46,7	52,5	24,0	23,5
Воронежская область	9,7	42,0	48,3	49,6	20,0	30,4
Красноярский край	18,2	41,2	40,6	60,9	18,0	21,1
Нижегородская область	11,8	35,9	52,3	43,6	20,4	36,0
Новосибирская область	13,2	56,6	30,3	61,6	12,2	26,1
Омская область	11,9	44,7	43,4	57,4	10,2	32,5
Пермский край	13,0	38,9	48,1	41,0	30,4	28,6
Республика Башкортостан	10,4	36,8	52,8	47,7	19,7	32,6
Республика Татарстан	11,6	47,4	41,0	46,2	23,6	30,2
Ростовская область	10,7	37,9	51,4	50,6	17,6	31,8
Самарская область	10,8	46,8	42,4	52,6	22,8	24,6
Свердловская область	12,1	44,8	43,1	45,2	26,1	28,7
Челябинская область	14,6	52,6	32,8	57,0	20,7	22,3

и использующих схожие технологии. Тем не менее, перед региональными администрациями во многом стоят одинаковые задачи – от подготовки к отопительному сезону до организации летнего отдыха детей, от обеспечения ритмичной работы социальных служб до стабильного функционирования дорог и инженерной инфраструктуры и т. д.

Здесь необходимо сделать несколько методологических замечаний. Во-первых, следует различать рынок и экономику – как уже отмечалось, экономическая деятельность значительно шире рыночной. Национальное богатство – экономический агрегат, его оценка включает в себя часть ресурсов, которая может быть не включена в непосредственный рыночный оборот. Во-вторых, мероприятия государственного управле-

ния непосредственно отражаются на оценках национального богатства (скажем, программы реновации жилья или «дальневосточного гектара» сказываются на оценках стоимости земли). В-третьих, рынки функционируют в экономическом пространстве, что приводит к созданию определенных структур. Если рассматривать политику (по М. Веберу) как специфическую деятельность по перераспределению власти, то с помощью политических мер можно влиять на пространственные структуры. В-четвертых, для упрощения мы будем считать пространственную структуру хозяйства эффективной, если она обеспечивает темпы экономического роста, по меньшей мере, выше среднемировых. Напротив, если темпы роста замедляются и экономика стагнирует, мы полагаем, что такая пространственная структура неэффективна, а вместе с ней, при прочих равных условиях, неэффективным является и государственное управление. Наконец, следует оговориться, что в данном анализе мы исходим из максимально простого допущения приоритетов субъектов управления – у последних существует только одна цель: экономическое развитие регионов и страны в целом. Мы абстрагируемся от специфических проблем бюрократии и представительной демократии, рассматриваемых теорией общественного выбора, так же как и от различных институциональных эффектов, связанных с проблемой власти в целом.

Ранее мы дали оценку размеров человеческого капитала в регионах. Результаты показали весьма неоднородное распределение человеческого капитала (наряду с относительной однородностью его использования) [5]. Как оказалось, миграция населения в регионы со столицами – мегаполисами (с численностью жителей более 1 млн) далеко не всегда приводит к росту отдачи человеческого капитала (производительности труда). Также была дана оценка другого элемента регионального богатства – жилого фонда [6]. Было естественным предположить, что чем выше производительность работников региона, выше их доходы – и одновременно чем дешевле жилье, возводимое в регионах (строительство находится под контролем местных властей), тем эффективнее управление и региональная экономическая политика. Такая гипотеза, которая выглядит правдоподобной при прочих равных условиях, перестает быть корректной, когда применяется одновременно к депрессивным и к растущим регионам. В ситуации, когда экономика региона находится в упадке, а жители мигрируют в другие регионы, производительность труда может снижаться меньше по сравнению со снижением реальной цены жилья. В результате соотношение производительности и цены на жилье в субъектах Федерации, переживающих депрессию, может выглядеть вполне сопоставимо с растущими регионами.

Оценка ВВП проводится по доходам, расходам и добавленной стоимости. Оценка национального богатства будет неполной, если активам не противопоставить пассивы. Располагая запасами фондов,

человеческого и природного капитала, современное государство – корпорация, юридическое лицо, где в качестве «акционеров» выступают избиратели, а правительство представляет собой «исполнительную дирекцию», – несет обязательства. Эти запасы в финансовом балансе представлены расходными обязательствами бюджета (включая долги прежних лет) и кредиторской задолженностью. То же можно сказать и о регионах – их пассивы представлены расходными обязательствами, долгом государственного сектора и кредиторской задолженностью населения и фирм перед банками, представляющими долги частного сектора. Такой подход уже реализовывался в относительно недавней работе В. Васильева [7; 8]. Естественно, что обязательства государственного сектора должны быть капитализированы так же как и в случае оценки человеческого капитала.

Ситуация, когда пассивы превышают активы (естественно, не при бухгалтерском, но при финансовом подходе), является признаком неэффективного управления. В таком случае можно ожидать и постепенного сокращения регионального богатства в реальном выражении. Напротив, «активное сальдо» позволяет сделать предположение о росте богатства как за счет его человеческой, так и производственной составляющих.

В следующем разделе рассматриваются общие оценки богатства регионов, равномерность его распределения, структура, тенденции к росту и снижению, эффективность использования. После этого дается оценка финансовых балансов регионов, строятся рейтинги эффективности управления, проводится сравнение полученных рейтингов с комплексными рейтингами регионов РА Эксперт.

## **Структура богатства регионов. Капиталоотдача. Пассивы**

Богатство российских регионов распределено неравномерно, однако *не настолько неравномерно*, как принято считать. Так, с одной стороны, на крупные регионы, где расположены города с населением свыше 1 млн., в 2018 г. приходилось 37,6% национального богатства (см. табл. 2). Учитывая, что это – всего 15 регионов из 82 (в расчет не вошел Крым, Севастополь и Чукотка – нет соответствующих данных), это представляется достаточно большим удельным весом (другими словами, на 18% регионов приходилось 37,6% богатства). Однако если оценивать концентрацию богатства с помощью индекса Херфиндаля-Хиршмана<sup>4</sup>, то оказывается, что он не достигает и 1 000, т. е. даже на

<sup>4</sup>  $HNI = x_1^2 + x_2^2 + \dots + x_n^2$ , где  $x_i$  – доля соответствующего региона, выраженная в процентах. Максимальное значение индекса – 10 000 (100×100), минимальное  $\rightarrow 0$ .

Москву приходится существенно меньше 30% богатства. Хотя уровень концентрации постоянно растет, и за 18 лет индекс Херфиндаля-Хиршмана увеличился почти в 2 раза.

Таблица 2

Концентрация богатства по регионам (индекс Херфиндаля-Хиршмана), удельный вес богатства регионов с городами-миллионниками, 2000–2018 гг.

Годы	Индекс Херфиндаля-Хиршмана	Суммарная доля регионов с городами-миллионниками, %
2000	336,7	29,2
2001	357,1	29,6
2002	365,1	29,3
2003	392,3	30,2
2004	397,0	30,5
2005	429,0	31,5
2006	491,4	33,4
2007	505,6	34,0
2008	553,6	35,1
2009	573,4	35,2
2010	582,1	35,6
2011	566,6	35,4
2012	564,4	35,3
2013	564,7	35,5
2014	574,5	35,6
2015	622,5	36,5
2016	654,1	37,5
2017	639,0	37,2
2018	656,7	37,6

Источник: рассчитано авторами по: данные Росстата.

Как рост концентрации регионального богатства связан с экономическим развитием? Исходя из общих представлений об экономической географии и ее новом варианте, предложенном А. Дикситом, Дж. Стиглицем и П. Кругманом [9], образование новых центр-периферийных отношений является естественным и способствует общему росту дохода и производительности пространственной системы. Однако такая концентрация имеет свои пределы, выход за которые приводит к торможению роста и перестройке пространственных про-

порций. Как мы уже указывали в другой работе, рост концентрации человеческого капитала в регионах с городами–миллионниками стал приводить к потерям в экономическом росте после 2012 г. [5]. При этом наблюдалось любопытное явление, заставляющее вспомнить об основах микроэкономики – рост неоднородности (и вообще высокая неоднородность) в региональном распределении человеческого капитала сопровождается снижением неоднородности *отдачи человеческого капитала*. Таким образом, миграция и направления инвестиций способствуют выравниванию предельной отдачи. Может быть, эти характеристики справедливы и для регионального богатства в целом? Рассмотрим рис. 3.

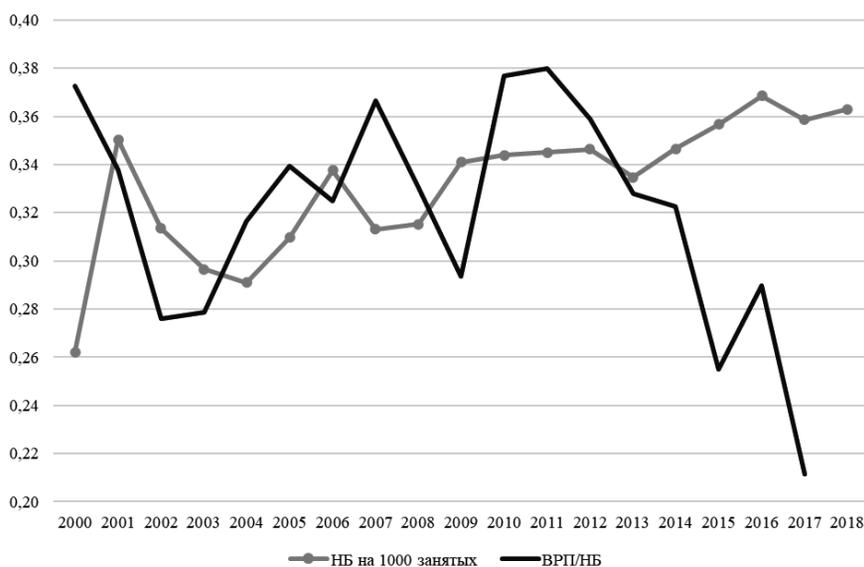
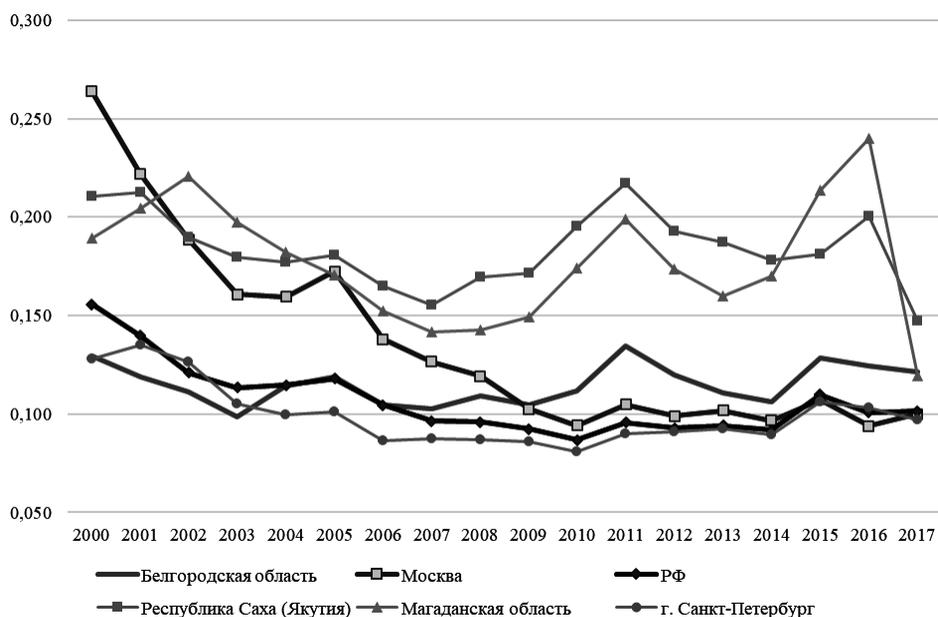


Рис. 3. Коэффициенты вариации национального богатства регионов в расчете на 1000 занятых и ВРП относительно национального богатства, [2]

Как видим, значения коэффициентов вариации начинают резко расходить после 2013 г.: если *отдача* регионального богатства становится все более однородной, то распределение богатства в расчете на 1 000 занятых – все более неоднородно. Это, по нашему мнению, означает *исчерпание возможностей роста существующей пространственной структуры*.

Это утверждение подтверждается и данными об отдаче богатства российских регионов.

Как видим, в начале рассматриваемого периода отдача богатства Москвы намного превышает среднюю отдачу в России. Она приближается к среднероссийской во время кризиса 2008–2009 гг. и становится ниже средней после 2014 г. Производительность богатства второго города России, Санкт-Петербурга, все время ниже среднероссийской.



Источник: рассчитано авторами по: Регионы России / Статистический ежегодник. М., 2004; 2008; 2012; 2019. [www.gks.ru](http://www.gks.ru) (дата обращения: 12.05.2020).

Рис. 4. Производительность (капиталоотдача) национального богатства в РФ и отдельных регионах России (руб./руб.)

В то же время отдача богатства части российских регионов демонстрирует совсем другую динамику. И это не только регионы с большими природными богатствами, такие, как Якутия, но и Белгородская область. На рис. 4 приведен и другой регион со сложными природно-климатическими условиями, причем не относящийся к нефтедобывающим – это Магаданская область. Он также демонстрирует высокую производительность.

Что является главным источником роста богатства регионов? Естественно, это инвестиции – в человеческий капитал, основные фонды, жилье. При этом инвесторы, естественно, ожидают получения прибыли от своих вложений, что в случае регионов означает ожидание роста производительности труда. Как связана структура инвестиций и, соответственно, структура богатства регионов с производительностью? Если ориентироваться на пример богатых стран, чем выше удельный вес человеческого капитала, тем выше должна быть и производительность. Но так ли это в России?

Следует напомнить, что мы не принимаем в расчет природные ископаемые. Оценим связи производительности (ВРП в расчете на одного занятого) с человеческим капиталом, основными фондами и жильем (см. табл. 3).

**Коэффициенты корреляции между производительностью  
и структурой национального богатства\***

Годы	Удельный вес человеческого капитала в национальном богатстве**	Удельный вес жилищного фонда в национальном богатстве***	Удельный вес основных фондов в национальном богатстве
2000	0,701	-0,265	0,068
2001	0,340	-0,220	0,090
2002	0,312	-0,585	0,470
2003	0,075	-0,568	0,541
2004	-0,046	-0,518	0,558
2005	-0,141	-0,478	0,570
2006	-0,247	-0,377	0,602
2007	-0,363	-0,203	0,559
2008	-0,367	-0,257	0,643
2009	-0,485	-0,269	0,718
2010	-0,685	0,078	0,773
2011	-0,658	-0,006	0,775
2012	-0,641	0,015	0,734
2013	-0,622	-0,041	0,737
2014	-0,659	0,010	0,757
2015	-0,464	-0,315	0,636
2016	-0,566	-0,070	0,626
2017	0,277	-0,263	-0,004

\* Расчет коэффициентов корреляции между отношением ВРП к национальному богатству соответствующего региона и удельным весом составляющих богатства производился по 78 субъектам РФ за 2000–2017 г. Все коэффициенты корреляции статистически значимы (с вероятностью ошибки 1%).

\*\* Рассчитывался как капитализированный по текущей ставке ЦБ на 30 лет объем оплаты труда каждого региона.

\*\*\* Оценивался как объем жилого фонда региона в кв. м по средней цене вторичного рынка за 1 кв. м.

Источник: рассчитано авторами.

Табл. 2 на первый взгляд демонстрирует противоречивые результаты. В период 2000–2002 гг. производительность труда сильно и положительно коррелирует с удельным весом регионального человеческого капитала, но уже начиная с 2003 г. эта связь резко ослабевает. Однако начиная с 2007 г. корреляция становится опять существенной, но отрицательной. Напротив, корреляции между производитель-

ностью и основными производственными фондами демонстрирует обратную тенденцию – в 2000–2001 гг. она близка к нулю, но уже с 2002 г. становится существенно положительной, а потом, – и сравнительно сильно ( $>0,5$ ) положительной. Особенно яркими эти встречные движения наблюдаются после 2008–2009 гг. – когда отрицательная корреляция между производительностью и удельным весом человеческого капитала становится (по модулю) больше 0,6, а положительная корреляция между производительностью и удельным весом основных фондов – больше 0,7. В свою очередь, взаимосвязь между производительностью и удельным весом жилого фонда демонстрирует отрицательную корреляцию, которая то слабеет, то увеличивается. В отдельные годы (2002–2005) она становится довольно сильной, приближаясь к  $-0,5$ .

Эти результаты подтверждают выводы, сделанные в другой нашей работе, – поскольку в России, начиная с 2008 г., рост оплаты труда устойчиво (вплоть до 2016 г.) опережал рост производительности труда [10], рост удельного веса человеческого капитала оказывается сильно и отрицательно связан с богатством регионов. Все эти характеристики – отрицательное влияние роста удельного веса человеческого капитала, отрицательная взаимосвязь между производительностью и удельным весом жилья, как и положительная корреляция между удельным весом основных фондов и производительностью позволяют сделать выводы о специфике этапа развития российской экономики. Очевидно, что о постиндустриальном обществе – экономике знаний – говорить применительно к России еще рано. Поскольку рост производительности по-прежнему связан преимущественно с основными фондами, ясно, что резервы индустриального развития далеко не исчерпаны. Это подтверждается и характером связи производительности и жилья. В богатых экономиках жилье является основным «физическим активом», сдача его в аренду, покупка и продажа, новое строительство вносит большой вклад в валовый региональный продукт. Однако в России жилищно-коммунальное хозяйство является если не убыточной, то весьма низко рентабельной сферой.

В заключение данного раздела остановимся на проблеме связи структуры пассивов баланса с капиталотдачей. В пассиве мы учитываем бюджетные обязательства, капитализированные по текущей ставке ЦБ на 30 лет (аналогично человеческому капиталу), долги субъектов Федерации (данные с 2005 г.), а также долги частного сектора (и те, и другие также оцениваются с помощью операции капитализации). Изменение структуры пассивов в рассматриваемом периоде выглядит следующим образом (рис. 5).

Как видим, основная часть пассивов приходится на государственный сектор (бюджетные расходы субъектов и их долги). Кажется логично предположить, что удельный вес бюджетных расходов должен хорошо коррелировать с региональной производительностью,

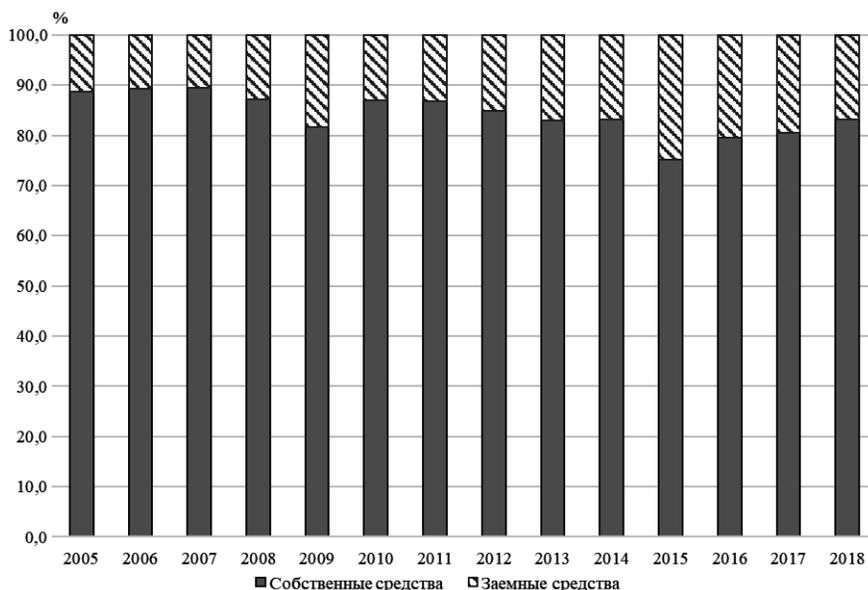


Рис. 5. Структура обязательств субъектов Российской Федерации в 2005–2018 гг. [2], %

однако это не так. Каких-либо устойчивых связей структуры пассивов и региональной производительности с помощью корреляционно-регрессионного анализа выявить не удалось.

Напротив, наблюдается сильная положительная корреляция между производительностью (в расчете на 1 занятого) и бюджетными расходами (в расчете на 1 жителя), коэффициент корреляции в среднем по РФ изменяется от 0,548 (в 2002 г.) до 0,758 (в 2018 г.). Это является вполне ожидаемым. Удивительным является другое – *высокий удельный вес бюджетных расходов в финансовом балансе может, как оказалось, соответствовать как высокой, так и низкой производительности*. Как мы полагаем, это означает, что регионы по-разному проводят бюджетную политику, попросту – у них разная эффективность бюджетных расходов, что в свою очередь, свидетельствует о разной эффективности регионального управления. Но в целом, конечно, бюджетные расходы сильно и положительно связаны с ростом регионального богатства (см. рис. 6).

По результатам анализа, проделанного в этом разделе, проблема эффективности управления теперь выглядит следующим образом. В России постепенно происходит концентрация национального богатства в регионах с большой численностью населения. Однако, если в 2000-е годы такая концентрация сопровождалась производительностью труда, намного превосходящей среднероссийскую, то постепенно последнее преимущество исчезает. Как мы видели на примере табл. 1, во многих из этих регионов уменьшается удельный вес основных фондов в составе национального богатства – производство «выносятся» в другие субъ-

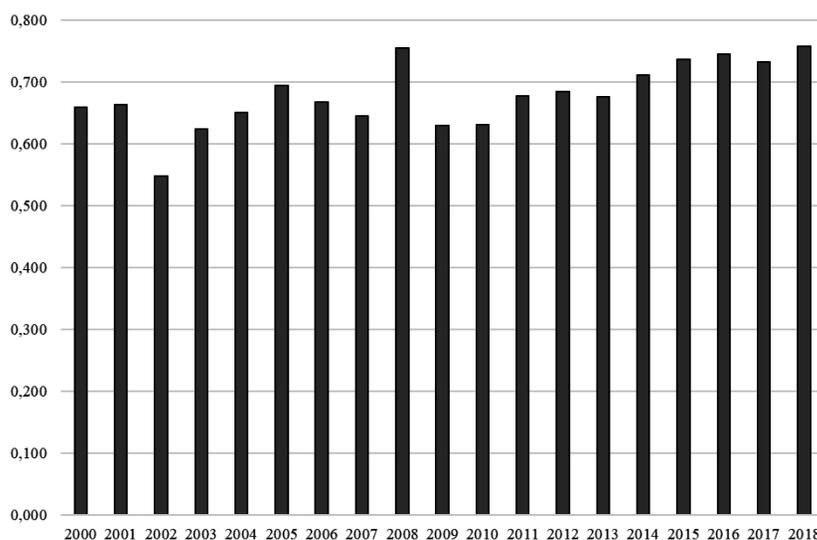


Рис. 6. Коэффициент корреляции национального богатства на душу населения и бюджетной обеспеченности (капитализированные расходы в расчете на 1 жителя) региона в 2000–2018 гг. (уровень значимости  $p = 1\%$ )

екты Федерации, растет удельный вес человеческого капитала и жилого фонда<sup>5</sup>. В результате, как мы можем наблюдать на рис. 4, самые богатые регионы в России – отнюдь не самые эффективные.

С другой стороны, чем богаче регион, тем выше его бюджетные обязательства (см. рис. 6), и тем выше стандарты социальных услуг, которые он предоставляет своим жителям. Возникает противоречие между региональной бюджетной политикой, понимаемой в данном случае как приоритеты в пространственном распределении бюджетных расходов, и экономической отдачей регионального богатства. Это противоречие, собственно, и тормозит российский экономический

<sup>5</sup> Вообще говоря, как ни странно, это черта именно постиндустриального общества, характерная не только для урбанизированных территорий, но и для так называемой «сельской местности». В полном соответствии с взглядами немецких классиков теории размещения производительных сил, многие земельные участки не только в Московской области, но и в других регионах, становятся слишком дорогими для ведения традиционного сельского хозяйства, они изымаются и переводятся под коммерческую застройку. Но то же самое происходит и в крупных городах, земля в которых становится слишком дорогой для традиционной индустрии, которая теперь зачастую выносится «в чистое поле» рядом с районными центрами. Странность этой ситуации заключается в том, что постиндустриальные явления в России накладываются на прежнюю, индустриальную, структуру добавленной стоимости (ВРП). Как указывалось в предыдущем разделе, капиталотдача тесно положительно коррелирует с удельным весом основных производственных фондов, но не с жильем (часть коммерческой застройки – встроенные и пристроенные помещения, от торговых площадей до поликлиник и учреждений финансового сектора).

рост, что, в соответствии с нашими послылками, позволяет сделать выводы о неэффективности как федерального управления российскими регионами, так и управления в части регионов. Если богатые экономические акторы оказываются неэффективными, при этом продолжая богатеть, то очевидно, что действующая система измерения эффективности, стимулов и санкций является дезориентирующей.

### **Финансовые балансы регионов. Значение сальдо. Рейтинги эффективности и их интерпретация**

Общий вид финансового баланса региона можно представить следующим образом (рис. 7).

АКТИВЫ	ПАССИВЫ
Человеческий капитал	Капитализированные бюджетные обязательства
Природный капитал (лес, вода, разведанные природные ископаемые и т. д.) – в экономической оценке на дату составления баланса (начало года)	Долги субъектов Федерации с учетом капитализации
Произведенный капитал, в том числе: – основные производственные фонды; – жилищный фонд	Долги частного сектора с учетом капитализации
	Сальдо: Активы – Пассивы = ±

Рис. 7. Схема финансового баланса региона (составлена авторами).

Ситуация, когда регион получает отрицательное сальдо, вообще говоря, свидетельствует о банкротстве. Банкротство фирмы предполагает смену собственника и распродажу имущества. Экономическое же банкротство политического субъекта (невозможность расплатиться с долгами, дефолт) предполагает широкий спектр возможных последствий. Регионы – открытые экономические системы, сильно зависимые от политики федерального Центра. Отрицательное сальдо, например, может возникнуть в связи с наращиванием бюджетных обязательств по инициативе Центра наряду с переоценкой произведенного капитала (в т. ч. при падении цен на жилье). Тем не менее, сальдо представляет собой полезный справочный расчетный показатель, а его отрицательное значение должно настораживать.

Высокое положительное сальдо свидетельствует и о высоком экономическом потенциале региона. В таком случае регион, как правило, выступает в качестве финансового донора. Однако, прямое сопоставление абсолютных размеров сальдо будет некорректным. Конечно же, необходимо принимать в расчет и численность населения региона.

Напрашивается предположение, что чем выше сальдо финансового баланса в расчете на 1 жителя региона, тем выше его бюджетная обеспеченность (капитализированные расходные обязательства). Расчеты подтверждают эту гипотезу (см. рис. 8).

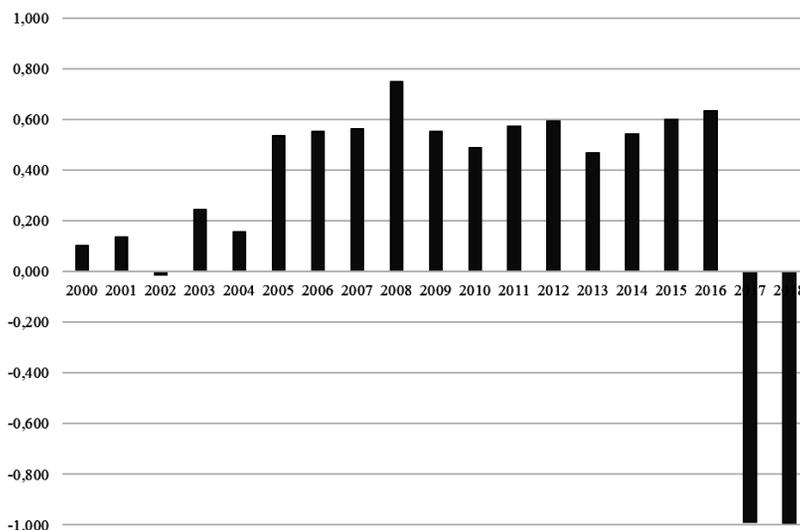


Рис. 8. Коэффициент корреляции сальдо регионального баланса на душу населения и бюджетной обеспеченности региона в 2000–2018 гг. (уровень значимости  $p = 1\%$ )

Как видим, в 2017–2018 гг. имела место сильная отрицательная корреляция – рост бюджетных обязательств привел к тому, что у регионов образовалось отрицательное сальдо финансовых балансов. Другими словами, наблюдался опережающий рост бюджетных обязательств по сравнению с ростом богатства регионов. Но на протяжении 2005–2015 гг. имела место «нормальная» средняя взаимозависимость.

Высокое сальдо баланса позволяет рассчитывать на высокую бюджетную обеспеченность и хорошее финансовое состояние региона. Однако этого недостаточно для того, чтобы судить об эффективности управления. Необходимо учитывать еще два фактора. Во-первых, это производительность (капиталоотдача) богатства региона. И, во вторых, как мы показали ранее в другой работе [6], эффективное региональное управление должно обеспечивать доступность жилья для населения (отметим, что сравнительно дешевое жилье снижает его удельный вес в произведенном капитале, а, как мы убедились в первом разделе работы, это способствует высокой производительности). Используя эти показатели, мы можем определить рейтинг региона. Учитывая, что в 2017–2018 гг. сальдо финансового баланса было отрицательным, а 2015–2016 гг. были кризисными (шок нефтяных цен, секвестр бюджета, шоки санкций и контрсанкций), рассмотрим относительно нейтральный 2014 г.

Большой интерес представляет сравнение многокритериальных рейтингов регионов инвестиционной привлекательности РА «Эксперт» и полученных нами расчетных рейтингов эффективности управления (см. табл. 4). Рейтинги кавказских республик, части регионов Центра, Поволжья, Западной Сибири относительно немного расходятся друг с другом. Напротив, принципиальные расхождения наблюдаются в отношении: а) дальневосточных регионов; б) большей части регионов со столицами – мегаполисами; в) части северных регионов. И эти расхождения обусловлены различиями в методологии оценки: РА Эксперт оценивает инвестиционную отдачу и риск для *частных* инвестиций, в то время как предлагаемый нами подход включает в себя оценку полного эффекта (частные + общественные результаты / затраты). Другими словами, инвестиционная привлекательность характеризует прежде всего рыночную деятельность. И, как результат, наиболее богатые регионы и являются наиболее инвестиционно привлекательными.

Таблица 4

## Рейтинг российских регионов в 2014 г.

	Место по салдо финансового баланса	Место по капиталоотдаче	Место по доступно- сти жилья	Сумма мест	Итого: рейтинг	Справочно: Рейтинг РА Эксперт (инвести- ционная привлека- тельность)
Белгородская область	40	10	72	122	37	17
Брянская область	56	66	17	139	48	43
Владимирская область	53	58	44	155	55	37
Воронежская область	46	25	53	124	38	19
Ивановская область	70	78	51	199	65	57
Калужская область	29	45	42	116	36	31
Костромская область	65	44	22	131	42	73
Курская область	54	43	33	130	41	36
Липецкая область	36	22	30	88	23	40
Московская область	6	56	68	130	41	2
Орловская область	71	41	43	155	55	62
Рязанская область	34	47	24	105	32	51
Смоленская область	48	50	50	148	52	46
Тамбовская область	60	35	46	141	49	52
Тверская область	28	73	70	171	60	45

	Место по салдо финансового баланса	Место по капиталоотдаче	Место по доступно- сти жилья	Сумма мест	Итого: рейтинг	Справочно: Рейтинг РА Эксперт (инвести- ционная привлека- тельность)
Тульская область	35	46	55	136	45	35
Ярославская область	41	39	67	147	51	38
г. Москва	3	17	76	96	27	1
Республика Карелия	17	49	35	101	29	60
Республика Коми	4	40	14	58	10	50
Архангельская область	8	34	27	69	12	48
Вологодская область	20	42	23	85	20	56
Калининградская область	38	30	36	104	30	33
Ленинградская область	10	38	31	79	17	26
Мурманская область	5	70	н/д	н/д	н/д	42
Новгородская область	31	26	47	104	31	64
Псковская область	69	76	59	204	66	63
г. Санкт-Петербург	12	28	75	115	35	3
Республика Адыгея	58	52	16	126	39	71
Республика Калмыкия	63	72	15	150	54	82
Краснодарский край	22	23	25	70	13	4
Астраханская область	25	31	20	76	16	58
Волгоградская область	45	29	39	113	34	23
Ростовская область	43	53	66	162	56	8
Республика Дагестан	61	32	4	97	28	29
Республика Ингушетия	78	9	н/д	н/д	н/д	77
Кабардино-Балкарская Республика	75	65	49	189	63	61
Карачаево-Черкесская Республика	73	74	62	209	69	76
Республика Северная Осетия -Алания	62	60	40	162	56	65
Ставропольский край	66	55	12	133	43	22
Республика Башкорто- стан	32	27	69	128	40	11
Республика Марий Эл	68	48	65	181	62	72
Республика Мордовия	72	61	73	206	67	66

Продолжение табл. 4

	Место по салдо финансового баланса	Место по капиталоотдаче	Место по доступно- сти жилья	Сумма мест	Итого: рейтинг	Справочно: Рейтинг РА Эксперт (инвести- ционная привлека- тельность)
Республика Татарстан	23	11	38	72	14	6
Удмуртская Республика	59	21	58	138	47	39
Чувашская Республика	64	69	64	197	64	54
Кировская область	67	71	61	199	65	59
Нижегородская область	21	54	74	149	53	9
Оренбургская область	37	13	37	87	22	30
Пензенская область	50	67	52	169	59	41
Пермский край	24	14	56	94	26	13
Самарская область	44	18	18	80	18	10
Саратовская область	49	57	57	163	57	25
Ульяновская область	57	51	41	149	53	44
Курганская область	51	68	45	164	58	69
Свердловская область	14	33	63	110	33	5
Тюменская область	1	6	1	8	1	28
Челябинская область	42	37	11	90	24	12
Республика Алтай	76	59	28	163	57	81
Республика Бурятия	55	77	13	145	50	49
Республика Тыва	77	64	34	175	61	80
Республика Хакасия	39	36	7	82	19	75
Алтайский край	74	63	71	208	68	27
Забайкальский край	33	75	26	134	44	53
Красноярский край	26	7	19	52	7	7
Иркутская область	30	15	10	55	8	18
Кемеровская область	27	62	48	137	46	16
Новосибирская область	52	20	21	93	25	15
Омская область	47	24	9	80	18	32
Томская область	16	19	29	64	11	47
Республика Саха (Якутия)	7	2	6	15	3	21
Камчатский край	11	5	3	19	5	70
Приморский край	9	16	32	57	9	20
Хабаровский край	15	4	54	73	15	34

	Место по сальдо финансового баланса	Место по капиталоотдаче	Место по доступно- сти жилья	Сумма мест	Итого: рейтинг	Справочно: Рейтинг РА Эксперт (инвести- ционная привлека- тельность)
Амурская область	18	8	60	86	21	67
Магаданская область	13	3	2	18	4	74
Сахалинская область	2	1	8	11	2	55
Еврейская автономная область	19	12	5	36	6	79

Источник: рассчитано авторами по: последний столбец: Инвестиционная привлекательность регионов – 2014: бремя управления / Рейтинговое агентство «Эксперт РА».

В случае регионов Дальнего Востока расхождения складываются по всем *трем* направлениям: капиталоотдаче, сальдо финансового баланса и доступности жилья (отношение цена кв. м / зарплата). Исходя из этих критериев Камчатский край, Магаданская область и Еврейская автономная область оказываются в числе лидеров (5, 4 и 6 места), в то время как по критерию привлекательности для частных инвестиций они в самом конце списка (70, 74, 79 места). Симметрично вышесказанному – Москва, густонаселенная Московская область, Санкт-Петербург – лидеры по привлекательности для частных инвестиций (1, 2, 3 места), но с точки зрения общего социально-экономического эффекта все наоборот (27, 41 и 35 места соответственно).

Обращают на себя внимание также расхождения в оценках рейтингов регионов традиционного Русского Севера (республики Карелия и Коми, Архангельская, Вологодская, Новгородская, Ленинградская области). В этих регионах не такая высокая капиталоотдача, как в дальневосточных регионах, но при этом они оказываются впереди по сальдо финансового баланса. Это, на наш взгляд, свидетельствует о недооценке потенциала развития этих регионов. Действует традиционный для России порочный круг – частные инвестиции «не идут» в эти регионы из-за неразвитости инфраструктуры, а для решения проблем последней у регионов не хватает собственных бюджетных средств.

## Заключение

Лет пятнадцать назад в России много говорилось о «недокапитализации» страны. Имелась в виду, в первую очередь, низкая степень развитости финансовых рынков и отсутствие реальных денежных оценок многих отечественных ресурсов – начиная с земли и лесов и кончая интеллектуальной собственностью [например: 11; 12; 13]. С тех пор дискуссии несколько поутихли, хотя оценки национального богатства в России по-прежнему сильно отстают от западных, и в целом отечественная теория и практика по большей части ориентируется на ВВП и потоки, почти не принимая в расчет богатство и запасы.

Анализ пространственной структуры экономики без учета запасов приводит к ошибкам – в сущности, рассматриваются только краткосрочные факторы: цена труда, но не человеческий капитал; инвестиции, но не жилье и основные фонды; бюджетные расходы, но не социальная и инженерная инфраструктура. В результате действия рыночных агентов, которые естественным образом ориентируются на текущую конъюнктуру, приводят к возникновению диспропорций и исчерпанию возможностей роста. Исправление территориальных диспропорций очень дорого обходится – это легко заметить на примере Москвы времен Ю.М. Лужкова, когда за 20 лет не было введено ни одной станции метрополитена (за исключением ветки т. н. «легкого метро»), и в то же время были застроены многие из земельных участков, резервированных под развитие транспортной инфраструктуры. В чем-то аналогичная ситуация наблюдается теперь в федеральных масштабах – необходимость опережающего развития регионов Сибири и Дальнего Востока была очевидной еще во времена СССР, однако к пониманию этого вернулись только в 2010-х годах. И, как следует из нашего исследования, усилия по исправлению диспропорций, предпринимаемые федеральными и региональными политиками, явно недостаточны.

Стоит оговориться, что в предпринятых нами оценках регионального богатства присутствуют два существенных недостатка. Во-первых, мы исходили из данных о стоимости основных фондов, предоставляемых Росстатом, который по-прежнему пользуется «учетной» (по сути, первоначальной) стоимостью. В этом отношении переход к балансовой стоимости, в определенной степени учитывающей обесценение фондов, уменьшил бы активы финансового баланса (то же самое, но в еще большей степени, касается оценок жилья). Во-вторых, у нас нет оценок природного капитала. Его учет, напротив, резко увеличил бы активы.

В свою очередь, увеличение активов – и увеличение сальдо – возвращает нас к проблеме недокапитализации России. Развитие рынка региональных ценных бумаг могло бы привлечь средства, необходимые для развития необходимой социальной и инженерной инфраструктуры, которые в свою очередь, привлекли бы и частные инвести-

ции. Однако это сразу же упирается в действующую налогово-бюджетную систему: уже сейчас многие регионы имеют задолженность, превышающую установленное Минфином РФ нормативное отношение долга к собственным доходам бюджета. Более того, как мы видели, увеличение расходных обязательств регионов в 2017–2018 гг. привело к образованию отрицательного сальдо финансовых балансов.

Тем не менее, во всем мире происходит постепенный поворот к учету запасов (достаточно напомнить о т. н. «экологических счетах»). Изменение подхода к измерению богатства и обязательств по-иному заставляет оценивать сложившуюся пространственную структуру экономики, как и эффективность управления регионами. Как мы полагаем, изменение вектора развития позволит существенно изменить характер экономического роста России в третьем десятилетии XXI в.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016.
2. *Нельсон Р., Уинтер С.* Эволюционная теория экономических изменений. М.: ЗАО Финстатинформ. 2000. С. 236–264.
3. *La richesse mondiale augmente, mais les inégalités persistent, selon un nouveau rapport de la Banque mondiale // La banque mondiale. 2018. 30.01. www.banquemondiale.org/fr/news/press-release/2018/01/30/world-bank-report-finds-rise-in-global-wealth-but-inequality-persists#* (на фр. яз.).
4. *Всемирный банк отвел России 100 лет на развитие человеческого капитала // РБК 04.12.2019. www.rbc.ru/economics/04/12/2019/5de76fa19a79476a1ebb8bec.*
5. *Букина И.С., Одицова А.В., Ореховский П.А.* Эффективность регионального распределения человеческого капитала и экономическое развитие // ЭКО. 2019. № 12 (546). С. 65–89.
6. *Букина И.С., Одицова А.В., Ореховский П.А.* Жилищное строительство, региональный экономический рост и качество управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 5. С. 62–86.
7. *Васильев В.В.* Финансовые балансы как инструмент диагностики характера регионального развития. Финансы. 2010. № 4. С. 16–19.
8. *Васильев В.В.* Совершенствование государственной политики экономического роста регионов РФ. Автореф. дисс. на соискание уч. степени канд. экон. наук, 08.00.05. Управление народным хозяйством (Региональная экономика). Волгоград, 2016.
9. *Кругман П.* Возрастающая отдача, монополистическая конкуренция и международная торговля // Вехи экономической мысли. Т. 2. СПб.: Экономическая школа ГУ ВШЭ. 2000. С. 523–532.
10. *Букина И.С., Ореховский П.А.* Особенности российской модели экономического роста // Финансы: теория и практика. 2018. Т. 22. № 6. С. 6–24.
11. *Как повысить капитализацию России. Материалы «круглого стола» (Аналит. совет Фонда), 17 февраля 2005 / Под ред. А. Владиславлева, В. Никонова, А. Салмина. М.: Фонд Единство во имя России, 2005.*

- 
12. Савельев Ю.В., Титовский А.В. Стратегия капитализации как инструмент повышения конкурентоспособности регионов России // Экономика и управление. 2008. № 3. С. 180–186.
  13. Загоскин Д.В., Ширко К.Н. Капитализация культурного пространства регионов России: к постановке проблемы // Вестник Томского университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 63–70.

#### ABOUT THE AUTHORS

**Bukina Irina Sergeevna** – Candidate of Economic Sciences, Senior researcher of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
bis.email@gmail.com

**Odintsova Alexandra Vladimirovna** – Doctor of Economic Sciences, Leading Scientific Researcher, of the Center for Federal Relations and Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
aleksod@yandex.ru

**Orekhovsky Petr Alexandrovich** – Doctor of Economic Sciences, professor, chief research fellow of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS); professor of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia  
orekhovskaya@mail.ru

#### PROSPERITY OF RUSSIAN REGIONS AND EFFICIENCY OF STATE GOVERNANCE

The article analyzes the trends in the change in the prosperity of Russian regions: concentration, capital productivity, labor productivity, factors underlying the increase in capital productivity. The research showed that, despite the sharply increased share of human capital, productivity growth is still most closely related to the share of fixed assets in regional wealth. In this respect, the Russian economy is still far from the structures of a post-industrial society. To assess long-term changes in regional wealth, a financial balance sheet tool was used. At the same time, it was not the flows of income and expenses that were assessed, but the stocks of human and produced capital and the liabilities of the regions (budgetary liabilities, debts of the subjects of the Russian Federation and accounts payable of the private sector). The resulting financial balances made it possible to clarify the ratings of the regions. The existing spatial structure of the Russian economy is characterized by contradictions between the return of regional wealth and its distribution. It was revealed that the richest regions often show a return on wealth significantly lower than the average for Russia. Territorial imbalances are a natural consequence of the operation of the market mechanism. Government measures should be taken to correct the imbalances. The focus on the ratings of the investment attractiveness of the regions is misleading the economic authorities of Russia. Without a revision of federal and regional economic policies, one cannot expect an acceleration of economic growth in the next decade.

**Keywords:** *regional wealth, labor productivity, capital productivity, spatial structure of the economy, financial balances of regions, efficiency of the governance.*

**JEL:** R10, R11, R50.

**Г.Х. БАТОВ**

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник  
ФГБУН Институт информатики и проблем регионального управления  
Кабардино-Балкарского научного центра РАН

**ЦИФРОВАЯ ПЛАТФОРМА  
КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФЕРА ТЕХНОЛОГИЙ  
В ЭКОНОМИКУ МАКРОРЕГИОНА  
(на примере Северо-Кавказского федерального  
округа)<sup>1</sup>**

В статье рассматриваются особенности использования новых технологий в макрорегионе, а также инновационная активность хозяйствующих субъектов и ее взаимосвязь с информационно-коммуникационными и цифровыми технологиями. Отмечается, что развитие этих процессов осуществляется разобщенно, многие инновационные разработки и прорывные технологии остаются невостребованными акторами различных видов экономической и социальной деятельности. Основной причиной является отсутствие эффективного механизма взаимодействия между производителями новых знаний и их потребителями. Эти проблемы в достаточно острой форме характерны для отстающих регионов, к которым относится и Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО). Возможным вариантом решения проблем для подобных округов (регионов) является использование цифровой платформы, которая может выступать в качестве организатора трансфера технологий.

**Ключевые слова:** регион, инновация, технология, ИКТ, внедрение, инструмент, трансфер, платформа, СКФО, АО «РОСНАНО».

**JEL:** O12, O32, R10, L86.

**DOI:** 10.24411/2073-6487-2020-10045

Состояние современного общества, столкнувшегося с двумя одновременно наступившими кризисами (в здравоохранении и в экономике), заставляет искать пути выхода из данной неординарной ситуации. Тяжесть момента усугубляется тем, что создавшееся положение привело к нестабильности в различных отраслях экономики, к увели-

---

<sup>1</sup> Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-010-00287 А «Разработка механизма опережающего развития проблемного макрорегиона».

чению неопределенности и возрастанию рисков ведения хозяйственной деятельности. В этих условиях надо искать новые механизмы и создавать новые инструменты, с помощью которых возможно преодолеть последствия кризисов.

Научное сообщество, представители бизнеса, властные структуры, футурологи и различные эксперты, безусловно, предложат разные способы выхода из сложившейся ситуации. По нашему мнению, главными приоритетами экономической политики сегодня должно стать более широкое использование инноваций и технологии, в том числе цифровых, которые позволят в более короткие сроки преодолеть негативные последствия кризиса и перейти на рельсы устойчивого развития. Понятно, что придется внести существенные коррективы в национальные проекты, но отказываться от них было бы ошибкой. Проекты, реализация которых тесным образом связана с развитием и использованием новых цифровых технологий в реальном секторе экономики, в обрабатывающих отраслях промышленности, особенно в машиностроении и станкостроении, наоборот, необходимо осуществить полностью.

Данный тезис аргументируется тем, что в последнее время западными странами интенсивно проводится политика решоринга<sup>2</sup> и реиндустриализации. К этому их вынуждают два обстоятельства: во-первых, западные страны не хотят делиться новыми высокими технологиями в странах пребывания и, во-вторых, тем, что, по прогнозам экспертов, в результате пандемии возрастет уровень безработицы – в Евросоюзе он может достичь 9%, а в США – вплоть до 16% [1]. В этих условиях решоринг будет способствовать созданию новых рабочих мест и в какой-то мере решению социальных вопросов, в том числе и сокращению безработицы.

Еще одной особенностью этих кризисов является то, что они вывели на передние рубежи цифровые и информационные технологии, которые становятся важными производительными силами. Как отмечает Д. Сорокин, «взаимодействия вещественных элементов производительных сил чаще определяется не людьми, а все более интеллектуализирующимися, способными к самообучению информационными системами (интернет вещей). Более того, это взаимодействие начинает выходить за пределы отдельного хозяйствующего субъекта, постепенно включая в единое информационное пространство весь процесс общественного воспроизводства» [2, с. 36].

<sup>2</sup> Решоринг – процесс возвращения в страну производств, которые были ранее перенесены в страны с низкой стоимостью рабочей силы, что позволяло иностранным компаниям получать дополнительную прибыль за счет более низких издержек.

Экономический рост наиболее динамичен и устойчив в том случае, когда акторы экономической деятельности широко используют результаты научных исследований, внедряют инновации и новые технологии.

### **Использование передовых и информационно-коммуникационных технологий в макрорегионе**

По данным российской статистики<sup>3</sup>, в Российской Федерации, в том числе и в СКФО, количество используемых передовых технологий в последнее время увеличивается. Однако применение этих технологий не приводит к увеличению инновационной активности – в РФ она находится на уровне чуть больше 8%, что является очень низким показателем, а по СКФО она составляет 3,2%, что ниже, чем в РФ в 2,6 раза.

Низкая инновационная активность объясняется тем, что передовые производственные технологии используются малым количеством предприятий и организаций, хотя как в РФ, так и по СКФО, наблюдается тенденция их приращения. Тем не менее в 2018 г. в РФ из 1212017 единиц хозяйствующих субъектов материальной сферы производства только пятая часть использовала подобные технологии. В СКФО в последние годы наблюдался рост количества предприятий и организаций, использующих новые высокие технологии: в 2016 г. они составили 5,0%, в 2017 г. – 6,7%, в 2018 г. – 7,6% от более 40 тыс. хозяйствующих субъектов.

Основными причинами низкого уровня применения передовых технологий (при наличии положительного тренда), является «отсутствие у организаций современной производственной базы на основе инновационных технологий. Многие промышленные предприятия нуждаются в обновлении производственных мощностей и оборудования. Другой фактор – недостаток квалифицированных кадров в области инновационных технологий и цифровой экономики» [3, с. 32–33].

Кроме отмеченных недостатков, существует еще одна серьезная проблема, которая связана с низкими темпами внедрения инновационных разработок и цифровых технологий в производственный процесс, в социальную сферу и в повседневную жизнь домохозяйств. Сказывается отсутствие эффективного актора, который участвовал бы в организации процесса внедрения. К тому же состояние экономики округа показывает, что без применения новых технологий переход на более высокий технологический уклад и создание цифровой экономики будут проблематичными.

---

<sup>3</sup> Стат. сб. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2019.

В современных условиях все организации, в разных сферах своей экономической деятельности, пользуются специальными программными средствами, которые позволяют им оптимизировать свою деятельность и повысить конкурентоспособность. В 2018 г. в РФ 85,9% организаций использовали подобные средства. В СКФО этот показатель составил 70,7%. В то же время наблюдается уменьшение организаций, использующих специальные (адаптированные) программные продукты, что содержит в себе массу негативных последствий и, более того, становится тормозом для перехода на более высокий технологический уклад. Дело в том, что экономика субъектов округа характеризуется тем, что здесь имеет место сочетание элементов третьего и четвертого технологических укладов, при этом доминирующим остается третий. Процессу перехода на более высокий технологический уклад способствовало бы увеличение числа предприятий и организаций, которые используют программные продукты, обеспечивающие повышение эффективности производственных и операционных процессов на основе управления автоматизированным производством и/или отдельными техническими средствами и технологическими процессами, такими системами, как: CRM, ERP, SCM<sup>4</sup>.

Показатель использования систем управления взаимоотношениями с клиентами (CRM) в РФ составляет 16,7%, а в СКФО – 10,3%. При этом данный показатель остается стабильно низким. В таком же положении находится использование SCM. В РФ показатель имеет тенденцию к росту, что подчеркивает увеличение числа предприятий и организаций, переходящих на автоматизацию (цифровизацию) внутрифирменных и межфирменных взаимоотношений. В 2018 г. в РФ показатель составил 19,6%, что больше предыдущего года на 4,9%. В СКФО увеличение составило 0,6%, что равносильно бездействию. Важность и необходимость использования программных продуктов объясняется тем, что они готовят почву и создают базу для внедрения цифровых технологий в производственные процессы и в социальную сферу.

Для эффективного использования результатов инновационной деятельности в виде технологических инноваций и ресурсов информационно-коммуникационных технологий хозяйствующие субъекты осуществляют инвестиции в развитие этих технологий. Для того чтобы выяснить, как реализовываются затраты на ИКТ и технологические инновации (ТИ), какому направлению затрат дают предпочтение субъекты округа, был проведен их сравнительный анализ (см. табл. 1).

<sup>4</sup> Понятно, что существуют множество и других систем, но в данном случае использованы данные, которые приводятся в статистических сборниках.

## Сравнительный анализ затрат на информационно – коммуникационные и технологические инновации в РФ и СКФО, %

Субъекты	2016 г.		2017 г.		2018 г.	
	Информационно-коммуникационные технологии	Технологические инновации	Информационно-коммуникационные технологии	Технологические инновации	Информационно-коммуникационные технологии	Технологические инновации
РФ	49,3	50,7	51,4	48,6	53,2	46,8
СКФО	55,6	44,4	49,6	50,4	59,8	40,2

Источник: рассчитано автором.

Приведенные данные показывают, что затраты на информационно-коммуникационные технологии были более предпочтительными как для субъектов округа, так и других субъектов РФ. Означает ли это, что хозяйствующие субъекты экономики округа отодвигают на второй план использование технологических инноваций?

Большинство хозяйствующих субъектов округа в настоящее время предпочитают использовать возможности для вооружения и насыщения своего базиса ИКТ, а также для оптимизации производственных, организационных, социальных процессов и на их основе организовывать процесс усовершенствования продуктов, товаров и услуг.

В связи с тем, что предприятиям и организациям приходится делать выбор между затратами на технологические инновации и ИКТ, возникают вопросы: не становятся ли эти направления антагонистами? имеется ли взаимосвязь между инновационной деятельностью и информационно-коммуникационными (цифровыми) технологиями? как устранить эти противоречия? как организовать их продуктивное интегрирование, кооперацию и сотрудничество?

Конечно, эти направления должны взаимодействовать, но для начала существующую дилемму надо решить. По существу, речь идет (если подойти к вопросу более масштабно) о том, как организовать взаимодействие науки и производства, как использовать новые знания. Данная проблема давно остается «ахиллесовой пятой» процесса экономического развития.

Надо отметить, что неоднократно были предприняты попытки решения этого вопроса в разных социально-экономических условиях, предложены различные методы, способы, варианты. В экономической литературе можно найти множество примеров, подтверждающих

данное утверждение. К ним можно отнести работы многих исследователей: А. Анчишкина [4], А. Авдулова [5], А. Дынкина и Н. Ивановой [6], Г. Осипова, Н. Стриханова, Ф. Шереги [7], А. Ракитова [8], Н. Комкова и Н. Бондаревой [9] и др.

При этом все авторы, отмечая всю важность инноваций как инструмента повышения эффективности, в своих работах указывают на целый ряд препятствий, которые мешают внедрению научных разработок (новых знаний) в практическую деятельность, а также на то, что не получается на постоянной основе «прочно» связать науку и производство.

Подобные сложности характерны не только для российских предприятий. Они присутствуют в практике зарубежных фирм и компаний. Если сжато сформулировать причины, которые мешают данному процессу и у нас, и за границей, то их можно свести к группе факторов. Они более конкретно изложены в статье Р. Капура и Т. Клютера «Организационная подготовка к внедрению новых технологий» [10] и сводятся к следующим факторам:

- «во-первых, появление новых технологий угрожает стабильности, даже если эти технологии являются весьма многообещающими с точки зрения повышения конкурентоспособности и прибыльности бизнеса;
- во-вторых, логика изобретений состоит в поиске и нахождении оптимальных решений существующих проблем, что не совпадает с логикой предпринимателя, для которого важна максимизация прибыли;
- в третьих, коммерциализация – привлечение инвесторов и возможных потребителей, через которых будут возмещены затраты и получена прибыль;
- в четвертых, преодоление несоответствия между возможностями новой технологии и существующей бизнес-моделью, приведение их в соответствие путем создание новой бизнес-модели или внесением организационных изменений в существующую» [10, с. 143–148].

Для решения проблем, связанных с эффективным использованием научных разработок субъектами Северо-Кавказского Федерального округа, а также и субъектами других регионов страны, в качестве методологического инструмента предлагается использовать возможности, которые заложены в цифровых технологиях и платформах.

## **Формы, принципы и особенности функционирования платформ**

Рассмотрим, что из себя представляет платформа: из чего она состоит и как функционирует? что является методологической основой, которая позволяет использовать ее в качестве инструмента по

трансферу технологий? Для начала процесс появления платформ и их развитие рассмотрим в историческом контексте.

Данное исследование следует начать с Р. Коуза, вернее, с его теории фирмы [11]. Согласно этой теории, организации создавались ради минимизации трансакционных издержек в условиях недостатка информации. Добиться устранения этих изъянов возможно за счет регулирования экономической деятельности в процессе обмена на децентрализованном рынке. Для решения вопросов координации компания переводила во внутрь те процессы, которые она могла сама эффективно регулировать, а те, на которые она не могла воздействовать, – экстернализовались. Эта теория обосновывает положение о том, что по мере роста масштабов организации происходит минимизация трансакционных издержек, что приводит к экономии от масштаба.

Организационное и экономическое значение экономии от масштаба изучены разными исследователями, как зарубежными, так и отечественными. Из зарубежных наибольший интерес представляют работы Б. Хендерсона. Он на основе эффекта масштаба и «кривой опыта» показал, что увеличение размеров компании приводит к снижению издержек. Но это происходит до определенных границ – дальнейший рост размеров компании приводит к обратному результату [12].

Проблему дальнейшего бескризисного расширения размеров компании решил М. Портер [13]. Он, ввел понятие цепочки создания ценностей, представляющую собой сочетание многочисленных и разнообразных компонентов, которые и образуют эту самую цепочку ценностей. Оптимальность этих цепочек достигается в том случае, если трансакционные издержки становятся или остаются низкими.

Подводя итог этим рассуждениям, следует отметить, что представленные теории являются правильными и работающими для участников традиционной экономики, т. е. для тех компаний, которые называются линейными и функционируют в рыночных условиях. С появлением Интернета, информационных и цифровых технологий законы и принципы рынка остаются, но рыночная среда и условия деятельности субъектов меняются. В новых условиях многие положения традиционных рыночных теорий перестают работать или же они совершенствуются и видоизменяются. С созданием цифровых технологий наибольшей бифуркации подвергаются функции централизации, децентрализации и иерархичности, которые приобретают иное содержание, их соотношения и миссии меняются.

Преобразившиеся условия вызывают появление новых форм отношений, новых форм взаимосвязи, новых форм бизнес-моделей, основанных на сети и сетевых эффектах. Базовыми формами взаимодействия акторов становится обмен через сети.

Понятно, что обмен и взаимосвязи между различными компаниями существовали и раньше; компании и фирмы конкурировали и сотрудничали между собой, создавали ценности и реализовывали их, но все это происходило в рамках линейных форм. Сейчас, в результате появления новых технологий условия изменились. Вместе с ними меняются способы, модели, масштабы, принципы взаимоотношений рыночных игроков.

Важными инструментами, если не самыми главными, для реализации результатов всех преобразований, появившихся за последнее время, становятся платформы. Особенность платформ и их эффективность объясняется как раз тем, что они способны создавать ценности за счет формирования связей, а также организовать продуктивный обмен между потребителями и производителями с использованием сети или сетей, становиться площадками по созданию микрорыночного пространства.

В экономической литературе сущность и значение платформ изучается многими исследователями. Как экономическая категория она представлена во многих работах. Разные авторы по-разному трактуют платформу: одни считают ее цифровой технологией, другие – бизнес-моделью, третьи – гибридной структурой, четвертые – предприятием, пятые – экосистемой. Имеются и другие толкования [14; 15]. В связи с наличием различных интерпретаций понятия «платформы» существует и множество ее определений. Остановимся на некоторых из них.

Группа исследователей дает такую формулировку платформе: «под цифровыми платформами понимаются гибридные структуры (гибриды рынков, фирм, сообществ и технологических систем), ориентированные на создание ценности путем обеспечения прямого взаимодействия и осуществления трансакций между несколькими группами сторонних пользователей. В терминах институциональной экономики предложено рассматривать цифровые платформы как посреднические» [16, с. 25].

Несколько иначе трактуют платформу А. Зеневич и З. Пунчик. Они отмечают, что «цифровая платформа – это сложная информационная система, обеспечивающая выполнение функций связи между участниками рынка, открытая для использования клиентами и партнерами, включая разработчиков приложений, поставщиков услуг и агентов. Конструктивно она состоит из комплекса подсистем, интерфейсов и технологических процессов, в которые включены компоненты, как неизменяемые базовые, так и переменные, использование которых диктуется конкретной ситуацией» [17, с. 188].

По мнению А. Шабанова, «цифровая платформа представляется организационно-техническим образованием, способным предоставлять на договорной основе услуги, производительные ресурсы и акту-

альные ретроспективные знания (доступ к знаниям) о предметных сущностях, влияющих на деятельность потенциальных пользователей – предприятий, учреждений, организаций, органов власти, их подразделений и объединений» [18, с. 109–110]. Приведенные определения иллюстрируют, как разные исследователи по-разному истолковывают понятие «платформа».

Из анализа этих источников, а также и целого ряда других, представленных в экономической литературе, с которыми удалось познакомиться, с методологических позиций более точное и глубокое определение платформе дают А. Моазед и Н. Джонсон [19]. Они считают, что «платформа – это бизнес-модель, которая ускоряет обмен ценностью между двумя и более группами пользователей, потребителей и производителей. Чтобы этот обмен произошел, платформы собирают вокруг себя крупные, растущие и легкодоступные сети пользователей и ресурсов. Платформы создают сообщества и рынки, в рамках которых пользователи взаимодействуют и осуществляют транзакции» [19, с. 37].

По мнению этих исследователей, в основе платформы лежит базовая транзакция, которая представляет собой набор действий, которые должны быть совершены потребителями и производителями для обмена ценностями. Базовая транзакция предполагает осуществление четырех основных шагов: создания, взаимосвязи, потребления и компенсации [19, с. 263].

Платформы осуществляют базовую транзакцию, но основатель или основатели не владеют средствами производства и не контролируют поведение пользователей. Вместо всего этого они создают средства связи. Задача платформы состоит в привлечении пользователей, которые в процессе взаимодействий и взаимосвязи с другими участниками будут решать свои проблемы или обмениваться ценностями. В результате таких действий пользователи будут возмещать свои затраты и могут получать прибыль.

Особенность платформ состоит в том, что они создают новый тип ценности. Каким образом это происходит, раскрывают указанные авторы. Они сообщают, что «платформы создают сетевые ценности. У продуктов и услуг есть определенная внутренняя ценность, которую пользователь извлекает в процессе потребления того, что он приобрел. Потребительская ценность продукта может быть существенной, но она статична – то есть не меняется со временем. А платформы добавляют к ней сетевую ценность – ценность, которую пользователи извлекают из использования платформы другими людьми. В результате для каждого отдельного пользователя ценность растет естественным образом по мере расширения сети. Платформы монетизируются через получение части ценности, которую сами же и создают; соответственно,

когда растет ценность, растет выручка. И так как платформы способны расширяться с практически нулевыми предельными издержками, по мере их роста издержки существенным образом не увеличиваются. Поэтому рентабельность продаж значительно возрастает, когда платформа начинает доминировать на рынке. Для этого ей не нужно взвинчивать цены или надуть поставщиков, как делала бы традиционная монополия. Просто общая ценность, создаваемая платформой, тоже поднимается» [19, с. 106].

В процессе своего функционирования платформы выполняют четыре основные функции: привлечение пользователей; координацию; предоставление инструментов и сервисов (обычно инструменты представляют собой технологии и программные продукты, помогающие пользователям выстраивать ценные связи друг с другом); определение правил и стандартов.

Кроме создания ценностей, важной особенностью платформ является их способность формировать сети. Этот процесс осуществляется по законам рынка, – в местах активизации рыночных игроков наблюдается увеличение интеграционных связей и повышение концентрации сетевых узлов. В платформах сети функционируют специфически – они создают сетевой эффект, который происходит в результате того, что поведение одного пользователя оказывает прямое влияние на ценность этой же услуги для другого или для других пользователей. Главными же предназначениями сети в платформах является увеличение количества транзакций.

На важность транзакций и сети А. Моазед и Н. Джонсон обращают особое внимание. Они отмечают: «чем плотнее сеть, тем больше в ней будут пересекаться локальные сети – и тем больше потенциальных связей в рамках сети будет превращаться в транзакции, потому что вероятность взаимодействия между пользователями возрастет. Транзакции, а вовсе не потенциальные связи определяют реальную ценность платформ. Поэтому маленькие, но плотные сети с высокой активностью обычно представляют большую ценность и более полезны для участников, чем сети более крупные и распределенные, но обеспечивающие меньшее количество транзакций» [19, с. 192].

О важности сети для компании говорится в работе Н. Смородинской и Д. Катукова. По их мнению, «экономическая власть переходит от жестких иерархичных структур к участникам гибких горизонтальных сетей, способных быстро перестраивать конфигурацию связей под новые проекты и совместное создание очередных инновационных продуктов. На уровне компаний новыми лидерами становятся фирмы с минимальной иерархией и максимальной организационной мобильностью, позволяющей использовать выгоды динамичной сетевой среды» [20, с. 85].

## **Потенциальные возможности платформ по трансферу технологий**

Вопросы возникновения платформ и их роли в экономических процессах так подробно были рассмотрены для того, чтобы определить возможность их использования в качестве инструмента по трансферу технологий, для снятия тех преград, которые стоят и мешают установлению эффективной связи и сотрудничества между производителями инновационных продуктов и научных разработок и потребителями – хозяйствующими субъектами.

В стране и регионах существовали и сейчас существуют различные организационные формы поддержки инновационной деятельности и трансфера технологий. К таким формам можно отнести зоны развития новых технологий, инновационно-технологические центры, научно-технологические парки, центры коммерциализации технологий, технополисы и бизнес-инкубаторы. Нельзя сказать, что эти формы не работают. Конечно, польза от них есть (особенно была в начале их создания), но задачи, которые они призваны решать, пока решаются не эффективно, и нет уверенности, что с их помощью они будут реализованы.

На основании проведенного исследования можно утверждать, что проблемы коммерциализации и внедрения научных разработок в практическую деятельность, можно решать с помощью создания научно-практических платформ. Подобную платформу можно было бы организовать на основе АО «Роснано», так как именно это организация призвана содействовать развитию nanoиндустрии и обладает инвестиционными фондами. Так как АО «Роснано» является государственной организацией, то можно расширить его полномочия, вменив в его функциональные обязанности создание платформ.

АО «Роснано» может выступить в роли организатора–оператора–регулятора, который сможет под одной крышей собрать создателей новых знаний и акторов экономики, сформировать широкие группы экономических агентов, которые интерактивно будут взаимодействуют друг с другом в различных функциональных комбинациях – как в двустороннем формате, так и в многостороннем.

Для выполнения тех функции, которые будут предписаны АО «Роснано» по созданию платформы, оно располагает всеми необходимыми ресурсами, в том числе организационными, финансовыми, институциональными, технологическими и кадровыми.

Схема или модель функционирования АО «Роснано» в режиме или в формате платформы представляется следующим образом.

Во-первых, оно должно выступить в качестве основателя платформы. Участниками платформы должны стать научно-исследовательские институты (НИИ), вузы и научные учреждения различных

ведомств, расположенные в федеральных округах, которые ведут специфические научные исследования, а также хозяйствующие субъекты, которые нуждаются в новых технологиях и научных разработках.

В научно-исследовательских учреждениях округов ведутся научные работы, которые адаптированы к местным условиям, и у них имеются разработки, которые могли бы быть внедрены в местное производство. В то же время на платформе могут проводиться научные исследования, которые не под силу одному институту. В таком случае могут быть созданы сообщества НИИ, которые доведут исследования до конца с получением научных результатов высокого уровня.

Во-вторых, на платформе будут сосредоточены результаты научных исследований всех научных учреждений. Здесь же будут находиться и хозяйствующие субъекты. Если хозяйствующий субъект или другой участник платформы обнаружил инновации, которые могут повысить эффективность и конкурентоспособность его производства, то он делает заявку на эту разработку АО «Роснано», которое закупает эту разработку у НИИ и организывает внедрение за счет своих инвестиций. В процессе использования инноваций субъект возмещает затраты АО «Роснано».

Как рыночный игрок АО «Роснано» тоже должен получить определенную компенсацию или прибыль, так как оно будет нести в основном транзакционные издержки (инвестиции – отдельный вопрос), то в данном случае можно было бы установить 1–1,5% от сделок.

Таким образом, на АО «Роснано» возлагается выполнение двух важнейших функций: во-первых, организатора – регулятора платформы, которая будет обеспечивать доступ к ценностям (инновациям), устанавливать взаимосвязи, через которые осуществляется обмен, способствовать потреблению ценности (помогая инвестициями), содействовать компенсации затрат производителя и потребителя. Во-вторых, – инвестора. Роль, которая отводится ему, состоит в том, чтобы в качестве государственного представителя участвовать в организации внедрения инновации, которая будет приносить эффект не только хозяйствующему субъекту, но и стране в целом.

Всю работу платформы нужно организовать с использованием цифровых технологий, например, больших данных – для сбора и анализа данных по полученным НИИ и другими участниками инновациям; искусственного интеллекта – для поиска нужной информации (инновации) для конкретного участника (хозяйствующего субъекта); интернет вещей – для придания вещам и продуктам дополнительных свойств и качеств; аддитивных технологий – для производства кастомизированных продуктов и товаров и т. д. Использование подобных технологий позволит автоматизировать процесс участия во взаимодействиях, снизить транзакционные издержки и повысить уровень технологий процессов, осуществляемых на платформе.

Создание подобной платформы и организация его функционирования будет способствовать переводу экономики регионов на новый технологический уклад. При этом будет решаться такая важнейшая задача, как реиндустриализация, которую возможно реализовать за счет роста доли наукоемкого производства и повышения доли реального сектора экономики в ВРП и в ВВП.

\* \* \*

В новых условиях, связанных с пандемией и экономическим кризисом, всем участникам экономической деятельности придется выработать новую стратегию своей работы, а многим из них придется все начать с нуля. По нашему мнению, необходимо сосредоточить свое внимание на вопросах, связанных с внедрением в производственный процесс новых технологий.

Как показывает проведенное исследование, состояние инновационной деятельности в СКФО остается на низком уровне. Основной причиной является слабое использование научных разработок, инноваций, цифровых технологий, ИКТ. В решении этих вопросов важную роль смогут сыграть платформы. Необходимо использовать огромный потенциал, который в них заложен.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Шелудкова И. Рост безработицы из-за пандемии. [ru.euronews.com/2020/05/06/pandemic-will-lead-to-serious-job-losses-in-eu-and-usa](http://ru.euronews.com/2020/05/06/pandemic-will-lead-to-serious-job-losses-in-eu-and-usa).
2. Гасанов Г.А., Гасанов Т.А., Фейзуллаев Ф.С. Проблемы инновационных технологий в процессе становления цифровой экономики региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2018. № 2. С. 28–35.
3. Сорокин Д.Е. Цифровая экономика: благо или угроза национальной безопасности России? // Экономическое возрождение России. 2018. № 2(56). С. 36–40.
4. Анчишкин А.И. Наука, техника, экономика. 2-е изд. М.: Экономика, 1989.
5. Авдулов А.Н. Современный этап интеграции науки и производства // Социологические исследования. 1995. № 7. С. 17–26.
6. Инновационная экономика / Под ред. А.А. Дынкина и Н.И. Ивановой. ИМЭМО РАН. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Наука, 2004.
7. Взаимодействие науки и производства: социологический анализ. В 2-х ч. Ч. 1 / Г.В. Осипов, М.Н. Стриханов, Ф.Э. Шереги. М.: ЦСП и М, 2014.
8. Ракитов А.И. Наука, образование и супер индустриальное общество: реалистический проект России // Вопросы философии. 2009. № 10. С. 60–69.
9. Комков Н.И. Бондарева Н.Н. Проблемы коммерциализации научных исследований и направления их решения // Проблемы прогнозирования. 2007. № 1. С. 4–28.
10. Капур Т., Клюттер Т. Организационная подготовка к внедрению новых технологий // В кн. Цифровизация: Практические рекомендации по переводу бизнеса на цифровые технологии / Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2019.
11. Коуз Р. Природа фирмы // Теория фирмы / Под ред. В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 11–32.

12. Хендерсон Б. Рассмотрение кривой опыта: почему это работает? [www.mann-ivanov-ferber.ru/assets/files/bookparts/004/%D1.pdf](http://www.mann-ivanov-ferber.ru/assets/files/bookparts/004/%D1.pdf).
13. Портер М. Конкурентное преимущество. Как достичь высокого уровня результата и обеспечить его устойчивость. М.: Альпина Пабlishер, 2016.
14. Плотников В.А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4(112). С. 16–24.
15. Доклад о цифровой экономике 2019. Создание стоимости и получение выгод: последствия для развивающихся стран. Организация Объединенных Наций, 2019 г. [unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019\\_overview\\_ru.pdf](http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/der2019_overview_ru.pdf).
16. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н., Бабкин А.В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 6. С. 22–36.
17. Зеневиц, А.М., Пунчик З.В. Цифровая платформа как элемент цифровой экономики // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Вып. 12. М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. экон. ун-т. Минск: БГЭУ, 2019. С. 187–193.
18. Шабанов А.П. Инновационное управление цифровыми платформами в экономике знаний // Системы управления, связи и безопасности. 2018. № 3. С. 106–135. [sccs.intelgr.com/archive/2018-03/06-Shabanov.pdf](http://sccs.intelgr.com/archive/2018-03/06-Shabanov.pdf) Reference for citation.
19. Моazed А., Джонсон Н. Платформа: Практическое применение революционной бизнес-модели / Пер с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2019.
20. Смородинская Н.В., Катухов Д.Д. Ключевые черты и последствия индустриальной революции 4.0 // Инновации. 2017. № 10 (228). С. 81–90.

#### ABOUT OF AUTHOR

**Batov Gumar Khasanovich** – Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Scientific Associate of the Department of Knowledge Economy and Advanced Regional Development of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Informatics and Problems of Regional Management of the Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (the RAS) Nalchik, Russia  
[gumarbatov@mail.ru](mailto:gumarbatov@mail.ru)

#### DIGITAL PLATFORM AS A TECHNOLOGY TRANSFER TOOL INTO MACROREGION ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF THE NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT)

The article discusses the features of using new technologies in the macroregion, as well as the innovative activity of economic entities and its relationship with information and communication and digital technologies. It is noted that these processes develop independently, many innovative and breakthrough technologies remain unclaimed. The main reason is the lack of an effective mechanism for interaction between producers of new knowledge and their consumers. These problems are quite acute in the lagging regions, which include the North Caucasus Federal district (NCFD). A possible solution for such districts (regions) is to use a digital platform that can act as an organizer for technology transfer.

**Keywords:** *region, innovation, technology, ICT – Information and Communication Technologies, implementation, tool, transfer, platform, North Caucasian Federal District (NCFD), JSC (Joint Stock Company) RUSNANO.*

**JEL:** O12, O32, R10, L86.

О.М. ГРИБАНОВА

научный сотрудник ФГБУН Институт экономики РАН

## ИНСТИТУТ КАЗНЫ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВА В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

В статье рассмотрена государственная казна в контексте анализа изменения роли государства в современных условиях, усиления социальных функций без ущерба для экономики. В данном аспекте имущественная казна рассматривается как часть национального богатства страны.

Показано как цифровые технологии, в частности блокчейн-платформы, способны стать основой современных механизмов государственного управления казной. Они открывают новые возможности регулирования и контроля за движением имущества казны

**Ключевые слова:** государственная казна, социальное государство, состав государственной и муниципальной казны, цифровые технологии, управление государственной казной.

JEL: H82, H89.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10046

### Введение

Имущественная казна – это сложный и многоаспектный объект управления. Ее регулирование государством на сегодняшний день осуществляется региональным законодательством, Государственной программой Российской Федерации «Управление федеральным имуществом» (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.04. 2014 № 327), принятой в развитие Концепции управления государственным имуществом (одобрена Постановлением Правительства РФ от 9 сентября 1999 г. № 1024). Однако данные нормативные документы так и не сумели решить целый ряд серьезных проблем, в числе которых порядок отчуждения и передачи государственного имущества и создание условий для эффективного управления им и повышение открытости его использования.

Осенью 2019 г. впервые за постперестроечный период, на обсуждение был вынесен законопроект «О государственном и муниципаль-

ном имуществе в РФ»<sup>1</sup>. В нем на уровне законодательства государственное и муниципальное имущество предложено делить на распределенное и нераспределенное, и нераспределенное имущество считать казенным. Там же определен состав казенного имущества. Так, в статье 8 законопроекта указано:

«...3. Имущество, не закрепленное за федеральными государственными унитарными предприятиями и федеральными государственными учреждениями, составляет нераспределенное имущество, принадлежащее Российской Федерации (государственная казна Российской Федерации).

4. Осуществление права собственности Российской Федерацией на нераспределенное федеральное имущество регулируется федеральным законодательством с учетом особенностей, установленных настоящим федеральным законом.

5. Нераспределенное (казенное) имущество, принадлежащее Российской Федерации, включает:

- 1) средства федерального бюджета;
- 2) имущество, признанное бесхозным, в порядке, предусмотренном федеральным законом, и на которое приобретено право собственности Российской Федерации;
- 3) имущество, обращенное по решению суда в доход Российской Федерации, по основаниям, предусмотренным федеральным законом;
- 4) изъятое как излишнее, неиспользуемое либо используемое не по назначению имущество, закрепленное за учреждением или казенным предприятием на праве оперативного управления, на которое приобретено право собственности Российской Федерации;
- 5) имущество, на которое прекращено право хозяйственного ведения унитарного предприятия по основаниям и в порядке, предусмотренном федеральным законом, и приобретено право собственности Российской Федерации;
- 6) выморочное имущество, которое поступило в собственность Российской Федерации по основаниям и в порядке, предусмотренном федеральным законом;
- 7) иное имущество, отнесенное к объектам государственной казны Российской Федерации по основаниям и в порядке, предусмотренном федеральным законом...».

Аналогично в других статьях законопроекта говорится о нераспределенном имуществе субъектов Российской Федерации (казна субъек-

<sup>1</sup> [regulation.gov.ru/projects#search=%D0%BE&npa=95159](http://regulation.gov.ru/projects#search=%D0%BE&npa=95159).

тов РФ) и о муниципальном нераспределенном имуществе (муниципальная казна).

При рассмотрении законопроекта складывается двойственное отношение по поводу его данного варианта: сам по себе законопроект очень необходим и закладывает правильные правовые рамки для функционирования казенного имущества, с другой – процедуры поступления в казну, учета, передачи казенного имущества в пользование не отработаны. Также не предусмотрены прозрачные механизмы функционирования данного института. Учитывая значимость казны, как основы независимости и суверенитета государства, прежде всего необходимо отметить непрозрачность инструментов управления казной, потенциально влекущих за собой риск неучтенности, а также нецелевого использования активов казны, размывание ответственности за сохранность государственного имущества и за эффективность его использования, исходя из государственных интересов. Решение этих проблем требует пересмотра принципов и приоритетов в области государственной политики и государственного управления. «Необходима новая парадигма в госуправлении, которая бы включала следующие основные составляющие. 1) Многоуровневая система институтов (макро-, мезо-, микроинституты), которая бы целенаправленно формировала новую среду для эффективного государственного управления имуществом. 2) Развитие как приватизационных процессов (отказ от части государственного имущества), так и развитие корпоративных отношений в государственном секторе. 3) Разработка нового целеполагания в госуправлении: необходим новый подход к целям, которые ставит государство при использовании своего имущества, и как следствие, – новый подход к оценке эффективности в управлении предприятиями с государственным участием» [3, с.38].

Сложность современной ситуации, обусловленной кризисами 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг., а затем и пандемией коронавируса, падением цен на энергоносители, снижением курса рубля, еще больше усложнило задачи по повышению качества государственного управления экономическими процессами. В нынешних условиях изменились *роль и значимость различных факторов, обеспечивающих стабильное развитие национальной социально-экономической системы* в глобализированном мире, прежде всего политических, социальных и временных. Это требует поиска новых механизмов управления государственной собственностью, активами казны на всех уровнях (федеральном, региональном, муниципальном). Новые возможности для этого открылись в связи с появлением цифровых технологий, позволяющих решить целый ряд проблем в сфере управления имуществом казны, сделать этот процесс более прозрачным и подконтрольным.

## Меняющаяся роль государства в современных реалиях: усиление социального аспекта

В мае 2017 г. состоялась 9-я Европейская конференция по качеству – главный форум Европы в области качества государственного управления. На конференции были определены приоритеты реформирования публичного сектора, поставлены задачи по объединению усилий и преодолению барьеров для повышения эффективности государственного управления. В качестве одного из пунктов по осуществлению курса на поиск резервов повышения эффективности и раскрытия внутреннего потенциала государственных органов были обозначены «открытость и прозрачность правительства как надежная основа государственного управления» [1, с. 57].

Геополитическая и экономическая ситуация, сложившаяся в настоящее время во всем мире, потребует от правительств многих стран пересмотра приоритетов *в области государственной политики и государственного управления социально-экономическим развитием в изменившихся условиях.*

Ситуация в России в начале XXI века обусловлена, с одной стороны, большим количеством внешних факторов, в том числе глобализацией, трансформацией и финансиализацией всей мировой экономики, цифровизацией, влекущей за собой значительные риски для инвестиций и меняющейся временные границы экономических процессов, их устойчивость и динамику. С другой стороны, она обусловлена внутренними факторами, в числе которых развал реального сектора экономики в результате приватизации 90-х годов, либеральный курс российских реформ, выбранный по указке МВФ, сырьевая направленность российской экономики и ее зависимость от мировых цен на энергоносители, отставание российской экономики от экономики развитых стран по уровню технологического уклада, слабость институтов, национально-культурные особенности и др. Необходимость безотлагательного решения этих проблем вновь актуализирует вопрос о роли государства в современном мире и о его доле в экономике, необходимой и достаточной. Особенно актуальна эта проблема сейчас, в связи с намеченной приватизацией имущества казны.

«Номенклатурная приватизация» 90-х годов в России, ставившая своей главной задачей сделать необратимым слом советского политического режима, была проведена путем «обмена номенклатурной власти на собственность» [8, с. 12]. В 2009 г. коллектив авторов, в числе которых ведущие экономисты, подготовил и издал работу «Права собственности, приватизация и национализация в России», в которой рассматривались экономические и политические итоги приватизации. В книге был поставлен вопрос о том, что «имеет ли приватизация

вообще какой-то общественный смысл или она всегда только способ обогащения небольшой группы лиц, в то время как экономика в целом и широкие слои граждан всегда остаются в проигрыше?» [9, с. 10]. Так, «первой победой русской буржуазии были железнодорожные концессии, по которым акционерам доставались все будущие прибыли, на государство же возлагались все будущие убытки» [4, с. 451].

Кризис последних 10-ти лет заставляет не только обратиться к анализу происходящих во всем мире экономических и политических процессов, но и искать новую парадигму социально-экономического развития современной цивилизации. В последнее время в разных странах мира – как в развитых, так и в развивающихся – прослеживается четкая тенденция социальной направленности необходимых трансформаций в связи с ростом неравенства, падением доходов среднего класса, обнищанием значительной части населения при стремительном обогащении олигархических групп и крупных финансовых структур. «Происходит поляризация – социальная и политическая ... Как и в начале XX в., размежевание вновь идет по линии «капитализм или социализм». И относится это ко всем странам, в том числе к США...» [10, с. 8–9].

Обозначенные Президентом РФ В.В. Путиным национальные цели развития российской экономики до 2030 г., в которых четко прослеживается социальная направленность задач, предусмотренных к решению, ставит перед правительством необходимость совершенствования институтов и механизмов государственного регулирования в государственном секторе экономики, прежде всего управления казной, контроля за движением финансового и имущественного состава государственной казны – основной базы для выполнения государством своих функций. Эта проблема требует, с одной стороны, оптимизации активов государственной казны, а, с другой – определения допустимых границ минимизации ее активов. Именно сложность, нестабильность (и даже непредсказуемость ситуации в связи со стремительным развитием новых информационно-коммуникационных технологий) требует перехода на качественно иной уровень управления государственной собственностью, в том числе и управления казной, что должно стать одной из приоритетных задач властных структур государственного, регионального и местного уровней власти по обеспечению развития российской экономики и повышения благосостояния всего населения России.

Не менее серьезной проблемой на пути решения поставленных задач является проблема финансиализации как новой экономической реальности глобализирующейся и все более взаимозависимой мировой экономики, которая, при существующем режиме ограниченного доступа к ресурсам и информации, используется для перераспределения финансовых потоков от беднеющего населения к небольшой

группе сверхбогатых [2, с. 72]. В складывающихся условиях сохранение казны приобретает особое значение для обеспечения не только нормального существования сегодняшнего населения России и воспроизводства человеческого капитала, но и для обеспечения нормальной жизни будущим поколениям.

## Цифровые технологии в управлении казной

Состав казны многообразен. Согласно Гражданскому кодексу Российской Федерации, в состав государственной и муниципальной казны включается только нераспределенное имущество и соответствующие бюджеты, не являющиеся имуществом. Так, активами казны являются не принадлежащие никакому юридическому или частному лицу земельные участки, водные ресурсы, растительный и животный мир, ресурсы континентального шельфа, участки лесного фонда, разведанные и неразведанные запасы полезных ископаемых, объекты культурных ценностей, музейные и архивные фонды, объекты федеральных информационных ресурсов, ценные бумаги, валютные ценности и т. д. Такой сложный состав активов казны, которые при этом регулируются специальными законодательными актами (например, земельным, водным, лесным кодексами и т. д.), затрудняет управление имуществом казны, а инструменты управления делает непрозрачными, потенциально влекущими за собой риски.

Казна является частью национального богатства России и основой ее экономической независимости и безопасности. При всей сложности учета всех природных богатств нашей страны требуется их сохранение и разумное использование, направленное на обеспечение модернизации российской экономики, на развитие науки и культуры, а также на повышение уровня благосостояния всего нашего народа [2, с. 72]. Между тем, на наш взгляд, в современной законодательной и теоретической трактовке казны заложено формальное сужение ее роли и места в функционировании государственной собственности [2, с. 67].

Доходы от использования государственного имущества и финансовые ресурсы идут на покрытие всех закрепленных за государством функций, как в ближайшей, так и в отдаленной перспективе. В связи с этим намеченное сокращение имущества государственной казны Российской Федерации (в 2020 г. по сравнению с 2012 г. в 4,4 раза) актуализирует вопросы о сохранении активов казны, в том числе наших природных ресурсов, полезных ископаемых, земель, лесов, необходимых для обеспечения суверенитета нашей страны в контексте долгосрочной стратегии развития России.

Соотношение долей государственного и частного секторов в условиях социального порядка ограниченного доступа к ограниченным

ресурсам неизбежно влечет за собой столкновение интересов. При этом сила государства во многом зависит от того, как выстроены его отношения с обществом [5, р. 40]. «При переходе от примитивного социального порядка к порядку ограниченного доступа формируется и государство, которое проходит три фазы развития – хрупкое, базисное и зрелое. В обществах со зрелым государством есть возможность формировать пороговые условия для перехода к порядку открытого доступа с соответствующими характеристиками государства» [6, с. 151]. Согласно теории Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, «в число пороговых условий входят: верховенство права для элит; бессрочность существования организации, в том числе государства; консолидированный политический контроль над вооруженными силами» [7, с. 76].

Чрезвычайно важно, чтобы при «выработке принципов управления казной должен найти отражение баланс различных интересов и должны быть предусмотрены механизмы учета общественных интересов, которые не могут быть принесены в жертву экономической выгоде» [11].

В этих условиях использование активов казны требует разработки новых механизмов учета как финансовой, так и материальной составляющей казны, а также контроля за их движением. В новом законе о казне должен быть отражен принцип управления казной как единым целым. При этом в целях более эффективного управления казной «особое внимание следует обратить на невозможность органов исполнительной власти контролировать самих себя» [11].

*В этой связи представляется очень перспективным использование новых технологий блокчейн. Данные технологии можно будет использовать для защиты реестров собственности и финансовых активов, систем архивирования данных, подлежащих аудиторскому контролю. Возможности новых цифровых технологий могут позволить реализовывать новые механизмы, используемые при принятии управленческих решений и реализации новых институтов развития в современном мире. С помощью технологий блокчейн возможно создать госреестры любого рода.*

6 марта 2017 г. Президент Российской Федерации поручил Минкомсвязи РФ, Минэкономразвития России, Внешэкономбанку совместно с заинтересованными ФОИВ при подготовке проекта «Цифровая экономика» рассмотреть возможность применения технологий блокчейн в системе государственного управления и в экономике РФ. А 28 сентября 2017 г. в Государственной Думе был создан Экспертный совет по цифровой экономике и блокчейн-технологиям.

Одной из задач использования технологий блокчейн является повышение эффективности различных бизнес-процессов. В целом широкое применение технологий блокчейн в России значительно тор-

мозится отсутствием профессионально подготовленных специалистов в области цифровой экономики. Кроме того, до сих пор не создано правовое поле в сфере цифровой экономики. (По информации от 17.12. 2018, в России будет создана Комиссия по правовому обеспечению цифровой экономики). Тем не менее во многих отраслях экономики и ФОИВах проведена и в настоящее время проводится большая работа по внедрению в практику новых цифровых технологий.

В Указе Президента РФ В.В. Путина от 21 июля 2020 г. О национальных целях развития нашей страны на период до 2030 г. обозначена необходимость достижения «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе государственного управления. Для реализации поставленных задач в 2020 г. намечено увеличение вложений в сферу цифровых технологий в 4 раза по сравнению с 2019 г.

Необходимость решения проблемы цифровой трансформации государственного управления назрела давно. В 2016 г. состоялось обсуждение идеи «Государство-как-Платформа» [13]. «Идея «Государство-как-Платформа» – это принципиально новое качество государственного управления. Оно обеспечит переход от существующих нерелевантных подходов к планированию и контролю исполнения планов... Существующая система управления заинтересована в консервации своего текущего состояния на максимально долгий срок» [13, с. 10]. «Новое качество государственного управления можно достигнуть только при переходе на новые модели управления процессами и данными» [13, с. 18]. В результате цифровой трансформации системы государственного управления появится новая ключевая возможность – «высокая скорость внесения изменений в процессы управления» [13, с. 20]. «Высокотехнологичная цифровая платформа государственного управления минимизирует человеческий фактор, сопутствующие ему коррупцию и ошибки» [Там же]. Кроме того, появится возможность устранить разрозненные базы данных различных ведомств.

Блокчейн-платформа позволит обеспечить автоматизацию взаимодействий не только между различными ведомствами и компаниями, но и с Росреестром<sup>2</sup>. Это открывает новые возможности регулирования и контроля за движением имущества казны. В настоящее время Росреестр и Минэкономразвития России начали тестирование возможности использования технологий блокчейн в области контроля охраняемых природных территорий и лесопользования.

Использование блокчейн-платформ может значительно повысить качество управления государственным имуществом, в том числе

<sup>2</sup> [Tadviser.ru/indx.php./Статья «Дорожная карта развития технологий распределенного реестра \(блокчейн\)»](http://Tadviser.ru/indx.php./Статья%20«Дорожная%20карта%20развития%20технологий%20распределенного%20реестра%20(блокчейн)»).

и уровень контроля за его использованием. При приватизации государственного имущества должна создаваться блокчейн-платформа с четким алгоритмом. Должны бы прописаны все условия и обязательства при приватизации того или иного объекта. Блокчейн-платформа может позволить, при хорошо подготовленном и проработанном контракте, контролировать ход его выполнения, а при невыполнении какого-либо условия блокчейн-платформа позволит расторгнуть контракт.

Блокчейн-платформа может снизить риски при реализации проектов, значительно снизить транзакционные издержки при их осуществлении, что должно явиться одним из главных моментов при приватизации государственного имущества.

Очень важным моментом при приватизации имущества казны должно стать экономическое обоснование каждой конкретной программы, а также целевые установки использования приватизированного имущества. В  $\frac{3}{4}$  случаях приватизированный объект перестраивается под очередную торговый центр, что позволяет быстро получить доходы и возместить затраты, а проблемы реального сектора экономики остаются нерешенными, как и социальные или инфраструктурные проблемы, не говоря о проблемах здравоохранения или образования.

«В XXI веке у нас, с одной стороны, восстановлены архаика исполнительной вертикали и вытекающая из нее практика ручного управления, а с другой – сформирована установка бюрократии на повышение эффективности всего и вся через достижение количественных показателей. Все это привело к целому ряду печальных результатов. Политический монополизм легко сочетается с экономическим. Закрепляется единство власти и собственности на всех уровнях. Системный характер приобретает коррупция» [12, с. 3].

Блокчейн-платформа, создаваемая при осуществлении того или иного проекта, при должном отборе заинтересованных профессиональных его участников, может позволить снизить уровень коррупции. Однако риск сговора остается. В этом случае коррупционная составляющая может даже увеличиваться. Здесь особую роль должно сыграть гражданское общество, открытость информации, распределенная база данных, снижающая возможность сговора.

В условиях возрастания рисков, связанных с развитием цифровых технологий, неизбежно должна возрасти роль государства. Именно последствия технологических вызовов и нарастания неопределенности явились причиной появления тренда «на усиление этатизма и кризис классического либерализма (или неоклассического, если говорить об экономических школах). Этот процесс начался уже 10 лет назад как реакция на глобальный структурный кризис 2008–2009 гг.» [10, с. 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслов Д.В., Дмитриев М.Э., Айвазян З.С. Отдельные аспекты трансформации государственного управления: процессы и качество / Аналитический обзор / Под ред. М.О. Комина. М.: РАНХиГС, 2018.
2. Грибанова О.М. Роль казны в составе государственной собственности // МБА. 2018. №3. С. 67–74.
3. Козлова С.В. Управление государственным и муниципальным имуществом: сможет ли новый закон преодолеть институциональные ловушки? // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. №5. С. 24–42.
4. Энгельс Ф. Послесловие к работе «О социальном вопросе в России» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 22. М.: Политиздат, 1962.
5. Acemoglu D., Robinson J. The narrow corridor: states, societies and the fate of liberty. New York: Penguin Press, 2019.
6. Шаститко А.Е. Между Сциллой деспотизма и Харибдой социальных норм // Вопросы экономики. 2020. № 1. С. 145–156.
7. Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
8. Гайдар Е.Т. Государство и эволюция. В 2-х томах. Т. 1. М.: Евразия, 1997.
9. Права собственности, приватизация и национализация в России / Под ред. В. Тамбовцева. М.: НЛО, 2009.
10. Мау В.А. Экономика и политика 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27.
11. Юшина Т.В., Кудинова Е.В., Козлова С.В. Управление государственным имуществом посредством казны // Финансы. 2007. № 6. С. 7–11.
12. Гринберг Р. Спор «вчераших» с «позавчерашими»: Какой будет новая модель развития России? // МК, 22 июля 2020.
13. Петров М., Бузов В., Шклярчук М., Шаров А. Государство как платформа: (Кибер) государство для цифровой экономики. Цифровая трансформация. М.: ЦСР, 2018.

ABOUT OF AUTHOR

**Gribanova Olga Mikhailovna** – Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
erast707@gmail.com

TREASURY INSTITUTE AND THE ROLE OF THE STATE  
IN THE NEW GEOPOLITICAL AND ECONOMIC REALITIES

The article considers the state treasury under current changing the role of the state and strengthening social functions without compromising the economy. In this aspect, the treasury property is considered as part of the national wealth of the country. It is shown how digital technologies (blockchain platforms in particular) can become a basis of modern mechanisms of state treasury management. They open up new opportunities to regulate and control movement of treasury property.

**Keywords:** *state treasury, social state, composition of state and municipal treasury, digital technologies, state treasury management.*

**JEL:** H82, H89.

---

---

## ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

---

---

**А.В. КОВАЛЁВ**

кандидат экономических наук, доцент; доцент кафедры менеджмента  
Белорусского национального технического университета

### К ВОПРОСУ О ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕНЕГ К. МЕНГЕРА

В статье рассматривается теория происхождения денег К. Менгера в сравнении с другими существующими альтернативными теориями. Продемонстрировано, что эволюционный подход к генезису денег, сформулированный К. Менгером в «Основаниях политической экономии» и развитый в его дальнейших работах, не исключает воздействия на развитие денежной системы государственно-правовых факторов при исключении какой-либо роли государства в возникновении денег. Исследуется, как теория способности товаров к сбыту коррелирует с функцией денег как средства накопления. Рассмотрены параллели и отличия теории происхождения денег в сравнении с теориями происхождения денег К. Маркса и Г. Кнаппа.

**Ключевые слова:** К. Менгер, происхождение денег, способность к сбыту, функции денег, бартер, чекан.

**JEL:** B13, E40, N10.

**DOI:** 10.24411/2073-6487-2020-10047

### Введение

Всплеск интереса к денежной теории в последнее десятилетие был обусловлен двумя группами причин: во-первых, мировой финансовый кризис привел к переоценке эффективности монетарной политики и поискам новых инструментов регулирования; во-вторых, появление криптовалют знаменовало очередной виток поиска рынком устойчивых денег. Оба этих фактора требуют от монетарных регуляторов выработки соответствующей современной модели управления всеми формами денег, которая должна опираться на понимание сущности данного феномена, а это, в свою очередь, невозможно без глубокого рассмотрения происхождения и эволюции денег и природы их ценности.

В этих условиях представляется актуальным обратиться к теории происхождения денег одного из основоположников эволюционного подхода к пониманию данного процесса – К. Менгера, предвосхитившего в своих трудах многие дискуссионные вопросы современности. Свои взгляды по данному вопросу родоначальник австрийской школы изложил сначала в «Основаниях политической экономии» [1], после чего развивал их в «Исследованиях о методах...» [2], в статье «О происхождении денег» [3], а также в статье «Деньги», написанной в 1892 г. для Словаря наук о государстве и дважды корректировавшейся для изданий 1900 и 1909 гг. [4]. Кроме того, Менгер принимал участие в подготовке денежной реформы 1892 г. в Австро-Венгрии [5].

К сожалению, взгляд на наследие Менгера в вопросах денежной теории в литературе по истории экономической мысли страдает рядом недостатков: обычно его теория денег воспринимается узко, исключительно как теория происхождения денег, без учета проблематики их ценности. К тому же его теория практически всегда воспринимается однобоко – исключается какая бы то ни была роль государства в процессе эволюции денежной системы. Наконец, требуют критического осмысления появившиеся в последние десятилетия новые оценки денежной теории К. Менгера [6], в том числе в сравнении с альтернативными теориями происхождения денег [7; 8; 9; 10].

### **Процесс возникновения денег по К. Менгеру**

Теория денег в «Основаниях...» Менгера вписана в общую теорию благ. Выдвижение одного из них на роль денег представляет собой спонтанный эволюционный процесс, обусловленный экономическим интересом хозяйствующих субъектов безо всякого общественного договора или законодательного принуждения: «деньги не установлены государством, они – не продукт законодательного акта, и санкционирование их государственной властью вообще чуждо ... понятию денег» [1, с. 263].

По мере развития разделения труда и товарного производства участники прямого товарообмена сталкивались с неизбежной проблемой поиска контрагента. Менгер указывает на два аспекта данной проблемы: во-первых, необходимо, чтобы возникло условие для обмена, когда для каждой из его сторон ценность имеющегося блага ниже ценности иного блага, имеющегося у контрагента, и, во-вторых, необходим достаточно высокий уровень развития рыночной инфраструктуры, чтобы эти два человека встретились [1, с. 257–258]. Однако в ситуации сложности прямого товарообмена хозяйствующие субъекты поступают нерационально, если пренебрегут возможностью продвинуться к конечной цели, обменяв свой товар на иной, обла-

дающий большей способностью к сбыту: «теории денег с необходимостью предшествует (курсив мой. – А.К.) теория способности товаров к сбыту» [3, с. 21].

Среди факторов, влияющих на способность товаров к сбыту, Менгер выделяет следующие: круг лиц, заинтересованных в образовании цен по этому товару; пространство сбыта (рынки, базары); транспортабельность товаров и развитие средств их доставки; регулярность функционирования рынков во времени; возможность существования по отношению к товару спекуляции, поглощения излишков. В «Происхождении денег» данные факторы уточняются: число людей, предъявляющих спрос, и устойчивость потребности; покупательная сила этих людей; количество товаров, соответствующих неудовлетворенному спросу; делимость товара и возможность приспособления к потребностям отдельных людей; уровень развития рынков и спекуляции в частности; количество и природа ограничений, налагаемых на обмен и потребление товаров политическими и социальными факторами [3, с. 29].

Постулирование в качестве одного из факторов способности товара к сбыту спекуляции, т. е. поглощения избытков товара сегодня и реализации их завтра, косвенно указывает на важность возможности накопления данного товара (следует подчеркнуть – без потери ценности!), т. е. термин «спекуляция» у Менгера созвучен возможности расширения спроса на данный товар: «Нелегко переходят также из рук в руки блага, цена которых мало известна или подвержена сильным колебаниям» [1, с. 256].

Д.Ш. Гогохия выдвигает теорию, что именно функция средства накопления является ключевой для денег: «по происхождению и назначению своему деньги – средство накопления» [7, с. 79], «...пытаясь разъяснить, почему собственно товары различаются способностью к сбыту, и, рассматривая в этой связи эволюцию товарных форм денег, К. Менгер выделяет черты, благодаря которым товары ценятся людьми как средством накопления» [7, с. 81], и чертами этими являются ликвидность и низкие издержки хранения. Абсолютно солидаризируясь с автором в отношении того, что способность служить средством накопления является по Менгеру важным условием для выдвижения товара на роль денег, выскажем мнение, что это тем не менее не делает данную функцию ключевой – таковой остается функция средства обращения. Тезаврация какого-либо товара служит в менгеровской концепции не накоплению как таковому (например, по причине изначального, естественного стремления людей сохранять и накапливать плоды своей деятельности [8]), а нацелено на будущий обмен, потому выполняет не функцию средства накопления, а даже в такой форме является именно средством обращения, поскольку позволяет хозяйствующему человеку в каждый момент времени распоряжаться ликвидным активом,

т. е. служит задаче продвижения к цели – приобретению желаемого к потреблению блага. Подчеркивается такой подход тем, что только товар, обладавший наибольшей способностью к сбыту «*в руках какого бы хозяйствующего субъекта он ни находился*» [1, с. 257], становится деньгами. Вряд ли можно представить себе ситуацию, что все люди выберут в качестве средства накопления какой-то единственный товар, если только этот товар не обеспечит им возможность сократить транзакционные издержки приобретения товара желаемого.

Еще одним важным аспектом отбора денежного товара выступает то, что Менгер называет «привычкой». Естественно, не все сразу приходят к пониманию выгоды обладания товаром с наибольшей способностью к сбыту. Однако люди, которые получили преимущество обладания таким товаром, вырабатывают навык подобного обмена; а по мере осознания другими людьми этого преимущества (осознания, абсолютно независимого от *общего* признания какого-то товара деньгами!) практика косвенного обмена расширяется – и, в конце концов, один из товаров выдвигается на роль всеобщего средства обмена. Распространение разделенного знания ведет к формированию социального института в строгом соответствии с менгеровской идеей, которую обычно трактуют лишь относительно к технологическому знанию: «Прогресс в познании причинной связи предметов с благосостоянием людей и возрастающее подчинение наиболее отдаленных условий этого благосостояния привели людей от состояния дикости и глубочайшей бедности к современной ступени их культуры и благосостояния» [1, с. 86].

А. Фестре в исследовании роли знания в процессе возникновения социальных институтов в отборе денег выделяет 4 механизма: асимметрия знания между «лидерами» и «последователями»; обучение подражанием; самоорганизацию отбора, не требующую правового вмешательства; сетевой эффект, когда распространение использования денег увеличивает ценность их использования, что позволяет охарактеризовать данный процесс как «самодостаточный процесс обучения» [9].

Менгер не был первым теоретиком – сторонником эволюционного подхода к объяснению происхождения денег: сам он в обзоре теорий упоминает ряд авторов, делавших попытку объяснить возникновение денег не общественным соглашением, а с «генетических» позиций: Ло, Дженовези, Тюрго, Смит, Мальтус, МакКуллох, Дж.Ст. Милль и др. [1, с. 264]. Среди немецких экономистов Менгер не обнаруживает сторонников эволюционного подхода, что косвенно указывает на то, что на момент написания «Оснований...» он не был знаком с произведениями К. Маркса, по мнению А.Н. Дубянского, «положившим начало эволюционной теории» денег в рамках своей концепции эволюции форм стоимости [10, с. 153]. Подходы Менгера и Маркса действительно

сходны: в обеих теориях товар-деньги возникает из бартера в процессе эволюции: «Золото ... подобно всем другим товарам ... функционировало ... и как единичный эквивалент в единичных актах обмена и как особенный эквивалент наряду с другими эквивалентами. *Мало-помалу* (курсив мой. – А.К.) оно стало функционировать, в более или менее широких кругах, как всеобщий эквивалент» [11, с. 80]. Тем не менее два аспекта делают теории отличными – выдвигание в качестве основополагающей функции денег средства обращения и меры ценности соответственно и менгеровский анализ с позиций методологического индивидуализма в противовес холистическому подходу Маркса.

В отличие от менгеровского товара с наибольшей способностью к сбыту место денег у Маркса занимает товар – всеобщий эквивалент – золото. Маркс точно описывает свойства золота, позволяющие ему наилучшим образом выполнять функции денег (однородность, делимость); верно указывает на то, что форма денег срastaется с наиболее *важными* товарами либо получаемыми данным рынком извне, либо предметами потребления, которые составляют главный элемент местного отчуждаемого имущества; но не анализирует логику процесса выдвигания товара на эту роль. Представляется, что объективизация Марксом процесса обмена как «всеобщего общественного», не основанного на индивидуальных предпочтениях, установления пропорций обмена товаров, не позволила ему сделать те полшага, которые объяснили бы логику выталкивания определенного товара на роль денег. Ведь именно индивидуальные предпочтения людей изначально определяют закономерности пропорций обмена, а стремление людей обладать наиболее отчуждаемым товаром обеспечило тому дополнительную ценность в глазах потребителей. При этом Маркс проходит до конца путь понимания двойственной природы ценности денежного товара: с одной стороны, ценность золота происходит от обычного предмета потребления (в его примере – как средства для пломбирования зубов) или как сырья для производства ювелирных изделий; с другой – вытекает из специфических общественных функций золота как всеобщего эквивалента [11; с. 79, 100].

Менгер же функцию меры ценности (стоимости), ключевую для Марксова понимания денег как всеобщего эквивалента, вообще опускает, поскольку для него ценность есть суждение о значимости благ, неподвластное измерению. Он говорит о деньгах как мериле цен, масштабе меновой ценности и считает, что «оценки товаров в деньгах не только ... лучше всего удовлетворяет обыкновенным целям ее, но и ... проще в смысле практического ее осуществления» [1, с. 278]. По этой же причине деньги являются предпочтительным вместилищем части имущества, с помощью которых его владелец намерен приобрести другие блага, однако «*деньгам, как таковым, не следует приписывать функ-*

ции «масштаба» или «хранителя ценностей», потому что это свойства акцидентальные, и в понятии денег они не содержатся» [1, с. 281].

На более поздних этапах развития денежной системы деньги обособляются от иной товарной массы, и на том основании, что они не служат целям потребления непосредственно, многие экономисты отрицают их товарный характер, уводя объяснение происхождения денег в иные плоскости. По мнению Менгера, подобный подход может быть опровергнут тем, что многие товары в том виде, в котором они находятся в обороте (в слитках, кипах, вязках, в запакованном виде), целям потребления тоже служить не могут, а товарный характер приобретают после высвобождения от формы, которую приняли для оборота, точно так же, как и золотые и серебряные слитки [1, с. 244].

### Государство и возникновение денег

Важнейшей особенностью менгеровской теории является невозможность изначального выбора в качестве денег некоего «знака», «свидетельства на получение благ», не обладающего собственной ценностью в потреблении (подобной трактовкой грешат сторонники хартальной теории Кнаппа), поскольку выбор товара на роль денег происходит между *хозяйственными* благами, т. е. находящимися в редкости относительно человеческих потребностей. Государственная теория происхождения денег (трактуемая широко, т. е. включая Аристотелевскую идею происхождения путем общественного установления) не способна дать ответа на целый ряд вопросов:

- во-первых, разнообразие конкретных товарных форм денег в разные эпохи и у разных народов подчеркивает естественный характер их происхождения. Оставляя к рассмотрению ниже упрек эволюционной теории в отсутствии письменных источников, в которых было бы описано бартерное хозяйство, из которого эволюционным путем возникли деньги, поставим вопрос аналогичным образом и к государственной теории: где письменные источники, фиксирующие назначением деньгами зерна, меха, скота и иных товаров?
- во-вторых, истории неизвестны примеры изобретения (как замысел) не существовавших ранее институтов. Что должно было придумать государство (собрание людей)? Речь не о выборе какого-либо товара в качестве денег – речь об изобретении денег как таковых. И вообразимо ли, что в ситуации, когда простой обмен на товар с большей способностью к сбыту обеспечит улучшение собственного состояния, человек будет ожидать, пока правитель или собравшиеся сограждане изобретут средство для рационализации обмена?

Попытка призвать в обоснование государственной теории аргумент, что только лишь «юридически признанная государством денежная единица может выполнять *весь* набор денежных функций денег» [12, с. 98] – то есть только узаконивание платежного средства позволяет ему выполнять функцию средства платежа с принудительным курсом может быть контраргументирована следующими логическими рассуждениями и историческими примерами.

В экономической истории существовали эпизоды, когда денежная система страны функционировала на основе конкуренции денежных единиц без признания какой-либо из них в качестве узаконенного платежного средства, и при этом судебная система обеспечивала деньгам функцию средства исполнения платежных обязательств в рамках обычного гражданского права. Один из таких эпизодов описан в [13]: на протяжении всей истории Великого Княжества Литовского на территории страны существовали различные денежно-весовые системы, в обращении находились монеты различных государств без каких-либо запретов. Даже в немногочисленных случаях эмиссии монет с принудительным номиналом отсутствовал запрет на параллельное хождение качественной монеты, что приводило не к тезаврированию последней в соответствии с законом Грешема, а к использованию некачественной монеты со скидкой от номинала, по реальному, а не приданному государством курсу.

Истории известны и случаи иного рода, когда не узаконенное платежное средство начинает выполнять функции и перенесения ценности во времени, и средства обращения. Примеров такого рода постсоциалистическая реальность произвела достаточно: долларизация расчета платежей по кредиту/лизингу/долгу не сопровождалась приданием американской денежной единице статуса узаконенного платежного средства, в то время как для платежей в бюджет использовалась национальная валюта. Но ведь функция денег как средства платежа шире, чем просто платежи в бюджет. Или речь должна идти о том, что юридическое признание какой-либо денежной единицы позволяет выполнять ей весь спектр функций денег только в условиях искусственной монополии и запрета иных денег?

История демонстрировала, что государство в качестве законного платежного средства утверждало *уже состоявшиеся* деньги – как правило, золото и серебро, и действительно применяло меры протекционистско-монопольного характера в отношении монет собственного чекана в целях недопущения конкуренции со стороны альтернативных денег [14].

Впрочем, Менгер совершенно не исключает значимой роли государства в социальных процессах [15], в том числе и в процессе развития (не возникновения!) денег. В «Основаниях...» он указывает мини-

мум на два аспекта стимулирующего развития государства на развитие денежной системы. Во-первых, при признании какого-то блага узаконенным средством платежа «... не только всякий платеж государству, но и все остальные платежи, относительно которых в конкретном случае не указан другой платежный товар ... могут быть потребованы и произведены с правовым эффектом только при помощи этого блага ... обстоятельство, которое не создает из этого блага впервые денег, но значительно усиливает присущий уже ему характер таковых» [1, с. 265]. Выбор определенного товара в качестве средства обязательных платежей увеличивает способность данного товара к сбыту, увеличивая спрос на него и в качестве средства обращения. Ю. Кузнецов показал, что имплементация государством нового вида фиатных денег с установлением исполнения в них налоговых платежей в сочетании с наказанием за неисполнение налоговых обязательств способно выдвинуть на роль денег любой необеспеченный предмет даже без запрета альтернативных фиатных или полноценных денег. Однако для того чтобы данный актив превратился в универсальное средство платежа, все равно требуется признание его рынком [16].

Во-вторых, при переходе к металлическому обращению государство берет на себя функцию удостоверения качества и веса слитков, а позже – и чекана монеты, чем уменьшает «затруднения, с которыми нельзя справиться без потери времени и экономических жертв» [1, с. 281], или, согласно современной экономической терминологии, транзакционные издержки, и увеличивает способность драгоценных металлов к сбыту. Опять же, частный рынок может выполнять данные функции (клеймение слитка может осуществлять любое лицо, заслуживающее доверия, множество примеров чему находим в экономической истории), но у публичной власти есть преимущество, поскольку «ее знает и признает всякий, и она обладает к тому же властью карать и предупреждать монетные преступления» [1, с. 283]. Срабатывает эффект взаимной поддержки институтов.

В «Происхождении денег» Менгер развивает идею влияния законодательства на процесс эволюции денег, выдвигая аргумент унификации денег в пользу узаконивания платежного средства: «Трудности, с которыми люди сталкиваются в торговле и способах оплаты в любой стране от конкурирующих действий нескольких товаров, выступающих в качестве денег, и то обстоятельство, что конкурирующие стандарты многократно увеличивают небезопасность в торговле ... привели к юридическому признанию определенных товаров в качестве денег» [3, с. 52]. Нетрудно заметить, что подобное юридическое признание не является по Менгеру неизбежным, и государство может обеспечить безопасность торговли иными инструментами – например, информационными [13, с. 88]. Выбор же одного товара в качестве денег

способствует снижению транзакционных издержек, но создает возможность злоупотреблений в отношении качества монеты. В оправдание этого насаждается идея о том, что монета есть нечто условное, а не просто удостоверенный слиток определенного веса и пробы, и это обстоятельство способствовало распространению заблуждений относительно сущности денег [1, с. 284].

В «Исследованиях...» Менгер формулирует парадигму развития институтов как спонтанных порядков, «несознательных результатов социального развития», указывая на такой тип эволюции денег, языка, права, рынка, государства [2, с. 405]. При этом он не только не исключает позитивной роли законодательства на зрелых этапах развития институтов, но и допускает возможность их импорта: «институт денег, в особенности при образовании нового общества из элементов старой культуры, например, в колониях, может, подобно и другим социальным институтам, быть введен путем соглашения, или законодательства; столь же несомненно и то, что дальнейшее развитие указанного института во времена более высокой экономической культуры обыкновенно следует этим последним путем» [2, с. 411–412].

В статье «Деньги», написанной для Словаря наук о государстве в 1892 г., Менгер уточняет аргументы относительно роли государства в процессе эволюции денежной системы. Во-первых, он говорит о *неизбежности* вмешательства властей в процесс чекана монеты ввиду неспособности частных производителей обеспечить оборот достаточным количеством платежных средств. Причины такой неспособности кроются в значительных объемах необходимого первоначального капитала и высокой степени конкуренции, ведущих к низкой прибыльности данного бизнеса.

Во-вторых, декларирование определенного вида денег в качестве узаконенного платежного средства позволяет унифицировать монетную систему, что способствует упрощению понимания ее участниками хозяйственной деятельности, создает основу надежного учета и позволяет объединить разнообразные экономические районы. Сложные проблемы сохранения номинального соотношения ценности выпущенных монет из разных металлов при колебании цен самих металлов, оценки рынком монет с разной степенью износа требуют дополнительных мер в области административного и частного права, включая обязательство выкупа по номиналу «неполноценных» монет, т. е. придания им обязательного курса, также требуют вмешательства государства в совершенствование денежной системы [4, с. 42–45]. В данном (по его словам – исключительном) случае Менгер считает принципиальный отказ от обязательного курса ошибкой, поскольку возникающие препятствия либо невозможно преодолеть вообще, либо только с непропорционально большими экономическими жертвами

[4, с. 105–106]. Таким образом, Менгер обосновывает вмешательство государства в развитие института денег общественной полезностью, что позволило проф. Икеда сделать вывод о сдвиге позиций Менгера от объяснения эволюции института денег исключительно как спонтанного порядка к «более сбалансированному подходу» [6].

Нам представляется, что данное утверждение является преувеличением и с той точки зрения, что Менгер никогда не исключал роли государства в развитии денежной системы, и с той, что нигде в статье «Деньги» он не отказывается от эволюционного подхода в вопросе возникновения и начального совершенствования денег, что можно проиллюстрировать его собственными размышлениями.

Во-первых, высокая степень конкуренции, приведшая к низкой прибыльности деятельности по чеканке монеты, как раз и свидетельствует о множестве частных производителей на данном рынке.

Во-вторых, логично предположить, что снижает издержки обмена как возникновение самих денег, так и появление клеймленных слитков и монет. Домонетный «слитковый» период характеризовался неудобством и высокими издержками обмена, связанными с необходимостью регулярной проверки качества, взвешивания и обрезки серебряных слитков. Доказательством существования такого периода является наименование одной из денежных единиц времен Киевской Руси – «резаны», как раз зафиксировавшей в языке «резательный» опыт. Наличие хозяйственного интереса участников рынка в более простом способе расчетов ведет к появлению монеты таким же естественным образом, как выпечка хлеба удовлетворяет соответствующий спрос, и нет никакой необходимости в законодательной инициации данной деятельности. Поэтому упреки сторонникам стихийного появления денег в размещении «черного ящика» между спросом на монету со стороны торговли и появлением самой монеты [17] представляются бесосновательными.

Менгер считает преувеличенное значение, которое приписывают функции денег как платежного средства большое количество теоретиков, логической ошибкой, абберацией, отклонением от естественного понимания денег – деньги по самой своей сути являются законным платежным средством, и «именно потому, что деньги являются общепринятым посредником на рынках товаров и капитала и предпочтительным средством для односторонних и вспомогательных платежей, им также назначается функция всеобщего средства платежа» [4, с. 53]. Мнение, в соответствии с которым обязательный курс является совершенствованием денежной системы, должно быть отвергнуто с экономической точки зрения: кроме исключительных случаев, о которых шла речь выше, «чем менее обязательный курс, тем совершеннее денежная система страны» [4, с. 104]. По поводу утверждения,

что только придание деньгам функции узаконенного платежного средства делает их «идеальными деньгами», Менгер остроумно замечает: «устанавливая для кредиторов юридическое обязательство принимать определенный тип денег по обязательному курсу, государство, несомненно, совершенствует данный тип денег в качестве платежного средства. Ассигнаты и мандаты Французской революции, обязательный курс которых основывался на гильотине и ряде правовых положений, которые были призваны воспрепятствовать любым попыткам кредиторов избежать последствий обязательного курса, были с точки зрения судебной власти и должников... идеальными средствами платежа. Вопрос в том, были ли они идеальными деньгами? Это не юридический, а экономический вопрос» [4, с. 92].

Наконец, поскольку «характер и сущность денег определяются их положением в народном хозяйстве, функциями в товарообороте», постольку Менгер подчеркивает значение субъективного подхода к их анализу: «само по себе ничего не существует. Ни материал, ни технические свойства или внешняя форма, ни даже акты воли со стороны правящих» сами по себе не создают денег [4, с. 92], они – результат естественной эволюции.

### **Некоторые частные вопросы**

Представляется важным рассмотреть получивший в последнее время популярность и распространение тезис о том, что бартерная экономика в действительности не существовала, построенная на ней теория происхождения денег из архаичного бартера ложна, а доказательством этому служат материалы, собранные экономическими историками – они якобы свидетельствуют «об отнесении денег к общественной сфере и прерогативе правителей» [18, с. 8]. То, что бартерная экономика представляет собой мысленную логическую конструкцию, заслонившую от нас историческую реальность, доказывается также анализом текстов Гомера, в которых «мы не находим никаких указаний на существование системы обезличенных обменов и тем более бартерной экономики» [17, с. 127].

Об опасности использования результатов археологических изысканий в качестве оценки уровня развития торговых/денежных отношений писал Ф. Хайек: «предметы первой необходимости, на обеспечение которыми была направлена торговля, потреблялись по большей части не оставляя следа; в то же время диковинные вещи ... берегли ... и они сохранялись дольше... Однако потребность не в предметах роскоши, а в предметах первой необходимости превратила торговлю в незаменимый институт» [19, с. 70]. Конечно же, среди товаров первой необходимости находились обладавшие наибольшей способностью к сбыту.

Хайек указывает на отрывок из «Одиссеи», прямо описывающий бартерный обмен железа на медь [19, с. 71], да и само наличие кораблей подтверждает гипотезу о развитой средиземноморской торговле. Представляется, что отсутствие письменных источников о существовании бартерной экономики в Средиземноморье легко объясняется отсутствием письменности на соответствующем этапе развития человеческой цивилизации. Вместе с тем напоминание о происхождении денег именно из товарного мира четко зафиксировано в языке: наименование денежных единиц «куна», «веверица», «фунт стерлингов» указывают на то, какие именно товары выполняли роль денег; четкая связь с подобными товарами у родового понятия «деньги» в разных языках мира убедительно иллюстрируется Менгером в «Основаниях...» [1, с. 260, 266–267].

Кроме того, удивительно проходят мимо сторонников государственной теории денег описания примеров существования бартерной экономики, приведенные там же на основе известий завоевателей и свидетельств современных завоеванию Мексики авторов. Страна в момент открытия ее европейцами представляла общество с развитым торговым оборотом, где в большие базарные дни для торговли собирались 40–50 тыс. человек, продаваемые товары поражали своим разнообразием, а развитие денежной системы соответствовало этапу перехода от натуральной меновой торговли к выдвиганию нескольких товаров на роль денег. В этом качестве выступали зерна какао в мешочках от 8 до 24 тыс. штук; бумажные платки, золотая пыль в гусиных перьях, куски меди и тонкие пластины олова – все эти товары «принимались охотно каждым, даже при отсутствии нужды в них (в качестве денег) в тех случаях, когда нельзя было путем обмена получить непосредственно потребительные блага» [1, с. 272]. Все эти блага по своей способности к сбыту превосходили остальные – и такой естественный ход событий соответствует эволюционной теории происхождения денег. Менгер приводит и иные аналогичные примеры. Наконец, важно разделять бартерный обмен, денежную экономику и монетное хозяйство – разные стадии развития института денег, и если в возникновении денег места государству нет, то при переходе к монете роль законодательства Менгером не исключается.

Второй важный тезис – о роли и месте криптовалют с точки зрения теории происхождения денег. Эволюционной теории делается следующий упрек. В соответствии с ее логикой должна происходить конкурентная борьба различных платежных инструментов, в результате чего определится победитель, который государство должно выбрать в качестве единственного платежного средства. Поскольку подобного не происходит, а на роль денег назначается «целесообразное в конкретных экономических обстоятельствах» платежное средство, то государственная теория денег «представляется более адекватной с точки

зрения государственного управления» [12, с. 99]. Абсолютно соглашаясь с автором в том, что с точки зрения законодательства государственные органы правомочны назначать на роль денег (и делают это) любое средство платежа, как и в практических рекомендациях «не запрещать новые виды денег, а использовать их в своих интересах для стимулирования экономического развития», заметим, что эволюционная теория имеет дело с конкурентным решением. Можно ли считать современное состояние взаимодействия платежных инструментов конкуренцией? Неужели можно свободно принимать к оплате иностранную валюту и считать в любой из них балансы и налоговую базу? Разве отменен запрет на использование в расчетах золота? Может, разрешен частный чекан серебряных монет? Нет санкций за использование биткойна? Правительства давно монополизировали денежную сферу и никакой конкуренции на данном рынке не допускают, а это предпосылка эволюционной теории денег: «Он [Менгер] четко определяет обязательство использовать официальную валюту как обязательство, основанное на расчете затрат и выгод. Точнее говоря, обязательство использовать официальную валюту возникает, когда риск наложения санкций перевешивает преимущества использования альтернативной валюты» [20, с. 207–208]. Очевидно, что ограниченность оборота альтернативных узаконенным средств платежа ведет к неполноте выполняемых ими функций и не позволяет превратиться в полноценные деньги. Центральный банк выступает представителем интересов государства в денежной сфере, узаконивая определенные платежные инструменты, и с юридической точки зрения вопрос совершенно понятен. Но вопрос в том, насколько хорошо выполняют выбранные платежные средства функцию *денег*?

И здесь хочется обратить внимание на еще один важный момент денежной теории – на роль денег в процессе оценки благ и экономическом расчете, обычно ускользающий от взгляда исследователей. Ярким исключением выступает статья С.Г. Кирдиной-Чэндлер: «Как и любой институт, институт денег сформировался с целью уменьшить неопределенность совместной (в данном случае экономической) деятельности и создавать определенные ожидания у ее участников... Основные виды неопределенности ... это соизмерение продуктов разного качества, но, что более важно ... соизмерение затрат и результатов экономической деятельности в разные периоды времени...» [21, с. 10].

Менгер предвосхищает денежный аргумент Мизеса в проблеме экономического расчета: «Поскольку практически все цены являются денежными ценами ... функцией денег является функция ценового индикатора» [4, с. 94], и соглашается с мыслью Е. фон Филипповича, которого характеризует как «одного из наиболее продвинутых и дотошных новичков в нашей науке»: «Только общая оценка стоимо-

сти товаров в деньгах позволяет точно рассчитать себестоимость продукции и доход в отдельных компаниях, сравнить их и получить точную количественную оценку успеха производства для активов предпринимателя. Оценка всех товаров и услуг в экономике в денежном выражении является необходимой основой для любого расчета рентабельности и, следовательно, точного управления хозяйством. Поддержанное конкуренцией отдельных компаний, это ведет к реализации принципа наибольшей экономической эффективности» [4, с. 71–72].

Проблема роли денег в снятии неопределенности больше связана с теорией ценности денег Менгера и лежит за пределами предмета данной статьи. Однако важно отметить, что ценность денег в его теории неразрывно связана с их функциями, а функции обусловлены сущностью денег как средства обращения: “Ошибку делают те экономисты-теоретики, которые в силу того факта, что товар – посредник, ставший всеобщим платежным средством, регулярно выполняет в ходе своего развития и другие функции, а в развитой экономике – ряд различных скоординированных функций одновременно, механически связывают воедино все функции в качестве согласованных признаков для определения общей концепции денег либо даже произвольно выбирают какую-либо из них. В действительности все эти функции являются последовательным развитием функции средства обращения” [4, с. 95].

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Менгер К. Основания политической экономии // В кн.: К. Менгер. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005а. [1871].
2. Менгер К. Исследование о методах социальных наук и политической экономии в особенности // В кн.: К. Менгер. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005б [1883]).
3. Menger C. On the Origin of Money // *Economic Journal*. 2009. [1892]. Vol. 2. Pp. 239–255. Reprinted by Ludwig von Mises Institute, 2009.
4. Menger C. “Geld,” in: J. Conrad, L. Elster, W. Lexis and E. Loening (eds.). *Handwörterbuch der Staatswissenschaften* (vol. 4; 3rd edn.). Fischer, Jena, 1936. [1909]. Pp. 555–610. Reprinted in Hayek, F. (ed.) *C. Menger. Collected Works*. V. 4, 1936.
5. Chaloupek, G. Carl Menger’s Contributions to the Austrian Currency Reform Debate (1892) & His Theory of Money // Paper presented to the 7 ESHET Conference, Paris, 2003. (30.01-01-02.2003). [www.chaloupek.eu/explorer/Mengeroncurrencyreform.doc](http://www.chaloupek.eu/explorer/Mengeroncurrencyreform.doc). (дата обращения: май 2020).
6. Ikeda Y. Carl Menger’s Monetary Theory: A Revisionist View // *The European Journal of the History of Economic Thought*. 2008. Vol. 15 (3). С. 453–473.
7. Гогохия Д.Ш. Теория денег: от К. Менгера до Дж.М. Кейнса // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2016. № 6. С. 76–90.
8. Гогохия Д.Ш. Некоторые аспекты теории денег // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2017. № 4. С. 18–30.

9. *Festré A.* Carl Menger and Friedrich von Wieser on the role of knowledge and beliefs / Richard Arena, Agnès Festré and Nathalie Lazaric. Handbook of Knowledge and Economics, Edward Elgar, 2012. Pp.73–98.
10. *Дубянский А.Н.* Теория денег Маркса: исторический анализ // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия Экономика. 2019. Т. 1. С. 153–169.
11. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. М.: Изд-во политической литературы.1983. Т. 1.
12. *Дубянский А.Н.* Теория происхождения денег и криптовалюта // Деньги и кредит. 2017. № 12. С. 97–100.
13. *Ковалев А.В.* Взаимодействие институтов денег и *liberum veto* в Великом Княжестве Литовском, или О стране без узаконенного платежного средства // Journal of Institutional Studies. 2018. № 10 (1). С. 80–92.
14. *Ротбард М.* Государство и деньги. М.: Социум, 2002.
15. *Ковалев А.В.* К оценке теоретической эволюции Менгера, или Сюжет о «четырех» Менгерах // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1 (45). С. 44–63.
16. *Kuznetsov Y.* Fiat Money as an Administrative Good // The Review of Austrian Economics.1997. Vol. 10 (2). С. 111–114.
17. *Буторина О.В.* О происхождении монет // Современная Европа. 2016. № 4. С. 124–135.
18. *Ефимов В.М.* О двух типах социальных порядков (часть 1) // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 1. С. 7–25.
19. *Хайек Ф.* Пагубная самоуверенность. М.: Новости, 1992.
20. *Tieffenhach E.* Searle and Menger on Money // Philosophy of the Social Sciences. 2010. № 40 (2). С. 191–212.
21. *Кирдина-Чэндлер С. Г.* Механизм денежного обращения как объект мезоэкономического анализа // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11(3). С. 7–20.

#### ABOUT THE AUTHOR

**Kavaliou Aliaksandr Vasil'evitch** – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Management of the Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus  
kavaliou.aliaksandr@gmail.com

#### TO THE ISSUE OF THE CARL MENGER'S THEORY OF THE ORIGIN OF MONEY

The article analyses the theory of the origin of money by C. Menger in comparison with alternative theories. It is shown that the evolutionary approach to the genesis of money, formulated by C. Menger in the “Principles of political economy” and developed in his subsequent works, does not exclude the influence of state and legal factors on the development of the monetary system, while excluding any role of the state in the origin of money. It was investigated how theory of the saleability of goods correlates with the function of money as a means of accumulation. Parallels and differences between the C. Menger's theory of the origin of money and the theories by Karl Marx and by G. Knapp are revealed.

**Keywords:** *C. Menger, the origin of money, the sales ability, the functions of money, barter, coinage.*  
**JEL:** B13, E40, N10.

## ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

---

---

И.Л. КИРИЛЮК

научный сотрудник Центра институционально-эволюционной  
экономики и прикладных проблем воспроизводства  
ФГБУН Институт экономики РАН

### МЕТОДЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ И РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ФИНАНСОВОГО СЕКТОРА В РОССИИ И В МИРЕ<sup>1</sup>

В статье рассматриваются различные возможности применения методов искусственного интеллекта, получения и обработки больших массивов данных, построения моделей в финансовом секторе, в деятельности центральных банков, проблемы, которые при этом возникают. Обсуждаются особенности нормативного регулирования в этой области, влияние финансовых технологий на перспективы трансформации отрасли.

**Ключевые слова:** Банк России, кредитно-денежная политика, финтех, искусственный интеллект, машинное обучение, большие данные.

JEL: C10, C80, E42.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10048

#### 1. Введение

В настоящее время так называемые технологии Big Data – получения и обработки больших массивов данных – применяются многими коммерческими банками в России и за рубежом, центральными банками разных стран [1; 2], и Банку России, для того, чтобы достойно выгля-

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-510-00009 Бел\_а «Трансформация системы монетарного регулирования России и Беларуси в условиях цифровизации экономики».

деть в такой конкурентной среде, нужно прилагать усилия в освоении новейших методов анализа и обработки больших объемов данных.

Еще в 70-х годах XX в. происходили попытки применять методы искусственного интеллекта в экономике, в том числе, в банковском деле. В СССР разработками методов интеллектуального анализа данных активно занимались в институтах Академии наук (например, в Вычислительном центре, в Институте проблем управления и т. д.). Во второй половине XX в. советским кибернетиком академиком В. Глушковым продвигался проект «Общегосударственная автоматизированная система учета и обработки информации» – ОГАС [3], который предполагал централизованный сбор данных, характеризующих экономику страны, активное использование математики, статистики, искусственного интеллекта в управлении народным хозяйством по единым стандартам. Проект не был воплощен в том масштабном виде, в котором предлагался инициаторами, но его методология оказала заметное влияние на организацию экономики страны. В Чили подобный проект, называемый Киберсин, играл определяющую роль в период правления Сальвадора Альенде с 1970 по 1973 гг. Проектом руководил один из крупнейших специалистов по системному анализу, автор «модели жизнеспособной системы» Стаффорд Бир [4]. Проект прервался в связи с государственным переворотом, но некоторый позитивный опыт за время его существования был получен. Концепции, лежащие в основе ОГАС и Киберсин, не получили в достаточной степени воплощение в тот период, когда они были предложены, прежде всего потому, что вошли в конфликт с традиционными социальными институтами. В США подобные идеи по управлению обществом при помощи искусственного интеллекта популяризовал, например, футуролог Жак Фреско. Перечисленные проекты предполагают не только исследование экономики посредством математического моделирования, но и непосредственное влияние математических моделей и расчетов на функционирование экономики. Они дали интересный опыт, который стоило бы не забывать и развивать и в настоящее время, но вспоминают о них не часто. Очевидно это связано с тем, что данные проекты разрабатывались для плановой, социалистической экономики, а в настоящее время доминирует экономика рыночная.

Однако в последние десятилетия и в странах с рыночной экономикой интерес к использованию искусственного интеллекта в управлении постоянно возрастает. Исследованиями и разработками в этом направлении активно занимаются коммерческие структуры, в частности, банки и компании в области информационных технологий. Все большее внимание этой теме уделяют государственные финансовые организации, в том числе, Банк России,

выпуская аналитические обзоры по этой теме, например, [5]. Тем не менее, накопление и обработка данных в настоящее время существенно менее централизованы, чем это предлагалось в рамках проектов ОГАС и Киберсин.

Далее будут описаны особенности работы с большими данными в финансовой отрасли, модели и методы обработки данных с использованием технологий искусственного интеллекта, направления их применения, возникающие при этом проблемы и риски, возможные пути решения проблем, а также особенности государственного регулирования в этой области.

## **2. Накопление, хранение и инструменты обработки данных**

Коммерческие банки накапливают существенно большее количество данных по сравнению со многими другими видами организаций, в том числе, по сравнению с другими финансовыми организациями, такими, как некредитные финансовые организации и стартапы в области финансовых технологий (финтех). И они заинтересованы в обработке этих данных, в первую очередь с целью обеспечения своей устойчивости и получения прибыли.

По данным ведущего поставщика информации и консультационных услуг на рынке ИТ, телекоммуникаций и потребительской техники International Data Corporation (IDC) доходы от решений для больших данных и бизнес-аналитики будут расти в течение периода прогноза на 2018–2022 гг. с пятилетним совокупным годовым темпом роста в размере 13,2%. IDC ожидает, что к 2022 г. выручка от этого направления по всему миру составит 274,3 млрд долл. [6].

Существуют также оценки и прогнозы развития рынка больших данных (Big Data) для России. По информации Анны Серебряниковой, президента Ассоциации участников рынка больших данных (АБД), на март 2019 г. по разным оценкам, он составлял от 10 до 30 млрд руб. К 2024 г. объем достигнет 300 млрд руб., согласно прогнозу Ассоциации, а рост выручки всех индустрий в России за счет использования больших данных за этот период может достичь 0,5–1,5% ВВП [7].

Задача извлечения пользы из данных не является тривиальной. Они могут сохраняться как для вычислений, значение результатов которых для выработки стратегии банков уже понятно, так и на тот случай, если полезность этих данных станет понятна позднее. При этом важно, чтобы прибыль от применения полезных на данный момент данных окупала бы с избытком затраты на хранение остальных. Кроме того, для получения адекватной информации из данных должен выполняться ряд требований к их качеству: например, данные

должны иметь приемлемую точность, быть достоверными, актуальными, доступными для обработки.

Согласно [8] объем накапливаемых человечеством больших данных растет экспоненциально и в период 2018–2025 гг. должен увеличиться с 33·10<sup>21</sup> до 175·10<sup>21</sup> байт. Стоимость хранения данных постоянно снижается, при этом растет частота взаимодействия клиентов с банками, что увеличивает скорость накопления финансовых данных. Короткий (пока) период их интенсивного накопления затрудняет анализ долгосрочной экономической динамики с их использованием. Традиционные экономические модели разрабатывались и верифицировались с учетом использования на относительно малых наборах данных, но теперь ситуация существенно меняется, растет потребность в моделях, описывающих большие наборы данных.

Возможность накапливать большие данные зависит не только от уровня технологий, но и от численности населения стран, а также от количества клиентов организаций. Поэтому, например, Китаю, население которого почти в 10 раз больше, чем население России, легче быть в числе лидеров в этом процессе. Важным фактором является уровень понимания населением ценности данных. Поскольку финансовые организации заинтересованы в получении не только внутренних, но и внешних данных, формируется рынок продажи и обмена данными. Количество и разнообразие получаемых данных также увеличивается при развитии на базе банков экосистем с разнообразными дополнительными сервисами. Это позволяет банкам иметь дело с актуальными данными, поскольку в развивающейся мировой экономике постоянно происходят изменения, и важно делать модели с учетом наиболее свежих данных.

Накапливать данные в настоящее время существенно проще, чем их обрабатывать. Объем накапливаемых данных растет более быстрыми темпами, чем производительность процессоров. Обработка больших объемов данных, или применение таких часто требовательных к вычислительным ресурсам методов, как, например, методы Монте-Карло, широко используемые в рамках машинного обучения, и предполагающие генерацию большого числа симулированных данных, иногда требуют проведения параллельных вычислений на суперкомпьютерах.

Для ускорения выполнения определенных математических задач могут быть полезны вычисления с помощью интегральных микросхем с особыми специализированными архитектурами (application-specific integrated circuit – ASIC). Эти специализированные микросхемы могут решать меньшее число задач, чем обычные компьютеры, но решают их существенно быстрее. Наиболее известно использование таких микросхем для майнинга криптовалют, однако, этой сферой их применение далеко не ограничивается. Например, Google разрабатывает ASIC для задач машинного обучения [9].

### 3. Модели, применяемые в финансовой отрасли и машинное обучение

В настоящее время в финансовой отрасли (в том числе Центральными банками) используется разнообразный математический аппарат. Широко распространенными моделями являются динамические стохастические модели общего равновесия (для их обозначения часто используется английская аббревиатура DSGE). Они базируются на принципах микроэкономической теории и в состоянии учесть рациональные ожидания экономических агентов относительно будущего развития экономики. С ними конкурируют эконометрические модели векторной авторегрессии (обозначающиеся также английской аббревиатурой VAR). Кроме того, применяется имитационное моделирование [10]. Наличие множества альтернативных подходов обусловлено тем, что макроэкономические системы слишком сложны, чтобы надеяться их описать конкретной моделью, например, DSGE настолько же точно, насколько например механика описывает движение космических кораблей. Четкой границы между машинным обучением и другими подходами нет, возможны комбинированные варианты применения разных подходов.

Машинное обучение возникло на базе синтеза методов математической статистики и математической теории оптимизации. Это направление в рамках теории искусственного интеллекта, описывающее модели, способные обучаться на данных. Считается, что методы машинного обучения имеет смысл применять в тех случаях, когда не известны достаточно точные теоретически обоснованные модели, описывающие изучаемые процессы. При этом применимость этих методов универсальна. Они используют как строго обоснованные математические теории, так и эвристические приемы. Наиболее известным направлением в рамках машинного обучения являются нейросети. Популярным в последние годы является глубокое обучение, основанное на использовании особых многослойных нейросетей. Однако, нейросетями набор алгоритмов далеко не исчерпывается, и существуют методы, работающие в определенных ситуациях лучше нейросетей. Например, нейросети требуют для своего обучения достаточно больших объемов данных (как правило, не меньше тысяч примеров), если же доступные объемы недостаточно велики, применяются другие методы. Кроме того, недостаток нейросетей заключается в том, что, как правило, не ясно, каким образом их использование приводит к нужным результатам. Альтернативные же методы, например, метод, называемый «решающий лес», являются более интерпретируемыми.

Популярным подходом является использование для решения задач сразу нескольких альтернативных методов машинного обучения, или

комбинирование их в более сложные алгоритмы для увеличения точности результатов. Даже на основе комбинации относительно слабых по точности алгоритмов можно создать достаточно точный алгоритм, если их ошибки слабо коррелируют между собой.

Создание алгоритмов машинного обучения само по себе является автоматизируемым процессом. Разработки в области автоматического машинного обучения (AutoML) осуществляет, например, компания Google [11].

#### **4. Модельные риски**

Рост популярности и сфер применения методов искусственного интеллекта при сложности соответствующей теории и дефиците квалифицированных специалистов увеличивает модельные риски – такие риски, которые непосредственно определяются применением математических алгоритмов. Характерной особенностью использования методов интеллектуального анализа данных является то, что они применяются специалистами в самых различных областях, но при этом требуют высокой квалификации и в области искусственного интеллекта, а также в области математической статистики и ряда других разделов математики, чтобы учесть все предпосылки, при которых возможно корректное использование каких-либо методов. Поэтому часто случается, что получаемые даже в научных публикациях результаты являются некорректными именно из-за некорректного использования математических методов. Рост популярности методов машинного обучения не только в науке, но и в бизнесе, увеличивает возможность возникновения информации, полученной в результате некорректных расчетов. Однако, наиболее успешные фирмы заинтересованы, и в состоянии нанимать для разработки алгоритмов и проведения нужных им вычислений высококвалифицированных специалистов.

Особенностью многих экономических, и финансовых показателей является то, что их распределения по величине существенно отличаются от нормального (гауссова) распределения, и порой проблематично установить конкретные аналитические формулы таких распределений. Увеличение вычислительных мощностей компьютеров позволило для таких случаев широко внедрить в практику методы непараметрической статистики, играющие существенную роль в машинном обучении. В тех же случаях, когда известно, что величины распределены по закону, достаточно хорошо аппроксимирующемуся нормальным, или другим известным распределением, лучше работают параметрические методы, использующие конкретные формы распределений. Однако нормальность распределений часто предпо-

лагается там, где она на самом деле не имеет место, или, по крайней мере, не доказана с нужным уровнем достоверности.

Особые сложности возникают, когда какие-либо показатели описываются распределениями, образно называемыми «распределениями с толстыми хвостами» (типичный представитель – распределение Ципфа-Парето), то есть, такими распределениями, для которых вероятность возникновения аномально отклоняющихся от типичных значений показателя высока, и ей нельзя пренебречь. Примером является распределение населения земли по доходам.

Одной из основных проблем в машинном обучении является переобучение, когда при избыточном количестве параметров модель начинает обучаться не на закономерностях, а на шуме. В задачах регрессии также надо учитывать явление мультиколлинеарности, когда часть признаков сильно коррелируют между собой, что уменьшает точность вычисления регрессионных коэффициентов. Кроме того, надо иметь в виду, что при большом количестве обрабатываемых данных увеличивается вероятность получения каких-либо аномалий, которые можно принять за закономерности, но на самом деле они являются артефактами (это называется проблемой множественного тестирования).

Чтобы уменьшить риски, применяемые методы сначала обрабатываются банками на таких задачах, где ошибки не могут привести к серьезным последствиям. Но постепенно происходит рост сложности задач, доверяемых искусственному интеллекту, что может повлечь обострение проблемы модельных рисков.

## **5. Применение технологий искусственного интеллекта в финансовой сфере**

Методы искусственного интеллекта и машинного обучения могут применяться для обработки самых различных типов данных. Например, в обработке текстов и голосовых сообщений при работе с клиентами, в обработке потоков цифровых данных о деятельности коммерческих банков. Искусственный интеллект используется финансовыми организациями в чат-ботах, в кредитном скоринге (то есть, в оценке кредитоспособности клиентов), в контроле за наличностью в банкоматах, в определении целесообразности открытия новых отделений и их оптимального расположения, в оценке деятельности сотрудников банков, при найме новых сотрудников, при биометрической идентификации клиентов, в борьбе с мошенничеством и т. д.

Распространено утверждение, что в банковском секторе искусственный интеллект может заменить только малоквалифицированные должности, тех, где не требуется принятие самостоятельных решений, однако, во-первых, в банках не слишком много реально

креативной деятельности, во-вторых, уже сейчас, например, при скоринге искусственный интеллект принимает решения. С другой стороны, использование искусственного интеллекта создает дополнительные возможности для оппортунистического поведения сотрудников-людей, которые могут например отказывать в клиенту в обслуживании, ссылаясь на то, что так «решил» искусственный интеллект, даже когда это не является правдой, или когда в их власти принять решение самостоятельно.

Важным для коммерческих банков является развитие моделей прогнозирования отзывов лицензий центральными банками. Такие модели используются на практике также российским агентством по страхованию вкладов. В ранних работах для решения этих задач использовался линейный дискриминантный анализ. В основной массе известных автору работ применены панельные логит-модели, также применяются модели множественного выбора [12]. Однако в последние несколько лет появились работы, где задача решается с помощью более широкого спектра методов машинного обучения. Так, в [13] показано, что очень высокой прогнозной силой обладает так называемый алгоритм «случайного леса». В [14] применена технология вычисления коллективных решений по наборам алгоритмов распознавания. Наряду с логистической регрессией там используется алгоритм вычисления оценок, три варианта «решающего леса» и метод статистически взвешенных синдромов. Разработанная в [14] методология позволяет не только делать прогноз, но и выявлять показатели, наиболее тесно связанные с решением об отзыве лицензии.

Эффективная монетарная политика во многом обуславливается умением с высокой точностью предсказывать инфляцию. В последние несколько лет вышел ряд публикаций об использовании различных методов машинного обучения для прогнозирования инфляции [15–18]. Эти методы позволяют в частности учесть наличие нелинейных связей между переменными и инфляцией. Применение методов машинного обучения с использованием больших данных позволяет более детально понять, какие именно показатели в наибольшей степени обуславливают будущую инфляцию. Точность предсказания зависит как от используемой модели, так и от количества доступных данных, растущего, например, за счет того, что становится удобнее использовать интернет для отслеживания цен на товары в реальном времени. Можно прогнозировать инфляцию, исследуя поисковые запросы [19]. Показано, что применение некоторых методов машинного обучения увеличивает точность прогнозирования по сравнению с применением более традиционных методов. При этом эффективность методов может различаться для краткосрочного и долгосрочного прогнозирования, а также зависит от конкретного набора используемых данных.

## 6. Нормативное обеспечение работы с данными в финансовой отрасли

Инновационная активность коммерческих банков определяется не только величинами процентных ставок, устанавливаемыми Центробанками, но также разного рода нормативными документами. Поскольку деньги играют основополагающую роль в функционировании и развитии общества, финансовая сфера на мировом уровне является одной из самых зарегулированных. Тем не менее, в настоящее время существует некоторый дефицит в стандартах и в законодательстве в области работы с данными, разработки и применения алгоритмов, поскольку это активно развивающееся направление. Существенной трудностью является то, что в новых отраслях финтеха нормативы различаются и по странам, и между организациями. При этом растет число международных транзакций.

Для работы с данными разрабатывается специальная стандартизованная методология. Широкой популярностью пользуется стандарт CRISP-DM. Он определяет не только методы моделирования, но и особенности понимания бизнес-целей, изучение и подготовку данных, оценку, внедрение результатов для увеличения эффективности компаний. Существуют и российские нормативные документы<sup>2</sup>, определяющие работу с данными применительно к финансовой сфере.

Процесс перехода от бумажной к цифровой документации медленный, накоплено большое количество бумажных документов, которые на практике затруднительно использовать. Стоит вопрос о целесообразности перехода от отчетности коммерческих банков на основе форм к отчетности на основе данных, что может увеличить доступ регуляторов к не агрегированным данным. Это может одновременно избавить коммерческие банки от чрезмерной бюрократической нагрузки и увеличить актуальность информации, которой располагают центробанки. Однако, при этом возникает вопрос о том, какие данные, алгоритмы являются интеллектуальной собственностью коммерческих банков, которые они могут не раскрывать посторонним лицам, в том числе, регуляторам. При работе с данными остается открытым вопрос о том, где проходит граница таких понятий, как персональные данные, банковская тайна, тайна связи. Принадлежат ли анонимные данные социальных сетей, представляющие интерес для банков пользователям, или сетям. Особенно эта проблема

<sup>2</sup> В качестве норматива по работе с финансовыми данными, используемого в России, можно привести, например, Положение Банка России от 06.08.2015 № 483-П (ред. от 15.04.2020) «О порядке расчета величины кредитного риска на основе внутренних рейтингов» (вместе с «Требованиями к качеству данных, используемых банками для создания и применения моделей количественной оценки кредитного риска для целей расчета нормативов достаточности капитала») (зарегистрировано в Минюсте России 25.09.2015 N 38996).

касается биометрических данных, которые уже сейчас используются банками, получившими на это соответствующие лицензии.

В области использования искусственного интеллекта новой проблемой является ответственность за возникновение сбоев, аварий. Если аварийная ситуация возникла по причине применения технологий искусственного интеллекта, труднее определить виновных, чем в случаях, когда такие проблемы возникают непосредственно по вине человека. Для повышения его надежности при использовании, искусственный интеллект очевидно предпочтительно развивать, используя парадигму Open source, чтобы в его разработках могло участвовать больше специалистов. По этим же причинам целесообразно продвигать концепции открытых данных и размещения научных публикаций по рассматриваемым направлениям в открытом доступе.

Чтобы успешно регулировать деятельность финансовых организаций, центробанки должны отслеживать фактически в реальном времени данные и корректировать модели на их основании, поскольку темпы изменения факторов, влияющих на макроэкономику, в последние годы все более ускоряются. В новых моделях нужно учитывать развитие альтернативных банковскому способам кредитования. Велика вероятность, что в скором будущем существенную роль в экономике будут играть криптовалюты, что может ослабить возможности управления финансовой сферой для центральных банков, и к этим рискам нужно быть подготовленными.

Издавая законы и распоряжения, регулятору следует учитывать, что применение искусственного интеллекта в банковском секторе, финансовые технологии – направления относительно новые, еще не установившиеся, активно развивающиеся. Поэтому, целесообразно внимательно наблюдать за развитием этих направлений, не допуская при этом их чрезмерной зарегулированности. Понимая это, Банк России создал так называемую регулятивную песочницу, в рамках которой можно апробировать новые прогрессивные технологии без риска нарушений действующего законодательства и получения соответствующих санкций (при условии уведомления клиентов о рисках и ограничениях этих рисков) [20].

## **7. Заключение**

Не претендуя на полноту, кратко резюмируем значимые технические и социальные проблемы, возникающие в процессе разработки и применения технологий искусственного интеллекта в финансовой отрасли, а также возможные (с нашей точки зрения) способы их решения.

Проблемы, возникающие при разработке и использовании моделей:

- трудности получения полезных данных, часть из которых являются доступными лишь узкому кругу лиц (могут быть преодо-

- лены договоренностями о совместном использовании данных, выкладыванием данных в открытый доступ);
- слишком медленная скорость обработки накапливаемых данных (скорость можно увеличивать посредством применения распределенных вычислений, а также посредством разработки и использования микросхем типа ASIC, специализированных конкретно для задач финансовой отрасли);
  - непрозрачность работы некоторых алгоритмов (характерна, например, для нейросетей), то есть, трудность в понимании того, как именно алгоритмы находят решение задач. Проблема может решаться посредством разработки и использования при необходимости более прозрачных алгоритмов;
  - недоступность исходного кода моделей по причинам проприетарности (решается переводом в модели в Open source, или созданием конкурирующих моделей);
  - применение устаревших алгоритмов (решается сравнительными исследованиями эффективности алгоритмов, соревнованиями альтернативных алгоритмов в решении задач);
  - некорректное применение алгоритмов, модельные риски (решается посредством выявления типовых ошибок и повышением грамотности исследователей). Здесь могут оказаться полезны заимствования опыта из других предметных областей, использующих интеллектуальный анализ данных, и математическую статистику. Например, В.П. Леоновым [21] на основании 1562 источников (диссертаций, статей и т. д.) изучались типовые ошибки применения статистики в медицине, в результате чего им сделан вывод, что только около 10% клинической информации подвергается корректному статистическому анализу. В области экономики подобные исследования автором не найдены, хотя и представляются весьма актуальными.
- Социальные и экономические проблемы, возникающие при внедрении технологий искусственного интеллекта:
- рост социальной неоднородности (обусловлено тем, что те, кто уже имеют данные и умеют зарабатывать на них проще могут получать дополнительные данные и финансы, чем те, кому приходится начинать с нуля). Аналогично: тот факт, что преимущества в доступе к данным, вычислительным мощностям и к алгоритмам имеют крупные компании, ставит под вопрос перспективы выживания существующих и появление новых малых компаний. Уменьшить проблему могут меры по государственной поддержке малых компаний, предоставление по возможности важных для их развития данных в открытый доступ;
  - ответственность за аварии, произошедшие в системах, использующих технологии искусственного интеллекта (общего рецепта

- здесь видимо на данный момент нет, многое зависит от конкретных ситуаций, хотя развитие технологий в целом должно приводить к уменьшению аварийности);
- нехватка квалифицированных специалистов в области интеллектуального анализа данных. В условиях дефицита квалифицированных кадров банки активно проводят конкурсы, соревнования по обработке данных, хакатоны с целью выявления специалистов и привлечения их к сотрудничеству. Очевидным способом решения проблемы является внедрение соответствующих дисциплин в образовательный процесс. Кроме того, развитие автоматизированного машинного обучения AutoML могло бы ослабить требования к квалификации сотрудников, работающих в области обработки данных. При этом, заменять многие функции, не требующие от человека особой квалификации, искусственный интеллект уже научился. Более того, существует тренд постепенного освоения им все более квалифицированной работы. Обсуждается даже перспектива замены центральных банков на системы искусственного интеллекта с соответствующими функциями [22];
  - рост безработицы из-за автоматизации процессов. Так, например, в Банке Америки сокращения к 2018 г. составили примерно треть сотрудников, около 100000 человек [23]. Частично проблема может быть решена посредством увеличения числа рабочих мест в специальностях, связанных с интеллектуальным анализом данных, поскольку востребованность специалистов в этой области в настоящее время велика;
  - конкуренция банковского сектора с криптовалютами и с альтернативными формами финансовых организаций, со стартапами в области финтеха, с такими крупными компаниями, как Facebook, Google, Amazon, Apple и др. Одним из решений является создание банками экосистем. В Тинькофф-банке и Сбербанке на уровне руководства поднят вопрос о том, что есть резон отказаться от позиционирования себя в качестве банков, поскольку сфера их деятельности постепенно становится существенно более универсальной [24].

Таким образом, развитие технологий искусственного интеллекта может качественно улучшить ситуацию в финансовой отрасли, но их разработка и внедрение требуют большой аккуратности. Сейчас намного более высокий уровень технологий, чем был в те времена, когда происходили попытки воплощения проектов ОГАС и Киберсин, гораздо выше скорость обработки данных, ниже стоимость их хранения, однако, преимущества технологий искусственного интеллекта в управлении экономикой и финансами по-прежнему используются далеко не в полной мере. В рамках рыночной экономики труднее реализовывать большие проекты объединенными в масштабах стран

и мира силами, организации вынуждены решать проблемы, в том числе, возникающие при использовании технологий искусственного интеллекта своими силами в конкурентной среде, и от государств требуется помощь в координации этих процессов для блага общества<sup>3</sup>.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Chakraborty C., Joseph A.* Machine learning at central banks. Staff Working Paper. 2017. No. 674, September.
2. The use of big data analytics and artificial intelligence in central banking. IFC Bulletin No 50. May 2019. Proceedings of the IFC – Bank Indonesia International Workshop and Seminar on “Big Data for Central Bank Policies / Building Pathways for Policy Making with Big Data” Bali, Indonesia, 23–26 July 2018.
3. *Глушков В.М., Валах В.Я.* Что такое ОГАС? Серия: Библиотечка Квант. Вып. 10. М.: Наука, 1981.
4. *Beer S.* Brain of the Firm; Allen Lane, The Penguin Press, London, Herder and Herder, USA, 1972.
5. Обзор регулирования финансовых рынков. №5. 18.11.2016–31.01.2017. Москва, Банк России.
6. IDC Forecasts Revenues for Big Data and Business Analytics Solutions Will Reach \$189.1 Billion This Year with Double-Digit Annual Growth Through 2022. [www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS44998419](http://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=prUS44998419) (дата обращения: 01.06.2020).
7. *Березина Е.* Рынок больших данных за пять лет вырастет в 10 раз. [rg.ru/2019/03/25/rynok-bolshih-dannyh-za-pyat-let-vyrastet-v-10-raz.htm](http://rg.ru/2019/03/25/rynok-bolshih-dannyh-za-pyat-let-vyrastet-v-10-raz.htm).l (дата обращения: 01.06.2020).
8. *Reinsel D., Gantz J., Rydning J.* Data age 2025. The Digitization of the World. From Edge to Core. An IDC White Paper – #US44413318.
9. *Ализар А.* Специализированный ASIC от Google для машинного обучения в десятки раз быстрее GPU. [habr.com/en/post/402955](http://habr.com/en/post/402955) (дата обращения: 01.06.2020).
10. *Salle I., Yidizoglu M., Sénégas M.* Inflation targeting in a learning economy: An ABM perspective // Economic Modelling. 2013. August. 34. Pp. 114–128.
11. *Андерсон Дж.* «Скайнет» уже рядом: Google создает искусственный интеллект, способный к самостоятельному развитию. [oko-planet.ru/science/scienceday/583845-skaynet-uzhe-ryadom-google-sozdaet-iskusstvennyu-intellekt-sposobnyu-k-samostoyatelnomurazvitiyu.html](http://oko-planet.ru/science/scienceday/583845-skaynet-uzhe-ryadom-google-sozdaet-iskusstvennyu-intellekt-sposobnyu-k-samostoyatelnomurazvitiyu.html) (дата обращения: 01.06.2020).
12. *Пересяцкий А.А.* Модели причин отзыва лицензий российских банков / Препринт #WP/2010/085. М.: Российская Экономическая Школа, 2010.
13. *Синельникова-Мурлыева Е., Горшкова Т., Макеева Т.* Прогнозирование дефолтов в российском банковском секторе // Экономическая политика, 2018. Т. 13. № 2. С. 8–27.
14. *Zhuravlev Yu.I., Sen'ko O.V., Bondarenko N.N., Ryazanov V.V., Dokukin A.A., Vinogradov A.P.* A Method for Predicting Rare Events by Multidimensional Time Series with the Use of Collective Methods // Pattern Recognition and Image Analysis. 2019. Vol. 29. No. 4. Pp. 763–768.

<sup>3</sup> Автор выражает искреннюю благодарность д.э.н. С.А. Андриюшину, А.П. Свиридову, д.ф.-м.н. О.В. Сенько за полезные обсуждения.

15. *Garcia M.G.P., Medeiros M.C., Vasconcelos G.F.R.* Real-time inflation forecasting with high-dimensional models: The case of Brazil // *International Journal of Forecasting*. Elsevier. 2017. Vol. 33(3). Pp. 679–693.
16. *Medeiros, M. C., Vasconcelos, G. F., Veiga, Á., & Zilberman, E.* Forecasting Inflation in a Data-rich Environment: the Benefits of Machine Learning Methods // *Journal of Business & Economic Statistics*. 2019. Pp. 1–22.
17. *Yadav O., Gomes C., Kanojija A., Yadav A.* Inflation Prediction model using Machine Learning // *International journal of information and computing science*. May 2019. Vol. 6. Issue 5. Pp. 121–128.
18. *Байбуза И.* Прогнозирование инфляции с помощью машинного обучения // *Деньги и кредит*. Декабрь 2018. Т. 77. № 4. С. 42–59.
19. *Петрова Д.А.* Прогнозирование инфляции на основе интернет-запросов // *Экономическое развитие России*. Ноябрь 2019. Т. 26. № 11. С. 55–62.
20. Вопросы и направления развития регуляторных и надзорных технологий (RegTech и SupTech) на финансовом рынке в России. Доклад для общественных консультаций. Центральный банк Российской Федерации. Октябрь 2018.
21. *Леонов В.П.* Классификация ошибок применения статистики в отечественной медицины // Приложение к журналу «Информатика и системы управления». Материалы научной конференции «Системный анализ в медицине» (САМ 2007). 2007. № 1(13). С. 18–21
22. *Дун Хэ.* Денежно-кредитная политика в цифровую эпоху. Из-за криптоактивов спрос на деньги центральных банков может однажды снизиться // *Финансы и развитие*. Международный валютный фонд, июнь 2018 г.
23. *Hugh Son.* Bank of America CEO Moynihan says he cut jobs equal to the workforce of Delta Air Lines. [www.cnbc.com/2018/10/17/bank-of-america-ceo-brian-moynihan-on-cutting-100000-jobs.html](http://www.cnbc.com/2018/10/17/bank-of-america-ceo-brian-moynihan-on-cutting-100000-jobs.html) (дата обращения: 01.06.2020).
24. *Еремкина А.* Сотрудников «Тинькофф банка» попросили не называть свое место работы банком. [www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/06/16/804284-sotrudnikov-tinkoff-banka](http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2019/06/16/804284-sotrudnikov-tinkoff-banka) (дата обращения: 01.06.2020).

#### ABOUT THE AUTHOR

**Kirilyuk Igor Leonidovich** – Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
[igokir@rambler.ru](mailto:igokir@rambler.ru)

#### METHODS OF DATA MINING AND REGULATION OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE FINANCIAL INDUSTRY IN RUSSIA AND IN THE WORLD

The article discusses various possibilities of using artificial intelligence methods, obtaining and processing big data, modeling for the financial sector, for central banks, and related problems. The features of normative regulation in this area, the influence of financial technologies on the prospects for the transformation of the industry are discussed.

**Keywords:** *Bank of Russia, monetary policy, fintech, artificial intelligence, machine learning, big data.*

**JEL:** C10, C80, E42.

## МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

---

---

И.А. КВАШНИНА

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник  
ФГБУН Институт экономики РАН

### ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА МИРОВУЮ ЭКОНОМИКУ И ПОТОКИ ПРЯМЫХ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ

В статье обобщаются и сопоставляются различные прогнозы развития мировой экономики в условиях пандемии. В частности рассматриваются сценарии экономического развития, представленные МФВ, международным консалтинговым агентством McKinsey, международным рейтинговым агентством Fitch и др. Отмечаются отличия происходящего кризиса от мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., обосновывается неизбежность усиления роли государства, центральных банков и международных организаций для его преодоления. При анализе воздействия экономического спада на мировые потоки капитала и прямые иностранные инвестиции (на основе прогнозов ЮНКТАД) делается вывод, что шоки, вызванные пандемией, распределяются крайне неравномерно, как по странам и регионам, так и по отраслям и секторам экономики. Наибольший негативный эффект на потоки инвестиций оказывает сокращение потребления, при этом более уязвимыми оказались экономики и отрасли, находящиеся в сильной зависимости от поставок в рамках глобальных цепочек стоимости (ГЦС). Вызванный Covid-19 кризис ускоряет наметившиеся ранее тенденции к ослаблению ГЦС, уменьшению числа их звеньев.

**Ключевые слова:** кризис, экономический рост, инвестиции, ГЦС.

JEL: F21, F23.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10049

В апреле 2020 г. МВФ был вынужден кардинально пересмотреть прогнозы развития мировой экономики. «Мир разительно изменился за три месяца, прошедшие после выпуска нашего последнего бюллетеня, – отмечается в экстренном выпуске доклада «Перспективы развития мировой экономики: Великая самоизоляция» [1, р. V]. По оценкам МВФ, мировой экономике грозит наибольший спад со времен Вели-

кой депрессии 30-х годов прошлого столетия. Совокупные потери мирового ВВП в результате так называемой «Великой самоизоляции» могут достичь, по оценкам МВФ, 9 трлн долл. США.

В базовом сценарии, при котором эпидемия идет на спад во второй половине 2020 г., а карантинные и сдерживающие меры ослабляются на фоне поддерживающих мер экономической политики, мировая экономика снижается в текущем году на 3%. С учетом предполагавшегося ранее роста общее снижение мирового объема производства в этом сценарии составляет больше шести процентных пункта. В 2021 г. экономический рост быстро восстанавливается и достигнет 5,8%, выходя таким образом практически на докризисный уровень. Аналогичным образом ведет себя и мировая торговля товарами и услугами (см. табл. 1).

Между тем этот прогноз, как отмечается в документе, сопряжен с крайней степенью неопределенности. Экономические последствия зависят от целого ряда факторов, взаимодействие которых трудно предсказать, в том числе от развития пандемии, интенсивности и эффективности мер ее сдерживания, масштабов нарушения поставок, последствий резкого ужесточения условий на мировых финансовых рынках, сдвигов в структуре расходов, изменений в поведении людей (например, нежелание людей посещать торговые центры и пользоваться общественным транспортом), от влияния на волатильность цен на биржевые товары [1, р. Vii]. Международные эксперты подчеркивают, что происходящий в настоящее время кризис не похож ни на какой из ранее случавшихся в истории кризисов по нескольким причинам.

Во-первых, по масштабу. Сокращение объемов производства, вызванное чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения и необходимостью ее сдерживания, приводит к потерям, большим, чем в ходе мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.

Во-вторых, как во время войны или политического кризиса, очень высока неопределенность относительно продолжительности и силы происходящего шока.

В-третьих, в существующих условиях экономическая политика играет совершенно иную роль. Во время классических кризисов директивные органы стараются как можно скорее поддержать экономическую активность путем стимулирования совокупного спроса. В этот раз кризис во многом обусловлен принятием необходимых мер для сдерживания вируса. Это делает стимулирование экономической активности более сложным, а в случае наиболее пострадавших секторов – даже нежелательным [1, р. V].

МВФ представил и более пессимистичные по сравнению с базовым сценарием варианты развития ситуации с коронавирусом. Так, пандемия может продолжиться или вернуться во втором полугодии 2020 г. В таком случае мировая экономика потеряет 6%.

Таблица 1

## Прогноз развития мировой экономики (процентное изменение)

	2019	2020	2021
Мировой объем производства	2,9	-3,0	5,8
<b>Страны с развитой экономикой</b>	<b>1,7</b>	<b>-6,1</b>	<b>4,5</b>
США	2,3	-5,9	4,7
Зона евро	1,2	-7,5	4,7
Германия	0,6	-7,0	5,2
Франция	1,3	-7,2	4,5
Италия	0,3	-9,1	4,8
Испания	2,0	-8,0	4,3
Япония	0,7	-5,2	3,0
Соединенное Королевство	1,4	-6,5	4,0
Канада	1,6	-6,2	4,2
Другие страны с развитой экономикой	1,7	-4,6	4,5
<b>Страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны</b>	<b>3,7</b>	<b>-1,0</b>	<b>6,6</b>
Азия	5,5	1,0	8,5
Китай	6,1	1,2	9,2
Индия	4,2	1,9	7,4
АСЕАН-5	4,8	-0,6	7,8
Европа	2,1	-5,2	4,2
Россия	1,3	-5,5	3,5
Латинская Америка и Карибы	0,1	-5,2	3,4
Бразилия	1,1	-5,3	2,9
Мексика	-0,1	-6,6	3
<i>Объем мировой торговли (товары и услуги)</i>	<i>0,9</i>	<i>-11,0</i>	<i>8,4</i>
Импорт			
Страны с развитой экономикой	1,5	-11,5	7,5
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся	-0,8	-8,2	9,1
Экспорт			
Страны с развитой экономикой	1,2	-12,8	7,4
Страны с формирующимся рынком и развивающиеся	0,8	-9,6	11,0

Источник: составлено автором по: IMF, World Economic Outlook, April 2020.

Возможно, что за базовым сценарием 2020 г. последует новая волна вируса в 2021 г. Тогда вместо восстановительного роста следует ожидать сокращения ВВП второй год подряд еще на 2,2%. Наихудший вариант – продолжение эпидемии весь текущий год и новая вспышка в следующем году приведут к снижению глобального ВВП за 2020–2021 гг. на 8% [1, р. 15–16]. Во всех этих сценариях темпы восстановительного роста будут ниже, чем в базовом, а страны понесут еще больший ущерб. Финансовые условия при таком развитии событий не будут смягчаться, а закрытие компаний и длительная безработица оставят на экономике многочисленные шрамы.

Рейтинговое агентство Fitch, согласно опубликованному прогнозу, ожидает по итогам 2020 г. большего, чем в базовом сценарии МВФ, падения мировой экономики – 3,9%. При этом потери отдельных стран и регионов оцениваются иначе, чем в аналогичном прогнозе МВФ (см. табл. 1). В частности, предполагается, что ВВП стран с развитой экономикой сократится чуть в меньшей степени (государств еврозоны – на 7%, США – на 5,6%, а Соединенного Королевства – на 6,3%). В то же время, по оценкам агентства, экономический рост в Китае и Индии не превысит 1% [2, р. 1].

На период кризиса и, вероятно, на более длительный срок существенно изменится экономический ландшафт, прежде всего за счет усиления роли государства в экономике. Правительства и центральные банки уже стали более активно вмешиваться в экономику, и эта тенденция в ближайшее время сохранится. В условиях локдауна государственные органы вынуждены позаботиться о том, чтобы люди могли удовлетворить свои насущные потребности, а предприятия смогли бы возобновить работу по окончании острой фазы кризиса. Для решения задач по сохранению экономических связей между работниками и компаниями, кредиторами и заемщиками большинство стран принимает специальные налогово-бюджетные, денежно-кредитные и финансовые меры.

Широкие по охвату механизмы поддержки ликвидности с целью уменьшения системного стресса в финансовой системе должны приостановить дальнейшее сокращение спроса. В этом плане быстрое принятие рядом центральных банков соответствующих мер позволило избежать еще более глубокого снижения цен на активы. Позитивно оцениваются и меры по созданию своповых кредитных линий между основными центральными банками.

Международная консалтинговая компания McKinsey, анализируя экономические последствия пандемии, разработала и представила матрицу из девяти возможных сценариев развития экономической ситуации и восстановления мирового ВВП. В ее основе лежат три варианта развития пандемии и эффективности реакции на нее национальных

систем здравоохранения (ось  $Y$ ) и соответственно три варианта по степени результативности проводимой государственной экономической политики (ось  $X$ ). Худший сценарий предполагает невозможность взять под контроль распространение эпидемии на длительном временном отрезке и затяжную рецессию с масштабными банкротствами, дефолтами и потенциальным финансовым кризисом, т. е. развитие ситуации по  $L$ -образному типу. Фактически этот сценарий повторяет пессимистический прогноз МВФ, только не содержит конкретных цифр.

Большинство экспертов все же склоняются к вариантам полного восстановления экономики – быстрого или более замедленного  $V$ - или  $U$ -образного типа. При этом и в том и другом случаях существует вероятность, что отскок будет происходить неравномерно и иметь волнообразную линию. Следует отметить, что описанные выше прогнозы являются среднемировыми и могут существенно варьироваться в зависимости от страны и региона [3, р. 23].

Страны с развитой экономикой, имеющие большой потенциал в области управления, развитую систему здравоохранения и возможность эмиссии резервных валют, объективно находятся в более выгодном положении в плане выхода из кризиса. В то же время ряду стран с формирующимся рынком и развивающимся странам, которые не имеют аналогичных активов и сталкиваются одновременно с кризисами в сфере здравоохранения, экономики и финансов, понадобится помощь – как со стороны двусторонних кредиторов, так и международных финансовых организаций.

На экстренном саммите G–20 с участием РФ было заявлено, что страны–члены будут активно и решительно взаимодействовать с ключевыми международными организациями, в частности с ВОЗ, МВФ и Группой Всемирного банка, а также с многосторонними и региональными банками развития для развертывания эффективного, взаимосвязанного, согласованного и оперативного комплекса финансовых мер. Объявленная стоимость пакета мер по стимулированию мировой экономики составляет более 5 трлн долл. США [4].

Пандемия COVID–19 будет иметь негативные последствия и для мировых потоков прямых иностранных инвестиций. Если ранее ЮНКТАД прогнозировал небольшой рост ПИИ (5%) на период 2020–2021 гг., то в специальном выпуске Investment Trends Monitor речь уже шла об их падении в 2020 г. в диапазоне от 5% до 15% [5, р. 1]. На фоне прогнозируемого снижения мировой экономики, гораздо более сильного, чем в 2009 г., ЮНКТАД пересмотрел и свои оценки. В обновленном специальном выпуске говорится о падении мировых инвестиций на 30–40% в течение 2020–2021 гг. [6, р. 1].

Изначально предполагалось, что главной причиной падения инвестиций станет разрыв и остановка поставок внутри глобальных цепочек

чек стоимости (ГЦС), в особенности, если эти цепочки концентрируются вокруг стран Азии (КНР, Республики Корея и Японии). Между тем стало очевидно, что меры по противодействию пандемии и локдаун по всему миру будут оказывать разрушительный эффект на все экономики, вне зависимости от их вовлеченности в ГЦС. Главным фактором, снижающим поток инвестиций, становится падение спроса.

Как правило, капиталовложения компаний реагируют на изменения в росте ВВП с некоторым лагом. Во время финансового кризиса 2008 г. инвестиции достигли своей низшей точки только в 2009 г., а наибольшее снижение этого параметра показали экономически развитые страны. Предполагается, что по ряду причин Covid–19 может оказать еще более негативное воздействие на капитальные потоки, чем предыдущий кризис. Во–первых, он может стать более масштабным, охватывая развивающиеся страны в той же или еще большей степени, что и развитые экономики. Во–вторых, более стремительным: шоковое падения спроса сопровождается вынужденной остановкой инвестиционных проектов или переносом сроков их реализации на неопределенный период времени. В–третьих, хотя пандемия не повлекла за собой кризис финансового сектора, но она может к нему привести, если пострадавшие компании не смогут выполнять принятые ранее финансовые обязательства. В этом случае глобальные инвестиционные потоки ожидает еще большее сокращение.

Предварительные данные за февраль 2020 г. свидетельствуют о почти пятикратном снижении стоимости сделок по трансграничному слиянию и поглощению (M&As). Откладываются и новые инвестиционные проекты (new greenfield projects), а база данных по анонсированным greenfield projects обычно служит основой для определения будущих инвестиционных трендов.

В результате резкого падения спроса и снижения цен на сырьевые товары во всем мире затормозились инвестиции в расширение рынков сбыта, а также в проекты, связанные с добывающими отраслями. Негативное воздействие испытывают и инвестиции в производственные мощности, которые тесно интегрированы в мировые цепочки добавленной стоимости (ГЦДС). Начиная с Китая, Восточной и Юго–Восточной Азии шоки быстро передаются по звеньям ГЦДС в другие регионы. При этом они затрагивают как поставщиков промежуточных товаров и услуг для китайского экспорта, так и тех, кто зависит от поставок промежуточной продукции из КНР. Так, к примеру, Fiat Chrysler Automobiles временно остановил производство модели Fiat 500L на своем предприятии в Сербии из–за отсутствия компонентов из Китая.

Кроме непосредственного механизма сокращения прямых иностранных инвестиций со стороны многонациональных корпораций

(МНК) действует и опосредованный механизм, который в ближайшем будущем скажется на перемещаемых объемах ПИИ. Речь идет о снижении доходов филиалов и дочерних компаний за рубежом и, как следствие, об уменьшении реинвестированных доходов. В среднем половина прибыли зарубежных структур МНК остается в принимающей стране в виде реинвестированных доходов.

Из 100 крупнейших мировых МНК 69 уже заявили, что COVID-19 отрицательно скажется на их деятельности. Из них 41 корпорация озабочена прибыльностью и возросшими рисками, 10 – предвидят снижение продаж, 12 ожидают проблем с производством или поставками, а 19 – обеспокоены всеми перечисленными проблемами [5, р. 2]. Абсолютное большинство МНК (80%), входящих в Топ 5000 и генерирующих основные потоки мировых ПИИ, ожидают снижения своих доходов в среднем на 30%. Следует отметить, что предварительные оценки влияния пандемии значительно разнятся в зависимости от отрасли или сектора производства. Так, объем услуг, вероятнее всего, будет изменяться в течение года. К числу наиболее пострадавших отраслей и производств относятся энергетика, отрасли, связанные с путешествиями и туризмом, и зависящая от ГЦДС автомобильная промышленность. Многие из пострадавших от кризиса отраслей в прошлом были важнейшими мировыми инвесторами, о чем говорит их доля в капитальных затратах (см. табл. 2).

Шоки, вызванные пандемией, по-разному сказываются на отдельных странах и регионах. Сопоставление предположительного падения доходов крупнейших мировых МНК и доли реинвестированных доходов последних в ПИИ<sup>1</sup> в предыдущие годы позволяет сделать вывод, что этот кризис, скорее всего, сильнее затронет развитые экономики (см. табл. 3). Среднее снижение прибыли компаний развитых стран составляет 35%, по сравнению с 20% в развивающихся экономиках. Наибольшие убытки несут США, за счет большой доли компаний энергетического сектора, а также европейские МНК – их предположительные потери выше, чем у азиатских производителей. Сильнейшее снижение ПИИ в странах с переходной экономикой обусловлено очень высокими долями (93%) реинвестированных доходов в структуре ПИИ.

Очевидно, что наибольший негативный эффект на потоки инвестиций оказывает сокращение потребления. При этом в большей степени страдают экономики и отрасли, имеющие сильную зависимость

<sup>1</sup> Реинвестированные доходы являются важнейшим компонентом ПИИ; в среднем на них приходится более половины притока ПИИ, поэтому падение общих доходов компании самым непосредственным образом влияет на будущий объем капиталовложений.

Таблица 2

## Изменение доходов и капитальных затрат крупнейших МНК

Отрасль / Сектор экономики	Число компаний, пересмотревших доходы	Изменение доходов в среднем (%)	Доля в капитальных затратах 2019 (%)
Добыча и переработка сырья и полезных ископаемых	483	-20	8
Циклические сектора*	810	-24	16
Воздушные перевозки	56	-116	2
Гостиничный и ресторанный бизнес, досуг	125	-41	2
Нециклические сектора*	447	-8	6
Энергетика	289	208	20
Здравоохранение	216	-2	3
Промышленность	910	-20	14
Автомобильная	169	-47	9
Технологический сектор**	412	-7	11
Телекоммуникации	125	-4	11
Коммунальные услуги	220	-9	10
<b>ВСЕГО:</b>	<b>3 912</b>	<b>-30</b>	<b>100</b>

\* сектора и отрасли, продукция и услуги которых востребованы на фазе экономического подъема и резко снижаются во время кризиса, в противоположность нециклическим или защищенным секторам.

\*\* разработка, производство и реализация высокотехнологичных товаров и услуг.

Источник: составлено автором по: UNCTAD, based on data from Refinitiv SA.

от поставок в рамках глобальных цепочек стоимости. Можно сказать, что эпидемия коронавируса ускоряет наметившиеся ранее тенденции к ослаблению ГЦС, уменьшению числа их звеньев, локализацию производства особо значимых товаров. Она может также спровоцировать очередной виток геополитического соперничества и протекционизма, усиления контроля государства за значимыми сделками. Так, регуляторные органы в США и Евросоюзе откладывают выдачу разрешения на осуществление запланированных ранее крупных сделок по слиянию и поглощению (в частности, компаний Amazon и Deliveroo, Boeing и Embraer) [6, p. 3].

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что экономическая ситуация зависит от степени распространения, силы и продолжительности эпидемии коронавируса в различных странах и регионах мира. Вместе с тем она также зависит и от масштабов и видов поддержки,

**Изменение доходов и реинвестирование прибыли крупнейших МНК  
(по регионам)**

Регион/страна	Число компаний, пересмотревших доходы	Изменение доходов в среднем (%)	Доля реинвестированных доходов в ПИИ 2018 (%)
<b>Развитые страны</b>	<b>2 663</b>	<b>-35</b>	<b>61</b>
<b>Развивающиеся страны</b>	<b>1 249</b>	<b>-20</b>	<b>40</b>
Африка	54	-11	27
Азия	1 031	-21	41
Сингапур	20	-30	...
Таиланд	36	-28	72
Республика Корея	149	-29	22
Малайзия	35	-26	...
Китай	416	-21	...
Латинская Америка и Карибы	124	-14	43
<b>Переходные экономики</b>	<b>40</b>	<b>-18</b>	<b>93</b>
<b>ВСЕГО:</b>	<b>3 912</b>	<b>-30</b>	<b>52</b>

Источник: составлено автором по: UNCTAD, based on data from Refinitiv SA.

которую государства и правительства оказывают своим экономикам. Именно эти пакеты мер будут определять продолжительность рецессии и скорость восстановления экономик. Многие из них включают мероприятия по поддержке инвестиций, в частности, ускоренную амортизацию капитальных затрат (особенно в странах Азии, где большая часть ВВП связана с инвестиционным спросом). Потоки прямых инвестиций испытывают на себе различные и асимметричные шоки и будут продолжать их испытывать в течение неопределенного периода времени. В то же время, если экономическая политика государств и мирового сообщества будет эффективно реагировать на вызовы, восстановление потоков капитала может стать достаточно быстрым, и отложенные инвестиции вернуться в свое русло.

## ЛИТЕРАТУРА

1. World Economic Outlook: The Great Lockdown. International Monetary Fund, April 2020. [www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020](http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/04/14/weo-april-2020).
2. Unparalleled Global Recession Underway. Fitch Ratings. [www.fitchratings.com/research/sovereigns/unparalleled-global-recession-underway-22-04-2020](http://www.fitchratings.com/research/sovereigns/unparalleled-global-recession-underway-22-04-2020).
3. Coronavirus business impact: Evolving perspective/McKinsey. [www.mckinsey.com/business-functions/risk/our-insights/covid-19-implications-for-business](http://www.mckinsey.com/business-functions/risk/our-insights/covid-19-implications-for-business).
4. Экстренный саммит лидеров «Группы двадцати». Заявление по новой коронавирусной инфекции COVID–19. <http://kremlin.ru/supplement/5485> (Ekstrennyj sammit liderov “Gruppy dvadcaty”. Zjavlenije po novoj koronavirusnoj infekcii COVID–19).
5. Investment Trends Monitor. UNCTAD. Impact of the Coronavirus outbreak on global FDI. [unctad.org/en/pages/publications/Global-Investment-Trends-Monitor-\(Series\).aspx](http://unctad.org/en/pages/publications/Global-Investment-Trends-Monitor-(Series).aspx).
6. Investment Trends Monitor. UNCTAD. Impact of the COVID–19 pandemic on global FDI and GVCs. Updated Analysis. [unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaeiainf2020d3\\_en.pdf](http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaeiainf2020d3_en.pdf).

## ABOUT THE AUTHOR

**Kvashnina Irina Anatolyevna** – Candidate of Economic Sciences, Leading Scientific Associate of the Federal State Budgetary Institution of Science – the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (the RAS), Moscow, Russia  
[irina.kvashnina@gmail.com](mailto:irina.kvashnina@gmail.com)

## THE IMPACT OF THE COVID–19 PANDEMIC ON THE GLOBAL ECONOMY AND FOREIGN DIRECT INVESTMENT FLOWS

The article summarizes and compares various forecasts for the development of the world economy under conditions of the pandemic. In particular, the scenarios of economic development, presented by the IMF, McKinsey international consulting Agency, Fitch international rating Agency, and others are considered. The differences between the current crisis and the global financial crisis of 2008–2009 are pointed out, the inevitability of strengthening the role of the state, central banks and international organizations to overcome it, is justified. Analyzing the impact of the economic downturn on world capital flows and on foreign direct investment (based on UNCTAD forecasts), it is concluded that shocks, caused by the pandemic, are distributed very unevenly, both across countries and regions, and across industries and sectors of the economy. The greatest negative impact on investment flows is caused by reduced consumption. Economies and industries, that are highly dependent on global value chains (GVS), were more vulnerable. The crisis caused by COVID–19 accelerates the previously outlined trends towards a weakening of GVCs, to decrease in the number of their links.

**Keywords:** *crisis, economic growth, investments, GVC.*

**JEL:** F21, F23.

**М.Н. ТОШМАТОВ**

кандидат экономических наук, и.о. профессора, проректор  
по учебной работе и управлению качеством образования  
Технологического университета Таджикистана

**Н.Т. МИРЗОРАХИМОВ**

аспирант Технологического университета Таджикистана

## **ФОРМИРОВАНИЕ ИННОВАЦИОННОГО КЛИМАТА – ОСНОВА ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**

В статье анализируется состояние инновационной деятельности в Республике Таджикистан. Выявлены основные факторы, влияющие на формирование инновационного климата. Для оценки состояния инновационного климата использованы такие количественные и качественные индексы, как глобальный инновационный индекс, индекс экономики знаний, индекс глобальной конкурентоспособности, индекс человеческого развития и др. Выявлены основные проблемы, предложены механизмы и пути создания благоприятного инновационного климата в Республике Таджикистан.

**Ключевые слова:** *инновационная деятельность, инновационная активность, инновационный климат, инновационная среда, инновационное развитие экономики.*

**JEL:** O30.

**DOI:** 10.24411/2073–6487–2020–10050

Инновационное развитие национальной экономики, как показывают многочисленные исследования, зависит от целого ряда причин, прежде всего от имеющихся в наличии интеллектуальных и финансовых ресурсов, от инновационной активности, инновационного потенциала и др. При этом существенно важным моментом является не только определение стратегических целей, но и четкая последовательность шагов по переходу на инновационный путь развития. На сегодняшний момент главной задачей экономической политики Республики Таджикистан становится создание инновационного климата, стимулирующего поиск, освоение и внедрение инноваций.

В настоящее время в экономической литературе понятие «инновационный климат» еще не установилось. Вместе с тем в научной литера-

туре данное понятие зачастую приравнивается к понятию «инновационная среда» в связи тем, что они воспринимаются как синонимы, что, по нашему мнению, не является таковым. Прежде чем рассмотреть взгляды разных исследователей по поводу интерпретации понятий «инновационный климат» и «инновационная среда», следует определить термины «климат» и «среда».

С точки зрения географической науки, климат представляет собой многолетний режим погодных условий, характерных для определенной местности, а среда – это окружающие условия, где протекает жизнь (природные условия жизнедеятельности) [7]. Следовательно, климат представляет собой часть среды, которая неподвластна человеческому влиянию, в отличие от среды, где человек взаимодействует с окружающими условиями.

На сегодняшний день существует достаточно много работ, посвященных инновационному климату и инновационной среде. Однако до сих пор общепринятая трактовка данных понятий отсутствует, также как и четкая граница между ними. Например, по мнению А.И. Пригожина [8], инновационная среда представляет собой социально-экономическую, политическую и нормативно-правовую обстановку, направленную на создание, реализацию и диффузию инноваций. По А.В. Тычинскому [11], инновационная среда – это сочетание внутренней и внешней среды участника инновационного процесса. И.М. Голова рассматривает инновационную среду как окружение участника инновационного процесса, оказывающее косвенное либо прямое влияние на условия инновационной деятельности и на ее результат [2].

В настоящее время исследователями предлагается достаточно большое количество самых разных определений понятия «инновационная среда». Однако при этом все исследователи выделяют один общий признак, определяющий понятие «инновационной среды», – окружение участника инновационного процесса, которое оказывает влияние на его инновационную деятельность [10]. Так, П. Шеко [12] под инновационным климатом понимает уникальную среду, которая предоставляет возможность для кооперации знания, бизнеса и ресурсов. По мнению В.Н. Гунина [3], инновационный климат представляет собой состояние внешней среды организации, содействующее или противодействующее достижению инновационной цели. И.М. Голова [1] под данным термином предлагает понимать определенные условия, имеющиеся на территории. В свою очередь О.В. Конаныхина [4] под данным термином понимает точечные воздействия представителей власти на факторы, повышающие качественные показатели региона.

По нашему мнению, наиболее полное определение инновационного климата дается Н.А. Кузьминых – «совокупность объективных экономических, социальных, политических, правовых и иных усло-

вий, которые могут создавать или не создавать привлекательность для инноваций. При этом инновационный климат формируется из инновационной активности, инновационного потенциала, инновационного риска» [5; 6].

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно отметить, что понятие «инновационная среда» более широкое, чем понятие «инновационный климат». Стоит подчеркнуть, что именно благоприятная инновационная среда создает инновационный климат, основным признаком которого являются условия, формирующиеся с помощью инновационного потенциала (страны, региона, предприятий).

Исследуя проблему инновационного климата, приходим к умозаключению, что на ее формирование влияют определенные факторы. Воздействуя на те или иные факторы развития инновационной деятельности (нормативно-правовые, социально-экономические и др.), на наш взгляд, можно формировать благоприятный инновационный климат (см. рис. 1).

В международной практике для оценки инновационного климата страны используются различные индексы и показатели. По нашему мнению, чтобы получить полную и достоверную информацию о состоянии экономики, с точки зрения благоприятности, необходимо использовать несколько индексов, характеризующих количественные и качественные показатели.

Глобальный инновационный индекс (The Global Innovation Index). Данный документ является совместным изданием Корнельского университета, школы бизнеса INSEAD и Всемирной организации интеллектуальной собственности. Основу доклада составляет рейтинг стран мира по потенциалу инновационной деятельности (позиция Таджикистана: человеческий капитал – 87, инфраструктура – 124, институты – 117, сложность рынка – 43, деловая сложность – 105) и ее результатам (позиция Таджикистана: результаты знаний и технологий – 75, творческой деятельности (креативность) – 97).

Индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index). Ежегодный доклад по определению и оценке инновационного потенциала подготавливается Всемирным экономическим форумом (ВЭФ). Рейтинг определяется по 12 контрольным показателям, согласно которым Республика Таджикистан занимает нижние строчки в данном рейтинге: «Качество институтов» (81), «Эффективность рынка труда» (70), «Инновационный потенциал» (116): «Инфраструктура» (87), «Макроэкономическая стабильность» (109), «Здоровье и начальное образование» (93), «Высшее образование и профессиональная подготовка» (72), «Эффективность рынка товаров и услуг» (64), «Развитость финансового рынка» (125), «Уровень технологического развития» (108), «Размер внутреннего рынка» (122), «Конкурентоспособность компаний» (102).

Глобальный инновационный индекс 2018

№	Страна	Место в рейтинге
1	Швейцария	1
2	Нидерланды	2
3	Швеция	3
4	Россия	46
5	Иран	65
6	Казахстан	74
7	Кыргызстан	94
8	Таджикистан	101

Источник: составлено авторами по: WIPO. The Global Innovation Index 2018.

Согласно данному индексу, Таджикистан занимает 101 место в рейтинге среди 126 стран мира.

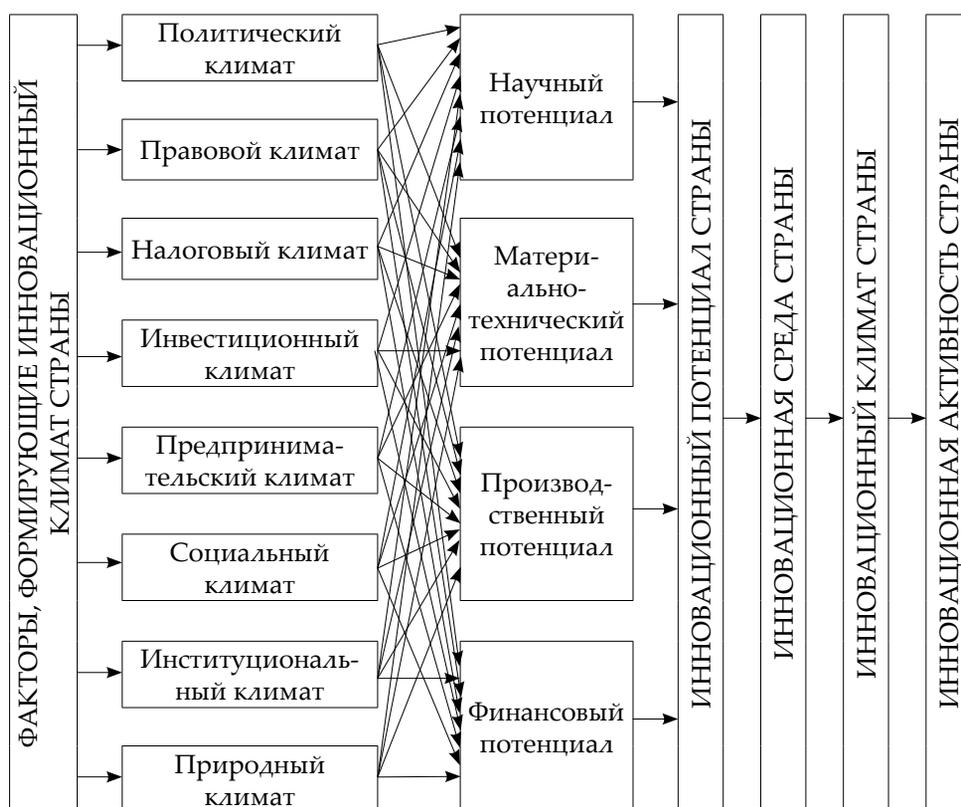


Рис. 1. Основные элементы инновационного климата страны и их взаимосвязь.

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

## Рейтинг глобальной конкурентоспособности 2018

№	Страна	Место в рейтинге	Индекс
1	США	1	85,6
2	Сингапур	2	83,5
3	Германия	3	82,8
4	Россия	43	65,6
5	Казахстан	59	61,8
6	Украина	83	57,0
7	Кыргызстан	97	53,0
8	Таджикистан	102	52,2

Источник: составлено авторами по: World Economic Forum. The Global Competitiveness Report 2018.

Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index). Представляет собой комплексный показатель, подготавливаемый Всемирным Банком, характеризующий уровень развития экономики знаний, оцениваемый по десятибалльной шкале. В настоящее время Всемирным Банком рассчитаны индексы экономики знаний для 1995 г., 2000 г. и для 2012 г.

Таблица 3

Рейтинг стран по уровню развития экономики знаний  
(индекс экономики знаний, KEI)

№	Страна	Оценка 2012	Рейтинг 2012	Рейтинг 2000	Рейтинг 1995
1	Россия	5,78	55	64	55
2	Казахстан	5,04	73	78	75
3	Кыргызстан	3,82	95	82	86
4	Узбекистан	3,14	105	101	90
5	Таджикистан	3,13	106	102	105

Источник: составлено авторами по: <http://www.worldbank.org/kam>.

Индекс экономики знаний оценивает готовность страны к переходу к экономике знаний и представляет собой среднеарифметическое значение трех других индексов:

- долголетие, которое рассчитывается на основе средней продолжительности жизни в стране;
- образование, которое рассчитывается на основе доли грамотного населения и доли, обучающихся среди людей в возрасте от 7 до 24 лет;

– доход, который рассчитывается на основе ВВП на душу населения по паритету покупательной способности.

ООН делит страны на четыре группы по уровню развития человеческого капитала: с очень высоким – Россия (0,816), Казахстан (0,800), высоким – Узбекистан (0,710), Туркменистан (0,706), средним – Кыргызстан (0,672) и с низким уровнем человеческого развития. По последним оценкам, к сожалению, Таджикистан (0,650) входит в предпоследнюю группу<sup>1</sup>.

Рейтинг «Ведения бизнеса» (Doing business). Ежегодно издается группой Всемирного банка, в которой каждой стране присваивается соответствующая позиция (из 190 позиций) в рейтинге благоприятности условий ведения бизнеса. Чем выше позиция страны в рейтинге, тем благоприятнее предпринимательская среда для открытия и функционирования предприятия. В рейтинге используются количественные показатели, которые оценивают уровень благоприятности правовых норм, применяемых в отношении частных предприятий по 10 видам и этапам их деятельности.

Согласно данным рейтинга «Ведение бизнеса 2018», Таджикистан занимает 123 позицию из 190. Из 10, включенных в рейтинг, по трем Таджикистан находится в первой половине списка: «Создание предприятий» (57), «Защита миноритарных инвесторов» (33), «Обеспечение исполнения контрактов» (54). По остальным находится внизу рейтинга (находится на уровне отсталых стран): «Получение разрешений на строительство» (136), «Подключение к системе электроснабжения» (171), «Получение кредитов» (122), «Регистрация собственности» (90), «Налогообложение» (132), «Международная торговля» (149), «Разрешение неплатежеспособности» (148).

Анализ показывает, что инновационный климат в Республики Таджикистан не соответствует требуемому. Существуют определенные проблемы, препятствующие формированию благоприятного инновационного климата: недостаточно проработанные нормативно-правовые акты; недостаточность финансирования; неразвитость инновационной инфраструктуры; низкий уровень материально-технического вооружения; численность занятых научными исследованиями и разработками.

Стоит отметить, что в Стратегии инновационного развития Республики Таджикистан были предложены конкретные шаги по созданию благоприятного инновационного климата страны, а именно:

- устранение барьеров, сдерживающих развитие инновационной активности предприятий и распространение в экономике инновационных технологий;

<sup>1</sup> [hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi](http://hdr.undp.org/en/content/human-development-index-hdi).

- усиление стимулов к постоянной инновационной деятельности, разработке и распространению новых технологий для обеспечения конкурентоспособности бизнеса;
- оздание благоприятных условий для создания инновационных компаний и развития новых рынков.

В Стратегии также предусмотрены меры по следующим направлениям:

- улучшение условий для справедливой конкуренции и усиления мотиваций бизнеса к инновациям (повышение оперативности и действенности реагирования антимонопольных органов, определение принципов контроля за преференциями отдельным компаниям);
- совершенствование процесса регулирования рынков продукции и услуг и отраслевого регулирования для обеспечения благоприятных условий, способствующих распространению передовых технологий (регулярная оценка состояния нормативной правовой базы, способствующая распространению инновации в экономике; разработка последовательных шагов по совершенствованию регулирования рынков; активная работа с отраслевыми бизнес-ассоциациями, отечественными и иностранными инвесторами; формирование технологических платформ, основывающихся на партнерстве бизнеса, науки и государства);
- вовлечение в оборот прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при финансовой поддержке государства (упрощение порядка передачи используемых прав на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе передачи данных от правообладателя их непосредственным создателям, введение административной ответственности по государственному контракту за невыполнение обязанностей по своевременному закреплению прав собственности на результаты интеллектуальной деятельности, формирование плана коммерциализации интеллектуальной собственности);
- совершенствование налоговых условий, предусматривающее стимулирование для ведения инновационной деятельности, снижение уровня налоговой нагрузки на малые и средние инновационные предприятия (предоставление дополнительных льгот по обязательным страховым взносам, создание благоприятного режима для осуществления венчурного инвестирования, расширение использования налоговых льгот для инвесторов, введение льготного налогообложения для резидентов технопарка и научно-инновационных центров, предоставление налоговых льгот для инжинирингового бизнеса и бизнеса в сфере информационных технологий);

- интенсификация усилий по улучшению инвестиционного климата (сокращение государственного участия в экономике; активизация приватизационных процессов в сочетании с привлечением стратегических инвесторов; реализация мер по повышению инновационной привлекательности, с использованием всех инструментов налогового и тарифного регулирования; повышение прозрачности использования иностранных инвестиций; упрощение процедур предоставления земельных участков для создания новых высокотехнологичных предприятий);
- стимулирование притока квалифицированных специалистов.

Однако указанные меры пока не дали положительных результатов в решении проблемы создания благоприятного инновационного климата и инновационного развития экономики Республики Таджикистан, а остались формальными. Для перевода экономики на инновационный путь развития, на наш взгляд, необходимо более тщательно проанализировать показатели всех рейтингов по оценке инновационного климата. Именно индексы дают наиболее ясную картину и позволят выявить те факторы, которые препятствуют формированию инновационного климата в Республике Таджикистан.

Опыт развитых стран показывает, что создание благоприятного инновационного климата осуществляется при активном участии государства, прежде всего с помощью государственной инновационной политики (разработка стратегии, принятие законодательных основ, построение НИС и т. п.). Необходимо, чтобы государство использовало прямые инструменты регулирования инновационной деятельности (практика госзаказа, принятие специальных программ, создание фондов) в сочетании с косвенными мерами (налоговые льготы, ценовая политика). Считаем, что эти инструменты создадут благоприятные условия для развития наукоемкого бизнеса в стране.

Предлагаемые авторами методы направлены на создание и поддержку благоприятного инновационного климата, без которого невозможно представить инновационное развитие национальной экономики. Создание благоприятного инновационного климата позволит повысить инновационную активность хозяйствующих субъектов и будет способствовать созданию, внедрению и распространению наукоемкой продукции.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Голова И.М. Инновационный климат региона: проблемы формирования и оценки. Екатеринбург: ИЭ Уральского отделения РАН, 2007.
2. Голова И.М. Инновационный климат региона как условие социально-экономического развития: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / И.М. Голова. Екатеринбург, 2008.

3. Гунин В.Н. Управление инновациями: 17–модульная программа для менеджеров «Управление развитием организации». Модуль 7 / В.Н. Гунин, В.П. Баранчеев, В.А. Устинов, С.Ю. Ляпина. М.: ИНФРА-М, 2000.
4. Конаныхина О.В. Формирование системы управления инновационным климатом региона // Вестник АГТУ. Серия: Экономика. 2010. № 2. С. 184–189.
5. Кузьминых Н.А. Механизм управления инновационным развитием социально–экономических систем в современных условиях. М.: Изд-во «Палеотип», 2013.
6. Кузьминых Н.А. Формирование и оценка инновационного климата // Гуманитарные и социально–экономические науки. 2013. № 4. С. 132–135.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: ИТИ Технологии, 2003.
8. Пригожин А.И. Нововедения: стимулы и препятствия (социальные проблемы инноватики). М.: Политгиздат, 1989.
9. Стратегия инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 года от 30 мая 2015 года № 354.
10. Трофимов В.М. К вопросу о понятиях «инновационная среда» и «инновационный климат» в современной экономической науке // Известия Иркутской государственной экономической академии: электрон. науч. журнал. БГУЭП. 2011. № 6.
11. Тычинский А.В. Управление инновационной деятельностью компании. Таганрог: ТРТУ, 2006.
12. Шеко П. Инновационный хозяйственный механизм // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 2. С. 71–78.

#### ABOUT THE AUTHORS

**Toshmatov Makhmud Negmatovich** – Candidate of Economic Sciences, Acting Professor, Vice-Rector for Academic Affaires and Quality Management at the Technological University of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan  
t.makhmud@mail.ru

**Mirzorahimov Nematjon Tohirovich** – Post Graduate Student of the Technological University of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan  
nemat@list.ru

#### FORMATION OF AN INNOVATIVE CLIMATE IS THE BASIS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY

The article analyzes the state of innovative activity in the Republic of Tajikistan. The main factors influencing the formation of the innovation climate were identified. To assess the state of the innovation climate the global innovation index, the knowledge economy index, the global competitiveness index, the human development index were used. The main problems were identified, some mechanisms and ways to create a favorable innovation climate in the Republic of Tajikistan were suggested.

**Keywords:** *innovative activity, innovative climate, innovative environment, innovative economic development.*

**JEL:** O30.

## ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

---

---

**И.В. МЕДВЕДЕВ**

аспирант Института экономики и управления  
Тверского государственного университета

### **РОЛЬ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТАХ «ОДИН ПОЯС – ОДИН ПУТЬ»: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

Рассматривается роль российских компаний в экономических интеграционных проектах «Один Пояс – Один Путь» («ОПОП»). Используя структурно-уровневый и институционально-эволюционный подходы, автор исследует возможности и степень участия российских компаний в проектах «ОПОП». Сделан вывод о том, что эволюционные сдвиги в корпоративном секторе России требуют адаптации институциональной базы к проектам «ОПОП», как одной из ключевых составляющих процесса успешной реализации «Евразийского сухопутного моста» на территории России. Это открывает возможности для конкуренции за инфраструктурные инвестиции со странами – транзитерами Центральной и Восточной Европы.

**Ключевые слова:** корпоративные связи, экономическая интеграция как основа для развития, Центральная и Восточная Европа, Китай, транзитный потенциал.

JEL: B50, B52, Z18.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10051

#### **Введение**

Инициатива КНР под названием «Один Пояс – Один путь» («ОПОП») является амбициозным проектом наращивания товарооборота Китая на платежеспособных рынках стран Западной Европы. Большой интерес представляют страны-транзитеры, которые начинают играть важную роль в экономических интеграционных процессах, инициированных Китаем в рамках проекта. Хотя первоначально эти страны не представляли для КНР большого интереса как непо-

средственные торговые партнеры, они оказались важными в качестве необходимых звеньев создающегося глобального международного транспортного коридора (МТК).

Администрирование столь масштабного МТК, проходящего по территории большого числа стран и различных интеграционных объединений, предъявляет определенные требования к институциональной структуре экономик стран-транзитеров, одной из которых является Российская Федерация. При этом Россия не только обладает потенциалом для участия в реализации проекта «Евразийского сухопутного моста», но и представляет интерес для КНР в качестве торгового партнера.

Осуществление проекта «ОПОП» на территории России имеет свою специфику. Она заключается в большой роли российских государственных компаний в его реализации. В настоящее время существует ряд факторов, которые не позволяют в полной мере реализовать потенциал региональной экономической интеграции на постсоветском пространстве в рамках «ОПОП». Автор статьи, используя структурно-уровневый и институциональный подходы, анализирует вызовы, тормозящие экономические интеграционные процессы, а также роль крупных российских государственных корпораций в этих процессах.

### **Влияние корпоративной структуры России на экономическую интеграцию в регионе: структурно-уровневый подход**

Влияние крупных компаний России на реализацию интеграционных проектов «ОПОП» исследуется с помощью структурно-уровневого подхода и анализа различных критериев, характеризующих разные сферы хозяйственной системы страны, а также их дифференциации на технико-экономический, социально-экономический и хозяйственный уровни функционирования. Техничко-экономический и социально-экономический уровни образуют «ядро», на базе которого функционирует хозяйственная система страны или региона. Само «ядро» хозяйственной системы является системообразующим звеном, на котором основывается система хозяйствования с соответствующей институциональной, организационной и хозяйственной надстройкой. Хозяйственный уровень разделяется на организационно-экономический, институциональный и собственно хозяйственный подуровни.

Основные проблемы связаны с недостаточной заинтересованностью крупного бизнеса в лице российских государственных компаний в проектах с большим сроком окупаемости, к которым относятся

и проекты «ОПОП»<sup>1</sup>. Это, в свою очередь, не позволяет эффективно реализовать транзитный потенциал страны с перспективой создания «Евразийского сухопутного моста» как составной части проектов «ОПОП» (см. табл. 1).

Анализ с помощью приведенных критериев позволяет сделать вывод о том, что имеющиеся «ядро» хозяйственной системы России зиждется на «полурыночном» механизме функционирования, где основными игроками выступают государственные корпорации сырьевого сектора [1, с. 186]. Специфика развития и функционирования государственных компаний показывает, что инвестиции этих компаний внутри страны были связаны с государственной стратегией развития сырьевого сектора. Это определило транспортную освоенность территорий и заинтересованность государственных компаний в получении льгот на создание сопутствующей инфраструктуры. Корпоративная структура, связанная с имеющимися «принципами и методами достижения формального соглашения между всеми участниками корпоративной организации о правилах, координирующих их деятельности, а также условиях эффективного взаимодействия с субъектами окружения корпорации» [2, с. 52], не позволяет на текущий момент эффективно реализовывать масштабные проекты региональной экономической интеграции.

Примером такого положения является СНГ, который не справился с задачей реинтеграции бывших советских республик в единое экономическое пространство из-за рыночного характера экономической интеграции в условиях неравенства экономик [3, с. 63]. В схожей ситуации находится и ЕАЭС, который также столкнулся с невозможностью дальнейшего развития на фундаменте «полурыночной» основы экономических интеграционных процессов. Приоритет государственной стратегии по развитию энергетики также негативно сказался на проектах «ОПОП». Так Высокоскоростная магистраль (далее ВСМ) Москва–Казань, которая имела перспективы расширения до транспортного коридора ВСМ Москва–Пекин, была заморожена на стадии проектирования.

Имеющиеся проблемы приводят к появлению институциональной ловушки. Она заключается в том, что из-за устаревания фундамента хозяйственной системы ключевого игрока в регионе и отсутствия значительных успехов в модернизации экономики невозможно

---

<sup>1</sup> Проекты «Один Пояс – Один Путь» являются крупными инфраструктурными проектами. Ответственность за их развитие и реализацию ложится на государство и государственные компании. Степень огосударствления в отраслях, связанных с транспортом и сопутствующей инфраструктурой, очень высока. Это предопределяет участие государственных компаний России в качестве ключевых игроков в реализации интеграционных проектов «ОПОП», что можно увидеть на примере критериального анализа функционирования государственных компаний.

Таблица 1

Анализ деятельности крупных государственных компаний в хозяйственной системе страны на основе критериев технико-экономического и социально-экономического уровней их функционирования

Критерии	Характеристика критериев	Технико-экономический уровень	Социально-экономический уровень
<p>Ресурсы:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– полезные ископаемые;</li> <li>– технологии;</li> <li>– территория</li> </ul>	<p>Ресурсный потенциал российских компаний определен сложившимся технико-экономическим комплексом времен СССР, который имел традиционно сильные позиции в сфере ВПК и в сырьевом секторе. Этот фундамент, а также положительная динамика роста мировых цен на нефть с начала 2000-х по 2008 г. предопределили производственные цепочки, которые оказались сильно завязаны на крупнейшие российские государственные корпорации. Это определяет особенности экономической интеграции и системы внешнеэкономических отношений России с сопредельными странами на технико-экономическом и социально-экономическом уровне. Подобное развитие российских государственных компаний определило механизм экономической интеграции в ЕАЭС на основе нефтегазовых трансфертов.</p>	<p>До недавнего времени основной интерес для крупных государственных компаний России представляли инфраструктурные проекты в регионах, которые формируют 60% федерального бюджета. К ним относятся ХМАО, ЯНАО и мегаполисы в лице Москвы и Санкт-Петербурга. В качестве примера можно привести «Северный Широтный ход». Усилиями РЖД и «Газпрома» там предпринимается попытка сокращения времени доставки грузов в Западную Сибирь путем создания 707 км железнодорожного коридора. Он обеспечит связь промышленных районов Урала и арктической территории Ямала. Затраги со стороны «Газпрома» составили 130 млрд руб. Планируемый совокупный объем инвестиций оценивается в 236 млрд рублей. Однако по причине отсутствия бюджетного решения и неблагоприятной конъюнктуры цен на сырье этот проект неоднократно переносился и имеет все шансы быть замороженным.</p>	<p>Точное развитие инфраструктуры, связанное с усилением традиционно сильных отраслей промышленности России в сырьевом секторе и секторе ВПК, привели к сильному расслоению экономически активных регионов и к планомерному снижению числа регионов-доноров. По состоянию на 2001 г. количество регионов-доноров составляло 25. В 2019 г. количество этих регионов составляло 13. Подобная ситуация заставляет переосмысливать текущее «ядро» функционирования хозяйственной системы на технико-экономическом и социально-экономическом уровнях в России и отчасти в ЕАЭС в связи с их снижающейся эффективностью как драйвера экономического развития страны и региона в целом.</p>

Продолжение табл. 1

Критерии	Характеристика критериев	Технико-экономический уровень «Один пояс – Один путь»	Социально-экономический уровень
<p>Трудовые ресурсы:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– социально-экономические условия для населения;</li> <li>– плотность населения;</li> <li>– инфраструктура</li> </ul>	<p>Технико-экономический комплекс, представленный ВПК и сырьевым сектором, позволил ряду российских компаний стать крупнейшими компаниями по численности сотрудников. «Большую тройку» компаний по численности работников в 2019 г. составили «Ростех», «Газпром» и «Роснефть». Общее количество сотрудников государственных компаний составляет более 4 млн человек (5% экономически активного населения России).</p>	<p>Сильные позиции государственных компаний России, прежде всего в нефтегазовой сфере, в машиностроении и в банковской сфере, определяют степень развитости инфраструктуры (в т. ч. транспортной) и плотность экономически активного населения. Это приводит к миграционным процессам, связанным с концентрацией трудовых ресурсов в крупнейших агломерациях (Москва и Санкт-Петербург) и с работой по вахтовому методу в нефтегазовых регионах России.</p>	<p>Большая роль государственных компаний в обеспечении процесса производства товаров и услуг и сложившаяся в связи с этим миграционная ситуация приводят к экономической деградации большей части регионов РФ. Хотя тенденция внутренней миграции имеет общемировой характер, это не снимает ряда негативных последствий для России. Причине – в структуре экономики, сильно зависящей от сырьевых доходов. Это определяет уровень жизни в крупных агломерациях и необходимость дотаций для стабилизации ситуации в регионах с убывающим населением.</p>

Критерии	Характеристика критериев	Технико-экономический уровень	Социально-экономический уровень
<p>Экономические факторы:</p> <ul style="list-style-type: none"> <li>– экономико-географическое положение;</li> <li>– транспортная освоенность территории;</li> <li>– особенность финансово-экономической политики</li> </ul>	<p>В настоящий момент РФ обладает выданным географическим положением между несколькими интеграционными объединениями – СНГ, ЕАЭС, ЕС и АСЕАН. Транспортная освоенность территории России приходится преимущественно на Европейскую часть. Остальная часть страны имеет небольшую степень транспортной освоенности. Особенность финансово-экономической политики России – активное развитие сырьевого сектора, связанное с предоставлением льгот нефтегазовым компаниям (экспортных льгот и льгот по НДС).</p>	<p>Географическое расположение между двумя активно развивающимися интеграционными объединениями обеспечивает рынки сбыта российской продукции. Это платежеспособные рынки ЕС, а также Китая как крупнейшего потребителя энергоресурсов стран АСЕАН. Спрос на энергоресурсы привел к активному развитию трубопроводного транспорта, предоставлению льгот нефтегазовым компаниям на разработку дополнительных месторождений.</p>	<p>Обрушение цен на сырье создает опасную ситуацию из-за коллапса трубопроводного транспорта в связи с переполненностью НПЗ и возможной консервацией большей части нефтяных месторождений России, заморозкой текущих проектов наращивания добычи углеводородов и развития сопутствующей ей транспортной инфраструктуры. Мораторий на предоставление льгот нефтегазовым компаниям в связи с изменением конъюнктуры цен на сырье значительно изменит ситуацию. Доля компаний, занятых в секторе высоких технологий, остается крайне низкой. Поэтому невозможно рассматривать сценарий с быстрой модернизацией экономики России на базе высоко-технологичного производства.</p>

Источник: составлено автором.

реализовать проекты экономической интеграции в рамках СНГ, ЕАЭС и соответственно «ОПОП». Уместно напомнить о том, что «модернизация российской экономики на основе нового технологического уклада и на принципах нового мирохозяйственного уклада без перестройки системы управления развитием экономики невозможна. Многолетние политические установки по переводу российской экономики на инновационный путь развития, обеспечению опережающего развития, повышению нормы накопления и т. п. не дали результата» [4, с. 75].

Ситуация усугубляется внешними шоками в виде текущей конъюнктуры цен на сырье, формирующей «ядро» хозяйственной системы страны. Это не может не сказываться на экономических интеграционных процессах в регионе. Крупные игроки на постсоветском пространстве в лице государственных корпораций России вынуждены менять приоритеты в своих корпоративных стратегиях в части инвестирования средств в новые проекты или реформирования государственных компаний в рамках трансформации национальной экономики.

Пока технологическое развитие страны, связанное с модернизацией технико-экономического уклада с преобладанием сектора высоких технологий, видится, скорее, как далекая перспектива. В качестве подтверждения можно привести слова Д.Е. Сорокина о том, что в «Концепции-2020, поставившей задачу структурной диверсификации экономики на основе инновационного технологического развития, позитивные сдвиги (несмотря на отдельные впечатляющие примеры) в целом не обозначились» [5].

Имеющиеся вызовы показывают необходимость эволюционных сдвигов российской экономики. Текущий технологический уровень развития страны не позволяет говорить о новом «ядре» хозяйственной системы, которое бы основывалось на инновациях в рамках четвертой промышленной революции. В результате возникают вопросы: о каких эволюционных сдвигах в российской экономике может идти речь? и как будет происходить трансформация крупного бизнеса в России в новых условиях?

### **Институционально-эволюционный подход к развитию проектов «ОПОП» на территории России.**

При использовании институционально-эволюционного подхода к исследованию качественных или институциональных систем некоторые авторы выделяют проблемы, требующие особого рассмотрения. Так В.В. Вольчик выделяет две проблемы. Во-первых, он утверждает, что эволюционные процессы в экономике являются неэргодическими по своей природе, а, во-вторых, что экономика является адаптивно-сложной системой [6, с. 63].

При анализе экономических интеграционных процессов между Россией и КНР и проектов «ОПОП» задача усложняется тем, что во внимание принимается не только сама система национальной экономики и ее корпоративной структуры, но и взаимодействие с внешней средой. Это является ключевым фактором успеха реализации «Евразийского сухопутного моста» на территории России и сопредельных стран.

Для анализа перспектив развития указанных проектов на территории страны автор решил исследовать сферу, которая наиболее подвержена влиянию внешней среды. Поэтому необходимо было рассмотреть перспективы адаптации корпоративного сектора России к требованиям проектов «ОПОП».

В институционально-эволюционном подходе корпоративные отношения неразрывно связаны с корпоративной структурой. Имеется в виду «круг отношений и распределение соответствующих обязанностей между руководством и служащими корпоративной структуры и рядовыми акционерами как внутри организации, так и во взаимодействии с внешней средой» [7, с. 3]. В России особый интерес и важность будет представлять взаимодействие корпоративного сектора с внешней средой. Иными словами, необходимо определить возможность и целесообразность «адаптации» и «импорта» тех моделей и институтов, которые могут унифицировать подход к администрированию и развитию проектов «ОПОП» на территории большого числа стран – участниц транспортного коридора.

Процессы, связанные с глобализацией экономики, ведут к усилению роли «глобальных стандартных институтов (ГСИ)» [8] в сфере стандартизации национальной экономики и ее интеграции в глобальные цепочки добавленной стоимости. Результатом этих процессов будет являться изменение как институциональной среды, так и институциональной структуры функционирования экономики России и российских компаний. Для проектов «ОПОП» на территории России это ведет к изменениям, основанным на адаптации и импорте глобальных стандартных институтов наподобие формата 16+1, который используются при реализации проектов «ОПОП» на территории стран-транзитеров Центральной и Восточной Европы (далее ЦВЕ). Рассмотрим пример ГСИ в формате 16+1 по сотрудничеству КНР со странами ЦВЕ по созданию Морского шелкового пути XXI в.

### **Формат 16+1 как глобальный стандартный институт развития проектов «ОПОП» на территории Центральной и Восточной Европы**

Текущие тенденции развития транзита в странах Центральной и Восточной Европы интересны с точки зрения транзитного потенциала и конкуренции за проекты, связанные с созданием новых торго-

вых маршрутов. Большой интерес представляет ГСИ в виде формата «16+1» как средство адаптации институциональной системы стран ЦВЕ к проектам Шелкового пути, который, как и «Евразийский сухопутный мост», является частью «ОПОП».

До анонса проекта «ОПОП» формат сотрудничества «16+1» являлся формой сотрудничества Китая с Центральной и Восточной Европой по общим вопросам, связанными с торговлей и инвестициями в инфраструктуру. Партнерами Китая по указанному формату являются 11 стран Евросоюза: Эстония, Латвия, Литва, Польша, Венгрия, Чехия и Словакия, Румыния, Болгария, Хорватия, Словения, а также несколько стран, не входящих в ЕС: Это Албания, Босния и Герцеговина, Македония, Черногория и Сербия. Рассмотрим долю некоторых партнеров стран ЦВЕ в китайском экспорте (см. табл. 2).

Таблица 2

Доля партнеров из стран ЦВЕ в Китайском экспорте в 2013–2018 гг., %

Год	Польша	Венгрия	Словения	Словакия	Хорватия
2013	0,531	0,238	0,072	0,132	0,059
2014	0,572	0,231	0,081	0,116	0,043
2015	0,601	0,216	0,089	0,119	0,038
2016	0,682	0,246	0,105	0,132	0,048
2017	0,732	0,25	0,115	0,111	0,045
2018	0,749	0,246	0,168	0,093	0,047
среднее	0,645	0,238	0,105	0,117	0,047

Источник: рассчитано автором по: UNCTADstat и Trading Economics.

Данные, приведенные в таблице, подтверждают, что страны ЦВЕ не являются основными торговыми партнерами КНР и, следовательно, не представляют интереса как основные рынки сбыта китайской продукции. Однако, несмотря на очень малую долю этих стран в экспорте Китая, основной целью указанного формата сотрудничества является развитие транзитного потенциала стран ЦВЕ для последующего выхода товаров из КНР на рынок основных стран-партнеров Западной Европы (3% китайского экспорта, по данным World's top exports<sup>2</sup>) [9]. В связи с этим формат «16+1» является показательным примером взаимовыгодного сотрудничества стран с большим разрывом в экономическом потенциале.

<sup>2</sup> China's Top Trading Partners in 2020 URL: <http://www.worldstopexports.com/chinas-top-import-partners> (дата обращения: 21.04.2020).

С точки зрения инвестора из КНР, указанный формат сотрудничества имеет ряд весомых преимуществ. Во-первых, он ориентирован на страны Восточной Европы, которые имеют большую потребность в развитии транспортной инфраструктуры, не располагая при этом необходимыми финансовыми ресурсами на проекты с большим сроком окупаемости. Во-вторых, эта форма сотрудничества рассчитана на заключение двусторонних договоренностей с отдельными странами, входящими в ЕС.

В качестве примера взаимовыгодного сотрудничества в формате «16+1» можно назвать китайские инвестиции в Польшу, которая имеет наиболее удачное расположение на перекрестке двух основных международных торговых маршрутов (маршрут Север–Юг от стран Северной Европы до Юга Китая и маршрут Восток–Запад от России до Германии через Польшу и Белоруссию). Польша (на долю которой приходится 30% от общей торговли Китая со странами восточной Европы) является основным торговым партнером Китая в Восточной Европе, что обеспечивает ей выгодные позиции для китайских инвестиций в национальную экономику и транспортную инфраструктуру. Это, в свою очередь, открывает возможности для дальнейшего развития грузовых узлов на территории страны для увеличения товаропотока в Германию и страны Западной Европы.

В числе проектов «ОПОП» в Восточной Европе (в частности, международного торгового маршрута Север–Юг) на текущий момент одним из флагманских является высокоскоростная железнодорожная магистраль между Белградом и Будапештом [10]. Указанный проект разрабатывается консорциумом компаний под руководством CREC (China Railway Group Limited), имеющей большой опыт в инфраструктурных проектах в Азии и Африке [11].

В рамках двусторонних соглашений с Сербией и Венгрией КНР через Эксимбанк и Государственный банк развития Китая будет инвестировать в железнодорожную магистраль, стоимость которой оценивается в 3,2 млрд евро. В 2017 г. инициатива была на короткое время заморожена Венгрией по причине необходимости согласования публичного тендера на этот крупный транспортный инвестиционный проект с управляющими органами ЕС. В том же году согласование по строительству было завершено, и в Венгрии стали аккумулироваться около половины общего объема китайских инвестиций в Центральную и Восточную Европу. В долгосрочной перспективе участок указанной железнодорожной магистрали будет являться составной частью логистического средиземноморского хаба в порту Пирей (Греция) [12, с. 4].

Грузовой узел в порту Пирей является альтернативой существующих хабов в Северной Европе (порты Гамбурга, Роттердама и Антверпена) и более выгоден с точки зрения временных затрат (сокращение

сроков доставки морских транспортов от 4 до 10 дней). Согласно данным COSCO (China Ocean Shipping Company), идет активное инвестирование в инфраструктуру терминалов порта Пирей. По состоянию на 2016 г. COSCO выкупила контрольный пакет акций у дирекции порта Пирей за 368,5 млн евро (51% акций в 2016 г. с правом выкупа 16% акций в течение 5 лет). Основной целью COSCO является развитие мультимодальных перевозок из Китая в Центральную и Восточную Европу через порт Пирей. По оценке COSCO, с новой инфраструктурой доставка одного TEU из порта Нинбо (КНР) в порт Пирей, а затем железнодорожная перевозка из Пирея в Будапешт будет занимать 26 дней. Стоит отметить, что создание грузового порта Пирей во многом является продолжением «Инициативы трех морей», активно поддерживаемой Хорватией в рамках формата «16+1». Проект «Инициативы трех морей» должен обеспечить формирование транспортной инфраструктуры, соединяющей Балтийское море, Черное море и Адриатическое море. Еще одним крупным проектом является инициатива Украины «Go Highway» по созданию транспортного коридора протяженностью 1746 км между портами Гданьск и Гдыня в Польше и Одессой на юге Украины. Этот проект, который был поддержан Евросоюзом, должен уменьшить время транзита между указанными портами с 23 до 15 часов. Стоимость строительства коридора оценивается в 2 млрд евро [13]. Учитывая, что проект транспортного коридора позиционируется как составная часть Шелкового Пути, существует вероятность расширения формата «16+1» с добавлением Украины для разработки единой транспортной инфраструктуры стран Восточной и Центральной Европы.

Китайские компании в лице COSCO и других портовых операторов активно инвестируют в инфраструктуру, связанную с созданием новых терминалов в портах Европы. Например, COSCO, как и другие китайские компании, имеют головные офисы в Гамбурге. На текущий момент порт Гамбурга принимает около трети всех контейнерных перевозок из Китая в страны ЕС. Увеличение грузооборота обеспечивается, прежде всего, транспортной инфраструктурой в виде подъездных путей для автомобильного, железнодорожного и морских видов транспорта. Относительно недавно инвесторами из КНР были предприняты попытки увеличения товарооборота через порты Северной Европы. Так, в 2017 г. компания CCCG (China Communications Construction Group) предложила построить новый глубоководный порт в городе Люсечиль (южная Швеция). Однако этот проект был забракован по причине несоответствия экологическим стандартам, что предопределило стратегию развития транспортной инфраструктуры в Восточной и Центральной Европе. К имеющимся логистическим хамам в Роттердаме, Гамбурге и Антверпене должен добавиться порт в Гданьске, а также порты в Риге и Клайпеде. Они будут обеспе-

чивать единый маршрут через Балтийское море из Минска и станут западным участком «Шелкового Пути».

В России подобный формат сотрудничества с КНР пока еще не разработан, равно как и нет единого ГСИ, который смог бы стандартизировать принятие решений по проектам «ОПОП» на территории стран ЕАЭС. Это связано с тем, что при проектировании столь масштабных инвестиционных проектов с большими сроками окупаемости возникают коллизии, связанные со степенью ответственности за администрирование, а также с вопросами финансирования как ключевого фактора при создании ГСИ наподобие формата 16+1. В качестве примера рассмотрим проект «Евразийского сухопутного моста» на территории России и роль, которую в нем играют российские компании.

### Роль российских компаний в инвестиционном проекте «ОПОП»: на примере «Евразийского сухопутного моста»

Для понимания роли российских компаний в проектах «ОПОП» представим идеальную теоретическую схему основных участников упомянутого проекта по созданию Евразийского сухопутного моста (см. рис.).



Источник: составлено автором.

Рис. Схема основных участников проекта «Евразийского сухопутного моста» в рамках проектов «Один пояс – Один путь»

Конкретизируем основных участников, которые будут задействованы в проектах «ОПОП» на территории России.

Инвестор, он же и инициатор проектов «ОПОП», в том числе и Евразийского сухопутного моста. За счет наличия свободных денежных средств у него есть план по развитию Евразийского сухопутного моста как части общего шелкового пути «ОПОП».

ТНК КНР (транснациональные компании Китая) являются тем самым инвестором и инициатором проекта. Основной задачей данных ТНК является создание проектной нормы, которая позволила бы реализовать международные транспортные коридоры в проекте «ОПОП» с оптимальным использованием земельных ресурсов и денежных средств. Эти компании представлены крупными логистическими корпорациями Китая – China Logistics Co. Ltd, China Merchants Group, COSCO Group и другими.

Управленец новых транспортных коридоров, созданных в рамках «ОПОП», требует необходимой институциональной надстройки, касающейся администрирования этих коридоров. Для этих целей необходимо определить, на каком уровне будет осуществляться администрирование Евразийского сухопутного моста. Будет ли это региональный или национальный уровень со своими особенностями регулирования? Или же администрирование будет осуществляться на основе точечных договоренностей в форме концессионных соглашений? Ответ на вопрос, кто будет реализовывать проектную норму, является одной из составляющих успешной реализации столь масштабного инвестиционного проекта.

Собственником ресурсов в рассматриваемом проекте является государство, которое имеет в федеральной собственности дороги международного значения и инфраструктуру, обслуживаемую государственными компаниями в лице ГК «Автодор», РЖД и ГК «Росатом». На текущий момент этими компаниями обслуживается автомобильная и железнодорожная инфраструктура, а также осуществляется инфраструктурное оперирование Северным морским путем (ГК «Росатом»).

Кредитор. В случае заинтересованности инвестора в развитии сопутствующей инфраструктуры в проекте Евразийского сухопутного моста Россия может рассчитывать на кредитование через АБИИ как участник проектов «ОПОП». Финансирование этих проектов является одной из задач этого банка [14, С. 104].

Изучение текущего «ядра» на технико–экономическом и социально–экономическом уровнях и конкретизация основных участников инвестиционного проекта позволяет исследовать ситуацию на подуровнях хозяйственной системы. При рассмотрении участников инвестиционного проекта были поставлены вопросы в сфере администрирования проектов «ОПОП» на территории России. Для ответа на эти вопросы обратимся к институциональному подуровню хозяйственной системы, на котором возникают первые сложности в реализации проекта Евразийского сухопутного моста.

Первый фактор, на который следует обратить внимание при проектировании проектов «ОПОП», является смена инвестора. Имеется в виду, что если ранее инфраструктурные проекты по развитию транспортной сети финансировались из федерального бюджета или

с привлечением инвестиций государственных компаний для развития сопутствующей инфраструктуры в рамках старого «ядра», то проект Евразийского сухопутного моста предполагает наличие качественно другой системы взаимодействия государства с инвестором [15, с. 163].

Особенность этой системы заключается в том, что она должна соответствовать региональному формату администрирования коридора в связи с его прохождением по территории сразу нескольких стран – участниц «ОПОП», которые являются участниками различных интеграционных объединений. В результате появляются как правовые коллизии, связанные с соблюдением всевозможных экологических, инвестиционных и технических стандартов, так и различия в проводимой внешнеторговой политике. Проекты «ОПОП» могут рассматриваться как угроза экономической стабильности и суверенитету стран, имеющих намного меньший размер экономики по сравнению с КНР. Эти факторы связаны с адаптацией национальной стратегии России применительно к тем требованиям и обязательствам, которые необходимо соблюдать при администрировании части Евразийского сухопутного моста.

Подобная необходимость заставляет вновь обратиться к институционально–эволюционному подходу. В рассматриваемом случае он заключается в адаптации и импорте институтов, которые будут способствовать развитию Евразийского сухопутного моста на территории России и стран ЕАЭС. Поскольку корпоративный сектор является наиболее чувствительным к колебаниям внешней среды, то для развития экономики страны на основе нового «ядра» хозяйственной системы необходимы государственные компании, которые могли бы функционировать в рамках ГСИ наподобие формата 16+1.

Сам формат 16+1, который был рассмотрен выше с позиции стран-транзитеров ЦВЕ, стал, в сущности, региональным институтом, существующим отдельно от наднациональных органов ЕС и осуществляющим администрирование в сфере имплементации и согласования множества двусторонних соглашений, касающихся развития точечных проектов «ОПОП» на территории стран ЦВЕ. Подобный подход к созданию Морского шелкового пути позволяет проводить успешную политику привлечения иностранных инвестиций в крупные инфраструктурные проекты транзита. В результате страны ЦВЕ, не являясь основными торговыми партнерами Китая, очень важны с точки зрения транзита китайских товаров и услуг на рынки основных торговых партнеров Китая.

Адаптация российских компаний и российской экономики к новой институциональной структуре и институциональному окружению должна включать:

- статистический мониторинг региональных форматов экономической интеграции, которые основываются на проектах с большими сроками окупаемости;

- государственную поддержку компаний транспорта и логистики, ориентированных на внешний рынок;
- адаптацию и импорт успешных методик по реализации инфраструктурных проектов с большими сроками окупаемости.

В отличие от намечаемого уменьшения влияния государственных компаний, работающих в сырьевом секторе экономики, роль российских компаний в проектах «ОПОП» не имеет «запланированного» характера. Развитие транспортной инфраструктуры России в рамках «Евразийского сухопутного моста» носит, скорее, хаотичный характер. Это проявляется в попытках развивать сегмент железнодорожных перевозок и сопутствующей инфраструктуры в форме МТК через государственные компании в лице ОАО «РЖД» и при этом уменьшать огосударствление в секторе автомобильных перевозок. Это можно увидеть на примере частной автомобильной трассы «Меридиан», которая является частью МТК «Западная Европа – Западный Китай». Отсутствие планового подхода по развитию подобных проектов, которые и формируют «Евразийский сухопутный мост» приводит к постоянному переносу сроков и в конечном итоге к заморозке этих проектов. Так ВСМ Москва–Казань после долгого утверждения и согласования проекта была заморожена. Развитие МТК «Западная Европа – Западный Китай», частью которой является «Меридиан», также идет с нарушением сроков, с отставанием от плана на 7 лет, по данным Счетной палаты РФ<sup>3</sup>.

Все указанные проблемы, естественно, требуют создания надежного базиса в форме эмпирических, статистических и эконометрических разработок по обоснованию целесообразности финансирования проектов «ОПОП», с дальнейшим развитием и поддержкой государственных компаний в сфере логистики и транспорта. Реализация указанных проектов требует также теоретической проработки проблем экономической интеграции с учетом эволюционных сдвигов в российской экономике, как неотъемлемой части глобальных производственных цепочек. Без такой теоретической актуализации экономических интеграционных процессов в рамках «ОПОП» невозможно говорить о процессах трансформации институциональной структуры и институционального окружения российской экономики, которая пока менее привлекательна для Китая как страна – транзитер по сравнению со странами Центральной и Восточной Европы.

<sup>3</sup> Воссоздание Шелкового пути откладывается: международный транспортный маршрут «Европа – Западный Китай» будет открыт не раньше 2027 г. При этом по Соглашению стран – членов ШОС транспортный коридор на территории Российской Федерации должны были запустить не позднее 2020 г. [audit.gov.ru/news/stroitelstvo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta-evropa-zapadnyy-kitay-otstaet-ot-plana-na-7-let](http://audit.gov.ru/news/stroitelstvo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta-evropa-zapadnyy-kitay-otstaet-ot-plana-na-7-let) (дата обращения: 19.05.2020).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Медведев И.В.* Теоретические и методологические основы экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве в рамках ЕАЭС // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2019. № 4 (48). С. 183–191.
2. *Мифтахова Е.В., Дубровский В.Ж.* Построение как способ упорядочивания структуры корпоративной организации // Известия Уральского государственного экономического университета. 2008. № 1(20). С. 51–53.
3. *Медведев И.В.* Экономико–теоретические проблемы исследования экономических интеграционных процессов на постсоветском пространстве на примере СНГ // Теоретическая экономика. 2020. № 2 (62). С. 60–66.
4. *Глазев С.Ю.* Доклад о глубинных причинах нарастающего хаоса и мерах по преодолению экономического кризиса. 1 .04.2020. [glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizi/78041](http://glazev.ru/articles/1-mirovoy-krizi/78041).
5. *Сорокин Д.Е.* Третья концепция социально–экономического развития: проблема целеполагания // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 50–55.
6. *Вольчик В.В.* Эволюционный подход к анализу институциональных изменений // Terra Economicus. 2012. С. 62–69.
7. *Эскиндаров М.А.* Развитие корпоративных отношений в современной российской экономике. М.: Республика, 1999.
8. *Chang Ha-Joon.* Institutions and economic development: theory, policy and history // Journal of Institutional Economics. 2011. Vol. 7. Issue 4.
9. Россия в глобальной экономике: новые вызовы и угрозы: Материалы научн. конф. молодых ученых, 22 ноября 2018 г. / Отв. ред. к.э.н. О.В. Фролова. М.: ИЭ РАН, 2019.
10. *Szunomár Á, Völgyi K., & Matura T.* Chinese Investment and Financial Engagement in Hungary. Centre for Economic and Regional Studies HAS Institute of World Economics Working, 2014. Paper 208. P. 34–54.
11. *Kaczmarek M., & Jakóbowski J.* China on Central–Eastern Europe: ‘16+1’ as seen from Beijing. OSW Commentary 166. Warsaw, Poland: Centre for Eastern Studies. 2015. [www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2015-04-14/china-central-eastern-europe-161-seen-beijing](http://www.osw.waw.pl/en/publikacje/osw-commentary/2015-04-14/china-central-eastern-europe-161-seen-beijing).
12. *Jean-Paul Larçon.* China’s Belt and Road Initiative and business strategies in the Baltic Sea Region. Vistula Scientific Quarterly. 2019. Pp. 1–15.
13. *Jian-hua Xiao, Shao-ju Lee, Bing-lian Liu Jun Liu.* Contemporary Logistics in China: Collaboration and Reciprocation, Springer Nature Singapore Ltd. 2018. P. 220. doi.org/10.1007/978-981-13-0071-4 (дата обращения 14.04.2020).
14. *Муратшина К.Г.* Создание Китаем Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и позиция Японии и других партнеров США в АТР // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 104–109.
15. *Медведев И.В.* Институциональные основы развития транзитного потенциала и экономической интеграции в ЕАЭС //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2019. № 1 (370). С. 153–167.

ABOUT THE AUTHOR

**Medvedev Ilya Vitalievich** – post-graduate student of the Institute of Economics and Management of Tver State University, Tver, Russia  
ilya13092@yandex.ru

THE ROLE OF RUSSIAN COMPANIES IN ECONOMIC INTEGRATION PROJECTS  
“ONE BELT, ONE ROAD”: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL GROUND

The role of Russian companies in economic integration projects “One Belt – One Road” (BRI – Belt and Road Initiative ) is considered. On the base of the structural-level and institutional-evolutionary approaches, the author investigates the possibilities and extent of involvement of Russian companies in BRI’s projects. It is concluded that evolutionary shifts in the corporate sector in Russia require the institutional adaptation to BRI’s projects, which are key components of the successful implementation of the Eurasian Land Bridge in Russia. This opens up opportunities for competition for infrastructure investment with transit countries in Central and Eastern Europe.

*Keywords: corporate ties, economic integration as a basis for development, Central and Eastern Europe, China, transit potential.*

**JEL:** B50, B52, Z18.

Д.Л. ЗАГОРУЙКО

аспирант ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства  
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»,  
Среднерусский институт управления – филиал, г. Орел

## УСПЕШНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

Успешный опыт государственной поддержки технологичного производства, а также его внедрения в экономику страны демонстрирует сегодня Республика Корея. Исследование приложенных государственной властью Южной Кореи усилий в оказании содействия в становлении и развитии малого предпринимательства и анализ эффективности этих мер, выразившихся в высоких предпринимательских, экономических и экспортных рейтингах страны, показал действенность многосторонней и комплексной поддержки. В статье автором подробно изучен опыт государственной поддержки внедрения инноваций в сектор малого бизнеса Республики и описаны действующие государственные программы поддержки малого предпринимательства, изучена инфраструктура поддержки малого предпринимательства, изложены формы и методы государственной поддержки субъектов малого бизнеса в Корее.

**Ключевые слова:** государственная поддержка предпринимательства, зарубежная поддержка предпринимательства, малое предпринимательство, малое предпринимательство в Корее.

JEL: H21, H49, G38, N85.

DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10052

Руководители большинства государств современного глобального мира осознают, что высокий уровень социального и экономического развития неразрывно связан с формированием успешного малого предпринимательства в национальных экономиках. Поскольку малый бизнес вносит существенный и порой, к сожалению, недооцененный вклад в экономику страны, понимание крайней необходимости поддержки данного сектора со стороны государства может ощутимо повлиять на ход развития страны и рост благосостояния ее населения.

В опубликованной в 2018 г. статье «Лучшие зарубежные практики государственной поддержки субъектов малого предпринимательства» [1] уже проводился анализ различных моделей государственной помощи малому бизнесу в ряде стран, преуспевающих в своем разви-

тии. Понимание факта высокой значимости этого, казалось бы, несущественного сектора экономики кардинально перестроило систему государственного воздействия, привнеся туда специфические организационные и финансово-кредитные рычаги управления. Результатом данного воздействия явилось успешное становление и качественное стабильное развитие малого предпринимательства, приносящее со временем серьезные поступления в бюджет, а также придающее маневренность, гибкость и большую эффективность национальной экономике. При этом нельзя не упомянуть о таком важном следствии зрелости рынка малого бизнеса, как рост уровня жизни населения страны.

Мировая практика показывает, что в успешно развивающихся странах централизованное содействие малому предпринимательству является неотъемлемой частью государственной политики. В данном контексте создание правового поля и экономической среды для самостоятельного роста и развития малых предприятий в реалиях современного цивилизованного рынка является первоочередной задачей государства.

Один из интереснейших примеров содействия развитию малого предпринимательства демонстрирует Республика Корея, лозунгом экономической политики которой является «Повышение производительности субъектов малого бизнеса через инновации». Республика Корея (Южная Корея), по данным Всемирного банка и Международного валютного Фонда, занимает шестое место в мире по объему производимого валового внутреннего продукта на душу населения<sup>1</sup>. Кроме того, также положительно характеризует экономику Южной Кореи достаточно низкий уровень безработицы, составляющий порядка 3,8%, а также высокий уровень жизни граждан страны [1].

Для оценки и сравнения степени развития предпринимательства в разных государствах экспертами-экономистами составляются рейтинги, в которых используются различные индексы, показывающие сильные и слабые стороны управления данным процессом. В частности, широко применяется показатель финансовой независимости, устанавливающий уровень правительственного невмешательства либо, наоборот, воспрепятствования изготовлению, распределению, а также употреблению продуктов и услуг [1]. Южная Корея, согласно этому признаку, в 2020 г. занимает 25 место в мире из 180, тогда как Российская Федерация, для сравнения, занимает лишь 94 место. По уровню легкости ведения бизнеса, характеризующей простоту осуществления предпринимательской деятельности [4], по оценке Всемирного банка, Корея занимает пятое место в мире. А по объему производимого ВВП

---

<sup>1</sup> World Bank .Data. datacatalog.worldbank.org.

эта небольшая страна занимает 11 место в мире. Эти данные свидетельствуют о том, что Южная Корея является достойным образцом интенсивного и успешного формирования сектора малого и среднего предпринимательства (далее МСП) в новейшей всемирной истории.

В соответствии с данными Национального Статистического Управления, опубликованными на сайте Министерства МСП и Стартапов Кореи (Ministry of SMEs and Startups – MSS), на сегодняшний день 90,2% населения Республики Корея занято в сфере малого предпринимательства, насчитывающей свыше 3,6 млн хозяйствующих субъектов, что составляет 99,9% общего количества зарегистрированных коммерческих предприятий. Доля МСП в общем экспорте Южной Кореи составляет 37,5% [8].

Программы, а также инструменты государственной поддержки предприятий сектора малого и среднего бизнеса в Южной Корее разрабатываются и реализуются Министерством МСП и Стартапов Кореи, которое, в свою очередь, координирует работу девяти учреждений для выполнения конкретных функций, а именно:

- 1) Корейская федерация кредитных гарантийных фондов (KOREG);
- 2) Корпорация малого и среднего бизнеса (SBC);
- 3) Корейское агентство по развитию технологий и информации (ТИРА);
- 4) Центр распределения малых предприятий (SBDC);
- 5) Малые предприятия и Маркетинговые услуги (SEMAS);
- 6) Корейский институт начального и предпринимательского развития (KISED);
- 7) Корейская венчурная инвестиционная корпорация (KVIC);
- 8) Корейский институт малого бизнеса (KOSBI);
- 9) Корейская корпорация технологий и финансов (Korea Technology Finance Corporation – KIBO).

Эти организации совместно образуют функциональную сеть для реализации политики государства по поддержке и развитию МСП.

Понимая высокую важность развития малого бизнеса, Министерство МСП и Стартапов ставит своей целью укрепление конкурентоспособности и поддержку инноваций микро-, малых и средних предприятий. Миссия MSS заключается в разработке и реализации государственной политики в следующих трех областях:

1. Содействие росту бизнеса. Государство осознает, что рост предприятий напрямую связан с ростом национальной экономики. Таким образом, MSS реализует различные политики, направленные на стимулирование роста предприятий на всех этапах развития – от стартапов до МСП, от МСП – до международных предприятий включительно.

2. Формирование бизнес-стартапов. Технологии и основанные на новых знаниях стартапы могут привести инновации и дать толчок

развитию всей экосистемы бизнеса. С этой целью MSS стремится развивать новые идеи, чтобы превратить их в новые предприятия. Кроме того, MSS также создает плавный цикл финансирования бизнеса, который облегчает инвестирование, сбор и реинвестирование.

3. Поддержка микропредприятий. В целях повышения конкурентоспособности микропредприятий, тоже важной основы национальной экономики, Министерство предпринимает меры государственного воздействия, которые способствуют успешному запуску микропредприятий, организуют тесное плодотворное сотрудничество, а также обеспечивают здоровый рост и успешное развитие [8].

Основными направлениями государственной политики в области поддержки становлению и развитию малого бизнеса в стране государство выбрало следующие [7]:

1. Повышение производительности МСП через инновации.
2. Ликвидация дефицита рабочей силы в МСП.
3. Повышение производительности МСП путем укрепления связей с мировыми рынками.
4. Создание правовой экосистемы для продвижения динамично развивающихся МСП.
5. Содействие предпринимательству с целью увеличения числа стартапов.
6. Продвижение политики улучшения финансирования МСП и стартапов.

Для реализации вышеупомянутых целей органы власти Южной Кореи применяют большое количество самых разных ощутимых финансовых послаблений и льгот, таких как [3]:

- 1) система дотационных кредитов с более низкой ставкой, на 2,5–3% ниже банковской, сроком вплоть до 8 лет;
- 2) система целевого кредитования малому бизнесу в интересах содействия экспорту;
- 3) система субсидиарной помощи, содействующая увеличению коммерциализации новаторских идей;
- 4) льготный порядок налогообложения;
- 5) система научно-технической помощи стартапам, являющимся, по оценкам специалистов, многообещающими.

Такие разносторонние меры поддержки эффективно сказываются на развитии малыми предприятиями производства инновационной продукции, конкурентоспособной на внешних рынках.

Помимо прочего, Корейская корпорация малого бизнеса финансирует целый пакет программ. В этих целях предусмотрены долгосрочные, стабилизирующие и торговые займы, а также займы на коммерциализацию НИОКР и на развитие малого бизнеса в провинциях.

Для поддержки и содействия внедрению инновационных технологий в деятельность малых и средних предприятий корейское правительство утвердило специальную программу поддержки МСП, а также стартапов. Успешные компании, способные к инновационному развитию, наделяются возможностью получить такие меры поддержки, как технологическая страховка и льготный налоговый режим. В стране действует постоянная налоговая скидка в размере 25% для субъектов инновационного МСП. На реализацию данной программы ежегодно расходуется около 5% от бюджета на НИОКР в Южной Корее [9].

Другим примером стимулирования малого бизнеса является господдержка предпринимателей, которые потерпели неудачу при первой попытке запуска своей компании. Реализуется данная поддержка созданием специального фонда, благодаря которому к решению возникших проблем на пути становления бизнеса привлекаются профессиональные консультанты. В ходе реализации данной программы эксперты проводят диагностику и разрабатывают комплекс рекомендаций для реабилитации бизнеса.

Правительство Южной Кореи активно проводит программу по повышению производительности МСП за счет усиления связей с мировыми рынками. Экспорт предоставляет дополнительные возможности для расширения и создания рабочих мест. Экспорт МСП, по мнению правительства, может быть увеличен за счет:

- 1) более эффективного использования цифровых платформ для расширения связей с мировым рынком;
- 2) более широкого использования технологий конвергенции;
- 3) расширения участия в госзакупках с высокой добавленной стоимостью, отчасти путем устранения торговых и инвестиционных барьеров;
- 4) развитие торговли услугами.

Цифровые платформы предоставляют малым предприятиям новые возможности выхода на зарубежные рынки. Государство информирует МСП о сферах и путях использования электронной коммерции для экспорта, оказывает помощь в обучении необходимых профессионально подготовленных специалистов. Снижение затрат на реализацию таких систем может способствовать увеличению объемов экспорта МСП, а также созданию «глобальных стартапов» («Глобальные стартапы» – термин, применяемый к молодым фирмам, активно вовлеченным в международную торговлю. Они внесли большой вклад в инновации и повышение занятости, что является двумя главными приоритетами правительства Республики Корея). Правительственный центр поддержки экспорта МСП ставит целью разработать онлайн-платформу для облегчения контактов между МСП и зарубежными покупателями.

Корея активно работает в «Фабрике Азии» (концепция производственно–сбытовых цепочек в рамках Азиатско–Тихоокеанских конгломератов, интегрированных вертикально, которые специализируются на изготовлении переходных продуктов, а также услуг со значительной долей добавленной стоимости [6]). Так, в 2014 г. доля импортных составляющих в экспортной продукции Кореи составила 38%, тогда как средний показатель по ОЭСР – 30%. Четверть МСП, ориентированных на экспорт, имеют зарубежные производственные базы, три четверти участвуют в глобальных производственно–сбытовых цепочках.

Особый интерес в системе национальной помощи малому бизнесу в Южной Корее уделяется развитию экспортного потенциала местных компаний. С этой целью государство оказывает содействие в участии экспортно ориентированных небольших компаний в заграничных выставках, разворачивает трейдерские миссии, а также представительства субъектов МСП, создает специализированные экспортные бизнес–инкубаторы с оказанием нормативно–правовой, маркетинговой и консалтинговой поддержки, а также содействует в сертификации продукции для экспорта.

Под созданием нормативно–правовой экосистемы правительство Кореи понимает проводимую нормативно–правовую реформу, направленную на снижение нагрузки на малый бизнес и создание новых возможностей, использование государственных закупок для оказания помощи предпринимателям, а также устранение других препятствий на пути развития малого бизнеса и уменьшение прямого вмешательства государства.

Правительственный план по созданию экосистемы для развития инновационных стартапов заключается в следующем [9]:

1. Создание благоприятных условий для развития предпринимательства, а именно: поддержка талантливых людей, запускающих разнообразные стартапы; использование технических инкубаторов; оказание поддержки на начальном этапе стартапов, таких как офисные помещения, а также сетевые и автономные сети; использование государственной собственности и государственных учреждений в качестве пространства «maker spaces» для облегчения обмена идеями и коммерциализации инновационных идей; оказание помощи стартапам на стадии их развития, включая финансирование; участие в государственных закупках, помогая малым предприятиям выживать и становиться средними предприятиями. Кроме того, правительством Республики Корея внедрена программа по технологической и сервисной поддержке молодых бизнесменов, которая реализуется посредством создания специальных площадок при университетах, где проводятся тестирования инновационных разработок одаренных молодых предпринимателей.

2. Расширение возможностей финансирования и введение налоговых льгот, в том числе создание «Фонда инновационных изысканий» на сумму 9,3 млрд долл. США, оказание содействия финансированию технологий на основе прибыльности фирмы и будущей стоимости технологии, предоставление образовательных программ по финансированию технологий, диверсификация налоговых льгот для начальных инвестиций и для привлечения более широкой группы инвесторов.

3. Установление положительной связи между стартапами и инвестициями посредством постепенного отказа от совместных поручительств (гарантий), которые ложатся тяжелым бременем на семью и друзей предпринимателей в случае банкротства, затрудняет перезапуск компании.

4. Продвижение возможностей для женщин-предпринимателей. В этих целях правительство использует специальный инвестиционный фонд, предназначенный для женщин. Его общий размер составил 50 млн долл. США за 2014–2017 гг. Предполагается, что он должен быть увеличен почти вдвое в 2018–2022 гг. Одним из критериев, по которым фирмы могут претендовать на поддержку со стороны фонда для женщин-предпринимателей, является наличие 35% женщин от числа всех работников, даже если предприниматель является мужчиной. Тем не менее, только 16% получили поддержку из данного фонда в рамках программы Start-up Academy в 2016 г. При этом доля, приходящаяся на поддержку экспорта, финансирования и НИОКР для стартапов женщин-предпринимателей, была еще меньше.

5. Укрепление предпринимательского духа молодежи.

По мнению правительства, важно улучшить имидж предпринимательства и желание молодежи стать предпринимателем в процессе образования, начиная с начальной школы. Корея внедряла программу «Bizcool» в начальных и младших средних школах с 2002 г., но она охватила только 15 начальных и десять средних школ в 2013 г. С 2018 г. обучение предпринимательству вводится в качестве регулярного курса во все начальные и средние школы.

Также важно совершенствовать инфраструктуру для стартапов, которая должна быть улучшена за пределами столичного региона Сеула. Опросы показывают, что 77% студентов университетов за пределами столичного региона крайне заинтересованы в открытии бизнеса, по сравнению с 25% жителей столичного региона. Тем не менее, предпринимательская инфраструктура, а также человеческие ресурсы и системы образования для наставничества молодых предпринимателей сосредоточены в столичном регионе.

Сельское хозяйство Южной Кореи представляет собой высоко развитый сектор экономики страны. Спецификой корейского аграрного хозяйства является активное возделывание небольших по раз-

мерам земельных площадей: в среднем величина фермерского хозяйства занимает чуть больше 1 га, и только небольшая часть фермеров (порядка 6%) владеет участком более 3 га [2].

Правительство Кореи на регулярной основе разрабатывает пятилетние планы развития сельского хозяйства, ставя перед собой амбициозные планы. Осуществляет их правительство, оказывая помощь в модернизации ферм и поддержке обслуживания новых высокопроизводительных теплиц.

В Корее сегодня наблюдается высочайшая степень механизации аграрного хозяйства, что обусловлено высоким уровнем развития машиностроительного комплекса государства. В значительной степени этот уровень обеспечивается благодаря поддержке местными органами власти развития сельскохозяйственного машиностроения.

Общие расходы на исследования и разработки в Корее начали быстро возрастать с 2000 г. и в 2015 г. достигли 4,2% ВВП, являясь самыми высокими в ОЭСР [5]. Для продвижения инноваций правительство предоставляет налоговые льготы на НИОКР, на приобретение активов, технологий и кадровую поддержку. Так, в настоящий момент МСП могут выбирать между налоговой скидкой в 25% от расходов на исследования и повышение производительности или 50% от дополнительных расходов, превышающих средний показатель прошлого года.

Недавний опрос Института малого бизнеса Кореи показал, что 80,5% МСП испытывают трудности с поиском сотрудников, несмотря на растущий приток иностранных рабочих. Развитие МСП тормозится нехваткой квалифицированной рабочей силы, а их возможности обучать своих работников гораздо меньше, чем у крупных фирм. Корея приняла решения расширить число виз для трудоустройства на МСП, чтобы позволить высококвалифицированным иностранным работникам восполнить дефицит кадров на малых предприятиях. Кроме того, Налоговым кодексом предусмотрены вычеты для сотрудников МСП, участвующих в научных исследованиях.

Так, в 2017 г. правительством Кореи был принят очередной пакет мер поддержки становлению и развитию малого предпринимательства, к которым, в частности, относятся следующие [9]:

- 1) Правительство создало Фонд венчурных инвестиций в МСП в 9,3 млрд долл. США.
- 2) Увеличило размеры финансовой поддержки МСП через государственные банки.
- 3) Правительство развивает рынок автоматических котировок KOSDAQ (корейских дилеров по ценным бумагам) для поддержки инновационных МСП.
- 4) Центральный банк увеличивает кредитную поддержку через финансовых посредников.

- 5) Правительство предоставляет МСП ежегодную поддержку в размере 18,5 тыс. долл. США на каждого вновь принятого на работу сотрудника на три года.
- 6) Правительство поощряет молодых работников МСП оставаться на своих рабочих местах, посредством увеличения суммы средств на их индивидуальных сберегательных счетах.
- 7) Для продвижения четвертой промышленной революции MSS запускает такие программы, как создание стартап-команд из смежных областей, чтобы способствовать созданию новых отраслей в экономике.
- 8) MSS реализует программу запуска Технического инкубатора для стартапов, которая обеспечивает наставничество и способствует развитию технологий.
- 9) Правительство защищает мелких торговцев и МСП за счет сокращения затрат, в том числе на оплату труда, на социальные и страховые взносы, на оплату по кредитам, налогам, финансовым долгам и аренду.

Кроме того, МСП в Корее также получают поддержку в виде:

- 1) преференциального режима при государственных закупках;
- 2) более низкой ставки налогов, как на уровне центрального правительства, так и на уровне местных органов власти, а также льготный режим налогообложения;
- 3) исключения для ассоциаций МСП из Закона о регулировании монополии и справедливой торговли;
- 4) права нанимать иностранных работников;
- 5) пониженных тарифов на воду и электроэнергию.

Развитие малого бизнеса Кореи, как указывают эксперты, в целом происходит путем поддержки структурной перестройки, а также увеличения занятости населения благодаря содействию сбалансированному развитию национальной экономики страны. Идет активная работа над повышением конкурентоспособности малых и средних предприятий на внутреннем и внешних рынках, реструктуризация и повышение качества образования и профессиональной подготовки сотрудников.

Сектор малого предпринимательства во всех странах имеет ряд отличительных черт, по причине которых он является очень зависимым от условий рынка. В связи с этим необходимо, чтобы любое государство было гарантом методичного, последовательного и активного решения вопросов хозяйственного регулирования, целенаправленно координируя ход рыночных переустройств в особенно чувствительном секторе экономики – малом бизнесе.

Выработка комплекса мер государственного регулирования и поддержки малого бизнеса является существенным условием его успеш-

ного развития. В научных и практикующих кругах постоянно ведутся споры по вопросам соответствия тех или иных мер механизму рынка и состоянию отрасли. Поэтому особенно актуальна задача разработки максимально экологичных моделей, механизмов и систем поддержки малого предпринимательства в современных рыночных условиях.

Опыт показывает, что страны уделяют особое внимание разработке и реализаций стратегических программных документов, которые при качественном контроле и грамотной реализации дают ожидаемый высокий результат. Сложилось глубокое понимание, что государству следует активизировать все без исключения формы хозяйствования, гарантирующие максимально результативное пользование ресурсами, а также рост производства продукции.

В целом, мировая практика демонстрирует то, что степень национальной помощи сектору малого бизнеса не только остается значительной, но и неизменно повышается. Малому предпринимательству в каждом государстве необходима поддержка в виде единого целостного подхода, которая должна содержать в себе многоплановые мероприятия помощи, такие как консалтинговые, экономические, научно-технические, управленческие, общественные и информационные. В условиях современной глобальной экономики для сохранения и повышения экономических, предпринимательских и социальных рейтингов страны, вопросы изучения образцового опыта поддержки и развития малого предпринимательства в преуспевающих странах являются важнейшими в целях его дальнейшей практической реализации с учетом специфики страны.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Анненкова А.А., Паршутина И.Г., Жучкова Д.Л., Барышев А.В. Лучшие зарубежные практики государственной поддержки субъектов малого предпринимательства // Вестник Орел ГУЭТ. 2018. № 3 (45). С. 66–72.
2. Ахмадулина Т.В. Инновационный аспект развития сельского хозяйства Республики Корея // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 3. Ч. 3.
3. Александрин Ю.Н., Самарский Д.М. Инструментарий государственной поддержки малого инновационного предпринимательства в Южной Корее и Израиле // Экономика и предпринимательство. 2015. Номер: 4–2 (57) С. 964–969.
4. Economic Freedom. [www.heritage.org/index](http://www.heritage.org/index) (дата обращения: 13.03.2020).
5. Jeong-bin Im. Recent Agricultural Policy Development in Korea / Food & Fertilizer Technology Center Agricultural Policy (FFTC-AP) Platform. [ap.fttc.org.tw/article/1367](http://ap.fttc.org.tw/article/1367) (дата обращения 13.08.2020).
6. Kanaev E., Korolev A.S. Factory Asia and Asia-Pacific Economic Regionalism: The Connectivity Factor Revisited. International Relations. 2016. No. WP BRP 27/IR/2016. [publications.hse.ru/preprints/196375343](http://publications.hse.ru/preprints/196375343) (дата обращения 13.08.2020)

7. OECD Economic Surveys: KOREA. OECD. 2018. [www.oecd.org/economy/surveys/Korea-2018-OECD-economic-survey-overview.pdf](http://www.oecd.org/economy/surveys/Korea-2018-OECD-economic-survey-overview.pdf) (дата обращения: 04/06/2020).
8. Ministry of SMEs and Startups of Republic of Korea. [smba.go.kr/site/eng/main.do](http://smba.go.kr/site/eng/main.do) (дата обращения: 08.09.2018).
9. *Randall S. Jones, Jae Wan Lee*. Enhancing dynamism in SMEs and entrepreneurship in Korea. Organisation for Economic Co-operation and Development. Economics department working papers No. 1510. 2018. [www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/МКР\(2018\)58&docLanguage=En](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=ECO/МКР(2018)58&docLanguage=En) (дата обращения: 04/06/2020).

#### ABOUT THE AUTHOR

**Zagoruiko Darina Leonidovna** – Post-graduate student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “The Russian Academy of National Economy and Public Administration” under the President of the Russian Federation, Central Russian Institute of Management, Orel branch, Orel, Russia  
[dzagoruiko@bk.ru](mailto:dzagoruiko@bk.ru)

#### SUCCESSFUL EXPERIENCE OF STATE SUPPORT FOR SMALL BUSINESSES ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KOREA

The Republic of Korea demonstrates successful experience of state support for technological production in the country's economy, as well as its implementation. An analysis of the efforts, made by the Korean government to foster establishing and developing small businesses showed the effectiveness of multilateral and comprehensive support and resulted in the high country's business, economic and export ratings. The article states in detail the experience of state support for the introduction of innovations in the small business sector of the Republic, described the current state programs for supporting small businesses, laid out the infrastructure for supporting small businesses, outlined the forms and methods of state support for small businesses in Korea.

**Keywords:** *state support for entrepreneurship, foreign support for entrepreneurship, small businesses, small businesses in Korea.*

**JEL:** H21, H49, G38, N85.